

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1894.

Дозволено Цензурою Кієвъ 3 Іюня 1894 г.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ.

По J. Ролле.

Въ январѣ текущаго года умеръ I. I. Ролле, которому такъ много обязана исторія правобережной Украины. Въ „Кіевской Старинѣ“ былъ помѣщенъ некрологъ съ краткой характеристикой его литературно-научной дѣятельности. Но это, конечно, далеко не все, чѣмъ мы обязаны его памяти: необходимо познакомить читающую публику съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для нашей исторіи. Казалось-бы, какія особенныя трудности можетъ это представлять, разъ дѣло идетъ о такомъ легкомъ и интересномъ писателѣ, какъ Dr. Antoni I.? А между тѣмъ, именно въ этомъ обстоятельствѣ, въ особенностяхъ его литературной манеры, его синтетическаго способа трактовать историческія темы, являющіяся у него воплощенными въ лица и картины, его живаго, всегда легкаго, часто художественнаго стиля, и заключаются препятствія. Прямой и простой путь къ ознакомленію съ писателемъ такого типа—это переводы. Но едва-ли можетъ быть серьезный разговоръ о переводѣ 19 томовъ—правда небольшихъ, но все-таки 19—его рассказовъ, въ которыхъ масса повтореній, масса отступленій, масса имѣющаго интересъ лишь мѣстный, случайный, временный, личный. Лучше выбрать для перевода отдѣльные рассказы,—но это и дѣлалось: „Кіевская Старина“ не разъ давала на своихъ страницахъ мѣсто такимъ переводамъ, однако цѣнный историческій матеріалъ, заимствованный въ значительной степени изъ фамильныхъ архивовъ, разбросанъ у него повсюду.

Намъ пришла въ голову мысль выбрать изъ сочиненій Ролле то болѣе цѣнное, что имѣетъ отношеніе къ исторіи Ук-

раины, и представить выбранное въ цѣльномъ и связномъ изложеніи. Такимъ образомъ, получился очеркъ исторіи правобережной Украины, правда, страдающій нѣкоторыми пробѣлами, но тѣмъ не менѣе пополняющій въ извѣстномъ смыслѣ тотъ существенный недостатокъ, какой чувствуется въ нашей литературѣ по отношенію къ цѣльнымъ работамъ по исторіи юга, доступнымъ для публики.

Разумѣется, при такой постановкѣ намъ невозможно было устранить свою личность съ ея собственными взглядами на предметъ и съ ея критическимъ отношеніемъ къ положеніямъ и утвержденіямъ своего источника. Но мы все-таки льстимъ себя надеждой, что намъ удастся избѣжать опасности быть обвиненными въ неуваженіи къ взглядамъ Ролле.

I. До Люблинской уніи.

На рубежѣ 15-го и 16-го вѣковъ слово „Украина“, „кресы“ (пограничье) имѣло для обывателя внутреннихъ областей Литовско-Польскаго государства особый, таинственно-привлекательный смыслъ. На плоскихъ равнинахъ Великой Польши, надъ Нѣманомъ, въ непроходимыхъ литовскихъ пущахъ, одѣтыхъ вѣчнымъ туманомъ, кружились фантастическіе рассказы о залитомъ солнцемъ краѣ, гостеприимно открытомъ для каждаго пришельца, гдѣ травы въ ростъ человѣка, укрываютъ дикихъ коней и безъ труда выкармливаютъ стада превосходныхъ воловъ и овецъ, гдѣ стоитъ бросить въ землю горсть зерна, чтобъ народилось столько хлѣба, что не знаешь, куда съ нимъ дѣваться... И понурый бѣлоруссъ, бредя за своей деревянной сохой по истощенному полю, мечталъ о золотыхъ нивахъ Поросья и Побужья; и мазовшанинъ зналъ, что на прекрасномъ Подольѣ ждетъ его не только сытый хлѣбъ, но и воля. Тѣмъ не менѣе однако, далеко не каждый изъ тѣхъ, кому нехорошо жилось дома и кто могъ уйти, уходилъ въ эти сказочныя страны: на рубежахъ ихъ залегалъ змѣй Горынычъ, та чудовищная гидра, которая постоянно впускала въ предѣлы Украины свои безчисленныя щупальцы, выбирала *ad libitum* жертвы и втягивала

ихъ въ свою бездонную утробу. Но не будь татаръ, и кресы не были бы кресами, тѣмъ плѣнительнымъ краемъ, который неотразимо привлекалъ и привязывалъ къ себѣ всѣ истинно „рицерскія“ души.

Украина примыкала къ остальному міру красивой гористой южной Волинью и плоской равниной Кіевскаго Полѣсья, гдѣ на ряду съ болотомъ и пескомъ встрѣчается и настоящая украинская пшеничная земля. Все это были земли исконнаго старо-русскаго заселенія, которыя хранили—какъ и до сихъ поръ хранятъ—въ своихъ нѣдрахъ, подъ своими курганами и валами, поросшими исполинскимъ лѣсомъ, много историческихъ тайнъ, ждущихъ раскрытія. Не смотря на пронесшіяся надъ краемъ крупныя политическія бури—монгольское нашествіе, литовское завоеваніе—населеніе въ массѣ осталось, повидимому, на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, перенеся такимъ образомъ живую нить исторической традиціи изъ удѣльной эпохи въ Литовско-Русское государство. Къ югу отъ этой полосы прочнаго заселенія тянулись уже „кресы“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: прекрасная пустыня, куда населеніе, свое—пограничное и пришлое, безудержно тянулось, привлекаемое изобиліемъ рассыпанныхъ вокругъ богатствъ природы, но гдѣ оно могло прочно держаться лишь подъ охраною замковъ или какихъ-нибудь естественныхъ прикрытій. Странно одиноко торчатъ эти замки, какъ напр. Каневъ, Черкассы, на территоріи южной части бывшаго кіевскаго княжества, но, очевидно, что не просто же они забыты здѣсь исторіей, что прикрываютъ же они кого-нибудь. А естественными прикрытіями для населенія служили лѣса, куда оно убѣгало при татарскихъ нападеніяхъ, если успѣвало, а на берегахъ Днѣстра и Смотрича, сверхъ того, и пещеры въ скалистыхъ берегахъ. Въ двухъ полосахъ этой пустыни населеніе успѣло болѣе или менѣе сплотиться: это по верхнему теченію Буга до Брацлавля (Побужье) и по Днѣстру отъ Смотрича приблизительно до Могилева (Поднѣстровье, Подолье). И та и другая территорія, и Поднѣстровье и Побужье, не сейчасъ только начинали свою историческую жизнь.—Несомнѣнно, на Побужьѣ въ концѣ удѣльной эпохи сидѣли, а, слѣдова-

тельно, и имѣли свои княжества эти загадочные Болоховскіе князья, за которыми такъ тщетно гоняются историки; а русское заселеніе Поднѣстровья имѣетъ еще болѣе раннюю исторію: остатки скитовъ, выдолбленныхъ въ мягкомъ прибрежномъ камнѣ, православныхъ церквей и монастырей надъ богатыми залежами кремневыхъ орудій и друг. памятниковъ каменнаго вѣка, намекаютъ какъ-бы на древнюю культурную роль этой территоріи. Но и тутъ и тамъ, на Днѣстрѣ, какъ и на Бугѣ, нить исторической преемственности, видимо, чѣмъ-то порвана, и жизнь какъ-бы начинаетъ складываться съизнова. На Побужьѣ жизнь эта складывается подъ явнымъ тяготѣньемъ Волыни; на Поднѣстровьѣ, примыкающемъ къ Галиціи, на такъ-называемыхъ молдавскихъ кресахъ, которые уже съ 14-го вѣка встали въ непосредственную политическую связь съ Польшей, русскій элементъ оказался подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго. Вотъ въ грубомъ видѣ контуры той исторической сцены, которую называли Украиной—той совсѣмъ особенной исторической сцены, глядя на которую, въ исторической перспективѣ трехъ послѣднихъ вѣковъ (XVI—XVIII) какъ будто не видишь ничего, кромѣ потрясающихъ драматическихъ эпизодовъ, кромѣ потоковъ человѣческой крови и слезъ... Дальше къ югу тянулись уже „дикія поля“, совершенно безлюдная ровная степь, гдѣ зимой бушевали снѣжныя мятели, а осенью сѣверный вѣтеръ гналъ безпрепятственно къ югу цѣлыя полчища перекатиполя; за то весной все убиралось въ цвѣточный коверъ, все было полно блеска, сладкихъ звуковъ и благоуханій. Но въ эту то именно пору расцвѣта своей красоты степь и дѣлалась страшно опасной для пограничнаго человѣка: подъ прикрытіемъ ея роскошной растительности татары незамѣтно пробирались въ заселенныя мѣстности... И при первой возможности пограничникъ безжалостно пускалъ въ эту степь краснаго пѣтуха, и вся ея цвѣтущая красота исчезала подъ чернымъ саваномъ пепла. Да, не могъ онъ смотрѣть на эту степь иначе, какъ взглядомъ вѣчно насто-роженнаго, вѣчно озлобленнаго врага...

Литовское государство, сплотивъ около своего ядра запад-ныхъ русскія земли, въ половинѣ 14 вѣка отбросило къ Черному

морю татарскія орды, которыя кочевали было по Бугу и Днѣстру и мирно уживались со своими осѣдлыми русскими сосѣдями, собирая съ нихъ дань серебромъ и хлѣбомъ и предоставляя имъ за то свободу и безопасность. А между тѣмъ въ теченіе слѣдующаго столѣтія положеніе рѣзко измѣнилось. Крымскій полуостровъ сдѣлался теперь центромъ, около котораго группировались кочевники степей, прилегающихъ къ Черному морю. Въ то же время Крымъ оторвалъ отъ Астраханской орды ногайцевъ и передвинулъ этихъ дикарей, возбуждавшихъ ужасъ, въ сосѣдство Украины: они-то именно, подъ названіемъ татаръ очаковскихъ, бѣлгородскихъ, буджакскихъ, отличающимъ ихъ отъ татаръ собственно крымскихъ, или перекопскихъ, и играютъ такую важную роль на кровавыхъ страницахъ Украинской исторіи. Вассальная связь Крымскаго ханства съ Турціей, только что водворившейся въ Европѣ, придала этому само-по-себѣ слабому и неустойчивому государству прочность и силу. Но бѣда была не въ силѣ, а въ томъ направленіи, какое получила эта сила. Расположившись по берегамъ Чернаго моря, Крымское ханство унаслѣдовало традиціи венеціанской и генуэзской торговли, но оригинально приспособило къ себѣ эти традиціи: главнымъ и чуть-ли не единственнымъ предметомъ его торгово-промышленной дѣятельности были люди. Ловля людей и торговля ими сдѣлалась главнымъ жизненнымъ нервомъ для Крымскаго ханства. Роскошныя нивы Украины, совершенно открытыя съ юга, отъ татаръ, служили для нихъ своего рода питомникомъ, гдѣ такъ легко выращивался и разводился этотъ цѣнный человеческій товаръ.

Украинскій хлопъ былъ ходкимъ товаромъ въ районахъ Чернаго и Средиземнаго морей, какъ рабочая сила на галерахъ; онъ требовался на сѣверное побережье Африки, въ Аравію, въ Персію. Но совсѣмъ особую цѣну имѣла украинская женщина. Ея славянская красота вошла въ моду на мусульманскомъ востокѣ, и начала вытѣснять смуглыхъ и худощавыхъ черкешенокъ не только изъ гаремовъ крымскаго хана, но и самаго падишаха: въ Константинополѣ особенно цѣнились подолянки. Дѣло было широко организовано. Суда торговцевъ невольни-

нами подвозили къ крымскимъ портамъ все необходимое для промысла—оружіе, одежду, коней, и отплывали нагруженные человѣческимъ товаромъ. Въ 16-мъ столѣтіи колонія турецкихъ купцовъ прочно устроилась подъ Бѣлгородомъ (Аккерманомъ): купцы эти снабжали татаръ всѣмъ, въ чемъ тѣ нуждались для своихъ разбойничьихъ экспедицій, однимъ словомъ, брали на себя всѣ расходы, составляли сами планы этихъ экспедицій подъ условіемъ раздѣла добычи пополамъ. Здѣсь содержались шпионы и проводники, которые знали всѣ дорожки „Лехистана“: иногда повѣренные константинопольскихъ купцовъ даже сопровождали шайки въ ихъ экспедиціяхъ, чтобы лично наблюдать за правильнымъ дѣлежомъ добычи.

Отправлялись татары на добычу то малыми шайками, то большими отрядами, иногда въ нѣсколько тысячъ всадниковъ подъ предводительствомъ какого-нибудь предприимчиваго мурзы или даже крымскаго царевича—какъ случалось. Успѣхъ зависѣлъ отъ одного: отъ того, насколько имъ удавалось пробраться незамѣченными вглубь края. Замѣтить чамбулъ во время съ могилы или кургана, какіе были разсыпаны всюду на границахъ съ дикою степью, съ селитрянаго майдана—дѣло на этотъ разъ пожалуй и проиграно: поднимется тревога, запылаютъ сторожевые огни, зазвонятъ звоны—населеніе опрометью кинется за стѣны замковъ, въ лѣса и пещеры, а тамъ сберется и какая-нибудь вооруженная сила для отпора. Удастся пробраться незамѣченными, залегутъ татары кошемъ въ укрытомъ мѣстѣ и распустятъ вокругъ загоны: прежде чѣмъ населеніе опомнится, уже все опустошено, пограблено, и разбойники скачутъ что есть силы въ свои степи, безжалостно гоня и таща за собой свою живую добычу, людей и скотъ. Въ послѣднемъ уходѣ щадил только красивыхъ женщинъ и людей богатаго и знатнаго рода, за которыхъ можно было взять большой выкупъ: остальное могло и пропадать, если затрудняло уходъ и подвергало шайку опасности быть настигнутой погоней. Только въ глубокой степи, въ безопасности, останавливались на отдыхъ, осматривали и дѣлили добычу. Большіе чамбулы, и при благоприятныхъ для татаръ обстоятельствахъ, уводили людей нетолько тысячами, а

десятками тысячъ: прибавьте къ этому опустошенныя деревни, угнанныя стада, стравленный хлѣбъ, не говоря уже о цѣнной движимости. Три шляха вели изъ глубины дикихъ степей на Украину: Черный,—самымъ названіемъ указывающій на ту трагическую роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ края—вель перекопскихъ татаръ съ лѣваго берега Днѣпра, отъ Канева, Черкассъ вглубь Волны по направленію къ Львову; Кучменскій, или ханскій,—отъ Чернаго моря на Балту и дальше вглубь края по водородѣлу правыхъ притоковъ Буга и лѣвыхъ Днѣстра; Волосскій направлялся по правому берегу Днѣстра къ Покутю, при чемъ татары перешивались черезъ рѣку для грабежа Подоля: два послѣднихъ шляха служили, главнымъ образомъ, для ордъ ногайскихъ.

Какъ могла существовать жизнь подъ такую вѣчную угрозой? И, тѣмъ не менѣе, она существовала. Мало того: въ земляхъ стараго заселенія она существовала въ извѣстной независимости отъ этого вѣчно тяготѣющаго надъ ней Дамоклова меча, повинувась импульсамъ, вынесеннымъ ею изъ иныхъ эпохъ и иныхъ условий.

Передъ нами двѣ территоріи—Волынь и Кіевское Полѣсье. Онѣ сливаются другъ съ другомъ, слѣдовательно, сходны по своимъ физическимъ условіямъ, та и другая земли исконнаго русскаго заселенія, гдѣ русскій элементъ развивался совершенно самостоятельно, безъ примѣси какихъ-нибудь постороннихъ вліяній. И при всемъ неизбѣжномъ сходствѣ, какая разница въ социальномъ обликѣ этихъ территорій!

Волынь, которая захватывала своими отношеніями и кіевщину по верховьямъ Тетерева, всегда выступаетъ съ яркимъ сознаниемъ своей политической особы и самостоятельности. Она какъ будто бы не хочетъ знать иной связи съ остальными частями литовско-русскаго государства, кромѣ той, которая для нея добровольно создается признаніемъ верховной власти Ягеллоновъ. Да и къ этимъ своимъ господамъ относится она довольно легко: свысока третируетъ господарскихъ пословъ, люстраторовъ и т. под. Но что такое Волынь, какъ политическое понятіе? Это ея князья и земляне. Волынь кишѣла князьями:

это опять—таки ея типическая особенность. Почему вышло такъ, что въ ней именно сохранилось и размножилось такое количество княжескихъ родовъ, которые вели свое происхождение отъ старыхъ русскихъ удѣльныхъ князей и отъ Гедиминовичей, дѣло спеціального изслѣдованія. Фактъ въ томъ, что были на лицо всѣ эти безчисленные Сангушки и Вишневецкіе, Заславскіе и Корецкіе, Пронскіе, Ковельскіе, Каширскіе, Козики, Курцевичи и т. д.—все буйное и гордое, заявляющее какія-то свои особыя права на привилегированное положеніе, на исключительное занятіе урядовъ своей земли и пользованіе господарскими (государственными) имуществами. Иные роды или вѣтви ихъ убожали и обращались въ „ходачковыхъ“ князей, у которыхъ ничего не оставалось отъ ихъ величія, кромѣ титула; другіе, наоборотъ, удачно пользовались своею привилегированностью и выросли въ настоящихъ владѣтельныхъ князей. Во главѣ этой послѣдней категоріи стояли, конечно, князья Острожскіе. Благодаря выдающимся достоинствамъ и заслугамъ великаго гетмана литовскаго кн. Константина Ивановича и его личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ Сигизмунду I, родъ князей Острожскихъ занялъ первое мѣсто на Волыни. Князь Василій Константинъ Острожскій, извѣстный поборникъ православія, имѣлъ полное право смотрѣть на себя, какъ на удѣльнаго князя, да и удѣльнаго князя не изъ послѣднихъ. Его княжество заключало въ себѣ 40 замковъ, 100 мѣстъ (городовъ) и мѣстечекъ и 1300 деревень. Недаромъ на его печати значилось: „Dei gratia dux Ostrogiae“, а въ документахъ, выдаваемыхъ имъ обывателямъ своихъ владѣній, онъ писалъ: „били намъ челомъ“... Въ каждой изъ 600 церквей на земляхъ его владѣній—въ которыхъ тысяча поповъ молилась за здоровье его княжеской милости—былъ устроенъ золоченый закрытый конфессіональ на случай прибытія князя, чтобъ никто не видѣлъ, какъ такой большой земной панъ бьетъ поклоны небесному; а выходъ изъ церкви салютовался надворной милиціей, которая въ числѣ 2000, сопровождала князя въ его торжественныхъ выѣздахъ. И все это не случайное проявленіе болѣзненно вздутаго тщеславія, а что-то находящееся въ соотвѣтствіи съ средой и обстоятельствами.

Но на чемъ матеріальномъ опиралось все-таки это княжеское могущество, представителемъ котораго можетъ служить князь Острожскій? Разумѣется, на крупномъ землевладѣніи. Но какъ и изъ чего сложилось это землевладѣніе? Каждый изъ такихъ землевладѣльцевъ, княжескаго рода, непременно долженъ былъ что-нибудь унаслѣдовать; затѣмъ онъ получалъ отъ господара земли, какъ вознагражденіе за свои личныя услуги государству, главнымъ образомъ, по защитѣ края; наконецъ, всякій князь и землянинъ, по мѣрѣ своихъ способностей и значенія, имѣлъ притязанія на высшіе или низшіе уряды, занятіе которыхъ было соединено съ пользованіемъ землями. Все это создавало землевладѣніе очень пестраго характера. Вѣдь съ землями, переходившими черезъ пожалованіе или урядъ отъ государства въ частныя руки, передавались только тѣ права и обязательства, которыя лежали на этихъ земляхъ, т. е. права на пользованіе извѣстными повинностями со стороны населенія этихъ земель—не больше. Но дѣло въ томъ, что сильныя руки, захватившія земли, хотя бы въ совершенно условное владѣніе, уже не выпускали ихъ больше и быстро превращали въ настоящую собственность. вмѣстѣ съ превращеніемъ условнаго владѣнія въ безусловную собственность, свободный крестьянинъ—отчичъ, сидѣвшій на своемъ дворницѣ, превращался въ волочнаго или поль-волочнаго, четверть-волочнаго хлопа (по польской терминологіи); впрочемъ, много крестьянъ садилось уже на готовые размѣренныя волюки, оставленныя своими первоначальными собственниками, добровольно-ли или по неволѣ, напр.—послѣ татарскаго набѣга; садились сначала на полную свободу, которая продолжалась до 24 лѣтъ, а потомъ за опредѣленныя договоромъ небольшія повинности. Вообще, не смотря на несомнѣнное и значительное развитіе панской власти на землю, волинскому крестьянину жилось все-таки недурно: земли и угоды въволю, а отъ излишнихъ притязаній всегда можно было уйти на свободную степь. Оттого-то и притязанія не были велики; а кое съ какими тяготами крестьянинъ охотно мирился, получая въ обмѣнъ нѣкоторую защиту и относительную безопасность. Надо думать, что въ общемъ доходы отъ крестьян-

слаго населенія были не велики, а отъ другихъ свободныхъ людей, жившихъ на княжескихъ земляхъ, бояръ и мѣщанъ, и того меньше: ихъ обязательства почти исключительно ограничивались участіемъ въ военной оборонѣ края. Поэтому, приходилось крупнымъ землевладѣльцамъ, эксплуатируя свои недавнія права на свободныя земли захваченныхъ ими районовъ, прибѣгать къ разнаго рода промысламъ, смотря по условіямъ мѣстности: выпасыванію скота въ степяхъ, добыванію селитры, бортничеству, разнымъ видамъ лѣсной промышленности, шинкованію водки, пива и меду. Все это могло имѣть широкіе размѣры у князей Острожскихъ, числившихъ въ своей латифундіи больше 2 милліоновъ морговъ земли; а у другихъ, хотя-бы и князей, все было скромно по необходимости, которая коренилась въ невозможности вполнѣ закрѣпить крестьянина. Вотъ основная причина того, что на Волини, не смотря на обиліе князей, на ихъ большія притязанія, жизнь была съ внѣшней стороны обставлена очень просто. Не отступалъ отъ этихъ традицій простоты даже и самъ князь Василій Острожскій. Замокъ Острогъ, его главная резиденція, былъ великолѣпенъ снаружи своими массивными стѣнами, прекрасными готическими арками и сводами своихъ башенъ; но внутри онъ былъ патриархально скроменъ. Вообще, утонченность европейской цивилизованной обстановки, уже очень распространенной въ Польшѣ, еще не имѣла доступа на Волинь; и оттого волинскіе князья казались панамъ какой-нибудь краковской или сандомирской земли полудикарями.

И какъ странно поражаетъ своими противорѣчіями эта волинская жизнь! Европейскія вліянія еще такъ мало коснулись Волини, что ея женщина и не мечтаетъ пока о первенствующей роли въ салонѣ, какую уже занимаетъ ея ближайшая сосѣдка, малопольская шляхтянка: волинская землянка должна по традиціи сидѣть въ своемъ теремѣ, прясть и ткать. Однако ей уже тамъ тѣсно. Широкій размахъ личной энергіи, который она чувствуетъ въ окружающей общественной атмосферѣ, захватываетъ и ее. И она выходитъ изъ терема, но не въ салонъ,

а прямо въ чистое поле, одѣвается въ броню, садится на боеваго коня и во главѣ своихъ приближенныхъ мчится, если не на защиту края, то, по-крайней мѣрѣ, на защиту своихъ личныхъ интересовъ. Передъ нами цѣлый рядъ волинскихъ женщинъ этого типа: онѣ ѣздятъ верхомъ и стрѣляютъ изъ ружьицы, какъ любой козакъ, дѣлаютъ вооруженныя засадки на своихъ враговъ по дорогамъ, заѣзды на чужія имѣнія, штурмуютъ замки враговъ, конечно, личныхъ враговъ. Женщина, такъ рѣшительно порвавшая съ теремомъ, не можетъ быть и вѣрной хранительницей патриархально-семейныхъ традицій; а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравы общества теряютъ строгость. И вотъ мы видимъ, что Волынь, еще не тронутая заразой европейскаго религіознаго вольномыслія, которая уже проникла въ Польшу, тѣмъ не менѣе представляетъ такую картину распатанности устоевъ, каковую являютъ обыкновенно лишь эпохи кризисовъ. Съ одной стороны, такая суровость семейнаго обычая, что взрослый сынъ, самъ носящій званіе высокаго государственнаго сановника, не смѣетъ возвысить голоса въ присутствіи отца, не смѣетъ сѣсть, выйти безъ разрѣшенія отца изъ покоя; съ другой, братья и сестры воздвигаютъ другъ на друга настоящія войны, супруги безъ особыхъ церемоній кидаютъ другъ друга и вступаютъ въ новые брачныя союзы, замужнія женщины вступаютъ открыто въ любовныя связи. Ни католичество, ни протестантизмъ не имѣютъ пока доступа на Волынь: здѣсь безраздѣльно царитъ православіе. Для князей и землянъ волинскихъ православіе есть знамя личности и независимости ихъ земель, и они дорежаты имъ чрезвычайно. Каждый княжескій родъ имѣетъ не только свои церкви, но и монастыри, которые онъ одѣляетъ по мѣрѣ силъ и возможности, такъ какъ въ нихъ онъ имѣетъ мѣсто и для успокоенія своихъ княжескихъ останковъ, и для помѣщенія тѣхъ лишнихъ членовъ рода, которые не нашли себѣ соотвѣтствующихъ положеній въ жизни. Вообще, церкви, монастыри, епископскіе столы—все это богато надѣлено и движимыми имуществами, и землями. Но при всемъ томъ, трудно счесть это отношеніе къ православію за проявле-

ніе глубокой общественной религіозности, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ классѣ. Наоборотъ, многое указываетъ скорѣе какъ-бы на значительное развитіе религіознаго индифферентизма. Низшее духовенство сплошь темно и невѣжественно; высшее... но высшее есть нигде иной, какъ тѣ же волынскіе князья и земляне. Они смотрѣли на „духовные хлѣба“, т. е. духовныя уряды, тѣми же глазами, какъ и на остальные, свѣтскіе, уряды, и стремились на перебой ихъ захватывать, повидимому, совсѣмъ забывая о томъ особенномъ значеніи, которое съ ними было связано. Оттого на Волыни, случалось, бывали епископы, не принявшіе духовнаго сана; епископы, которые хотя и приняли духовный санъ, но постоянно забывали, что пастырскій жезлъ не палашъ, и расправлялись имъ по военному; епископы, которые устраивали другъ противъ друга настоящія военныя компаніи, осуждали и штурмовали свои столицы и т. п. Такая пастырская среда едва-ли могла воспитывать религіозность у своей паствы. Еще разъ повторимъ: общественный строй Волыни поражалъ своими противорѣчіями; разъясненіе же ихъ надо искать въ предъидущихъ историческихъ эпохахъ.

Иную картину представляло сосѣднее Кіевское Полѣсье. Князей здѣсь нѣтъ совсѣмъ, если не считать двухъ-трехъ захудалыхъ княжескихъ родовъ, не играющихъ никакой роли въ краѣ. Ни на какую политическую самостоятельность и особность эта территорія не претендуетъ: ею заправляетъ воевода кіевскій, который соединяетъ въ своемъ лицѣ и званіе овручскаго старосты, настоящаго хозяина края. Не претендуетъ, потому что нѣтъ такого класса, который былъ-бы достаточно силенъ для поддержки своихъ притязаній. Въ Кіевскомъ Полѣсьѣ преобладали бояре, которые иногда назывались по волынски землянами, а позже околичной шляхтой—классъ очень архаическаго облика, если можно такъ выразиться. Это были мелкіе собственники, одновременно землевладѣльцы и земледѣльцы. Какимъ образомъ могло случиться, что процессъ общественнаго дифференцированія обошелъ ихъ, не разбивъ на два враждебныхъ стана—дѣло темное: разъясненіе лежитъ во всякомъ случаѣ за предѣлами той эпохи, на которой мы останавливаемся.

Они сохранили за собой право служить государству исключительно военной, а не тяглою службой, а въ этомъ-то собственно и заключалось ихъ отличіе отъ крестьянина, ихъ привилегированность. Напрасно цѣлыя столѣтія боролись полномочные овручскіе старосты, которые не могли обойтись безъ тяглою службы населенія, за то, чтобы привлечь бояръ къ этой службѣ: бояре, сильные лишь своей сплоченностью и единодушіемъ, не дѣлали ни малѣйшей уступки, и вынесли таки нетронутой свою привилегированность изъ этой неравной борьбы. Интересна жизнь этихъ архаическихъ русскихъ обывателей. Они жили въ поселеніяхъ, которыя звались околицами. Каждую околицу занималъ цѣлый боярскій родъ, который состоялъ иногда меньше чѣмъ изъ десятка, иногда изъ многихъ десятковъ, даже сотенъ семействъ: напр., -- Дидковскихъ, Меленевскихъ было до 300 семействъ каждаго рода. Когда количество семей разрасталось, онѣ отличались одна отъ другой прозвищами, но твердо держались своего родового имени, какъ и вообще во всемъ свято хранили свои родовыя традиціи. Конечно, въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ семей могли возникать различія, но онѣ не разрывали родовыхъ связей: убогіе гордились зажиточностью своихъ родичей, зажиточные не забывали, что они должны поддерживать убогихъ. Да и не могло возникать большихъ имущественныхъ различій, разъ отдѣльные члены родовъ не разрывали со своей почвой и не уходили въ вольный широкій свѣтъ искать доли, а къ этому бояре были мало наклонны. Все хозяйство было мелкое, патріархальное, какъ пахатное, такъ и промысловое, на своихъ промысловыхъ угодьяхъ, составлявшихъ необходимую принадлежность пахатной земли. Ловили рыбу, такъ какъ край былъ богатъ рѣчками и ручьями, гнали бобровъ, которые ютились еще во многихъ мѣстахъ въ заросляхъ, по берегамъ этихъ водъ, занимались бортничествомъ, варили пиво и медъ, охотились въ пущахъ, гдѣ водились даже лоси, копали болотную желѣзную руду, обрабатывали лѣсной матеріалъ. Главное шло для собственнаго потребленія, кое-что на продажу, и ничто не принимало характера широкаго промышленнаго хозяйства, на подставѣ котораго ~~въ~~ политиче-

скихъ условій—только и могутъ создаваться большія имуще- ственныя различія. Внѣшнимъ выраженіемъ родовыхъ связей служили для каждаго рода своя особая церковь или монастырь, поддерживаемыя общими средствами; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и свои особые праздники. Такъ жили эти боярскіе роды, каж- дый на своей территоріи, ревниво оберегая свою особность отъ сосѣдей, ревниво оберегая свою привилегированность отъ при- тязаній государства въ лицѣ старосты. Все было темно и не- вѣжественно, и также мало тянулось за культурностью, какъ и настоящее крестьянство. Но постоянная острая необходимость быть на сторожѣ своихъ правъ создали въ этомъ классѣ особую черту: исключительную страсть къ тяжбамъ. Ссоры одного рода съ другимъ, взаимныя заѣзды, безконечные процессы—это по- стоянная картина положенія. Бояре не довольствуются своими собственными копными судами, а обращаются въ общіе суды и на- водняютъ ихъ жалобами, протестами, манифестами. Въ концѣ-кон- цовъ, когда взаимныя отношенія совѣдникъ родовъ не доставляли достаточно матеріала, питающаго эту несчастную страсть, она обращалась внутрь и разѣдала свою собственную околицу. Разъигрывались безконечные процессы уже между родичами изъ-за куска болота, изъ-за плетня, пары сапогъ, шапки, сопро- вождающіеся взаимными штуками, которыя строили другъ другу близкіе враги, напр.—въ родѣ заплетанія улицъ, чтобъ сопер- никъ не могъ выбратъся изъ дома и т. д. Тѣмъ не менѣе, это боярство, въ общемъ, были мужественные и честные люди, очень привязанные къ своей родинѣ, очень преданные православной вѣрѣ, всегда готовые сложить въ честномъ бою свои головы, какъ за Польсье, или по крайней мѣрѣ хоть за свою околицу, такъ и за православіе, а особенно за свой монастырь или церковь.

Можно думать, конечно, что бояре не удержали бы своей привилегированности, еслибъ они не были такъ нужны для обороны края, еслибъ не была такъ важна ихъ военная служба.

Всюду на Украинѣ организація защиты опиралась на зам- ки, которые являлись ея необходимыми центрами. Особенности татарскихъ нападений дѣлали такую именно ея организацію особенно важной. Дѣло въ томъ, что татары почти никогда не

нападали на замки, даже маленькіе и слабо защищенные, обходили ихъ совершенно: только очень большой чамбуль, и по особенно сильнымъ побужденіямъ, рѣшался, какъ изрѣдка случалось, попытаться овладѣть замкомъ. Къ каждому замку тянула территория, для которой вопросъ о защитѣ отъ татаръ былъ вопросомъ такой же важности, какъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Каждый полноправный обыватель, подъ какимъ бы именемъ онъ ни являлся—князя, землянина, боярина, непосредственно участвовалъ въ устройствѣ замка и владѣлъ тамъ своей городней, или двумя—тремя, смотря по размѣру своихъ средствъ, а то цѣлая группа обывателей складывалась общими силами на одну городню: во всякомъ случаѣ, городня наглядно представляла собою обывателя земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовала объ его обывательской полноправности. Въ замкѣ ютилось, въ опасное время, все, что требовало обороны; въ замкѣ хранились военные снаряды. А самое главное—замокъ былъ организаторомъ защиты для всей своей земли: сюда сходились всѣ извѣстія, отсюда выходили всѣ распоряженія. Такимъ замкомъ былъ для кievскаго Полѣсья Овручъ, къ которому тянули бояре и который распоряжался ихъ службой. Кромѣ прямой военной службы, на которую они всегда должны были быть готовы по требованію старосты, представлявшему собою замковый урядъ, они еще обязаны были и спеціальными службами. Такъ, напр., на обязанности бояръ лежало держать полевую сторожу въ двухъ пунктахъ. Цѣлью этой сторожи было предупреждать замокъ о татарскомъ нападеніи; сторожевые пункты расположены были надъ Чернымъ шляхомъ, который только и былъ опасенъ для данной мѣстности. Кромѣ того, бояре должны были сторожить въ самомъ замкѣ и развозить извѣстія или листы, по требованію замковаго уряда.

Организація военной защиты на Волыни была того-же типа, только нѣсколько сложнѣе въ соотвѣтствіе съ болѣе сложнымъ составомъ общества. Поскольку волынскіе князья являлись господарскими (великокняжескими) урядниками, старостами и державцами господарскихъ замковъ, они также привлекали къ

замковой службѣ всѣхъ свободныхъ обывателей замковыхъ районовъ и распоряжались ими по своему усмотрѣнію и по требованіямъ обстоятельствъ. Но поскольку они являлась дѣйствительно панами, т. е. частными собственниками, дѣло стояло иначе. Паны-собственники должны были сами защищать свои владѣнія. Если они хотѣли имѣть заселенныя земли—а что значила въ тѣ времена земля безъ населенія?—они должны были доставить населенію защиту. И вотъ, волей-неволей, а должны паны строить на собственный счетъ замки и поддерживать ихъ; должны вступать въ такія сдѣлки съ населеніемъ, въ силу которыхъ они поступались разными своими выгодами, лишь бы привлечь населеніе къ участию въ оборонѣ; должны на собственные средства нанимать и содержать надворные отряды.

Такъ жили старыя русскія области, приспособляясь къ тому новому опредѣляющему условію, какое исторія создала для нихъ въ видѣ близости хищныхъ татарскихъ ордъ. Но на территоріяхъ новаго заселенія условія эти отразились гораздо ярче.

Побужье, отъ Винницы до Саврани, представляло чрезвычайно большія удобства и выгоды для заселенія. По обѣимъ сторонамъ Буга тянулась слегка волнистая поверхность съ очень плодородной почвой. Многочисленные притоки Буга представляли собою массу текучей воды, не высыхающей въ засуху, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не наводняющей окрестности въ половодье, текучей воды, образующей превосходные рыбныя пруды, очень удобной для устройства мельницъ. Луговъ и пастбищъ сколько угодно, и какихъ луговъ! Отъ восточнаго холоднаго вѣтра край былъ защищенъ бужскими пущами, которые на сѣверовостокъ соединялись съ пущами литинскими и хмѣльницкими, а на сѣверозападѣ съ барскими. Такимъ образомъ не было недостатка ни въ лѣсномъ матеріалѣ, ни въ звѣриныхъ ловахъ, ни въ бобровыхъ гонахъ. А для пчеловодства врядъ-ли и выдумать можно было болѣе благодатный край. И въ то же время мѣстность совершенно открытая съ юга, со стороны степи, вполне предоставленная природой хищничеству татаръ, проторившихъ вдоль Буга свой кучменскій, или ханскій, шляхъ.

Конечно, разъ жизнь начинала складываться при такихъ обстоятельствахъ, она должна была складываться по-своему. Повидимому, территория колонизовалась Волынью, но жить по-волынски она не могла. Здѣсь нечего было дѣлать волынскимъ князьямъ и землянамъ—не было настоящей почвы ни для какой привилегированности: все уравниваетъ вѣчная грозящая опасность, вѣчная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Правда, государство выдвинуло на Побужье два замка Винницу и Брацлавль, а гдѣ замки, тамъ, конечно, и старосты—они назначались изъ волинскихъ князей—слѣдовательно, попытки организовать защиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественныя отношенія господаи щедро раздавали здѣшнія земли волынскимъ землянамъ. Но замки стояли полуразрушенные, „стѣны дыра на дырѣ, и не только людямъ спрятаться въ случаѣ опасности отъ неприятелей, а и скотъ страшно сюда загнать“—въ такихъ краскахъ описываетъ господарскій люстраторъ положеніе винницкаго замка, лучшаго изъ двухъ. Земляне же пустили кое-какіе слабые корни въ винницкомъ районѣ и почти совсѣмъ не пустили ихъ въ брацлавскомъ, болѣе южномъ, слѣдовательно, болѣе опасномъ. На Побужьѣ было полное царство простолюдина, который не имѣлъ никакихъ правъ, но и не нуждался въ нихъ, такъ какъ всѣ его права заключались въ той отчаянной рѣшимости, съ какой онъ селился и держался на своемъ ежеминутно угрожаемомъ посту. А пока его не ухватили татарскія руки, онъ широко пользовался всѣми благами, какія разливала вокругъ благодатная природа. Онъ былъ „богатшій и пыншій-шій нижли панъ“, владѣлъ такими пасѣками, изъ которыхъ иная одна стоила трехъ пахатныхъ дворищъ (селищъ), такъ какъ къ ней принадлежало окружной земли на полмили, а то и на цѣлую милю, а на той землѣ и пашня, и рыбные пруды, и сады, и огороды. И простолудинъ считалъ себя полнымъ господиномъ всего этого добра, не признавая обязательства уплатить что-нибудь съ своей собственности господарю или послужить чѣмъ-нибудь замку. Съ пахатныхъ же селищъ, вошедшихъ въ обложеніе, онъ отбывалъ ничтожныя повинности: три дня въ годъ работы или шесть грошей денежной подати. Къ

привилегированному же сословию, водворявшемуся или водворяемому государствомъ въ качествѣ урядниковъ или иначе, онъ относился съ нескрываемою ненавистью и презрѣніемъ, не смотря на то, что это были люди одной съ нимъ народности, вѣры и обычая: прежде всего, онъ въ нихъ не нуждался. Дѣло въ томъ, что здѣшній „человѣкъ“ не возлагалъ на государство и на привилегированный классъ заботы о своей безопасности, а, дурно или хорошо, но заботился о ней самъ,—и вотъ это именно и составляетъ основную характерную черту положенія. Проявленіемъ этой заботы было выдѣленіе изъ среды здѣшняго народа людей, для которыхъ столкновение съ татарами было главнымъ содержаніемъ жизни. Мы говоримъ о козакахъ.

Здѣсь не можетъ быть и рѣчи ни о какой предумышленной организаціи; все дѣлалось само-собой, въ силу жизненной необходимости. Смѣлое, гордое, свободолюбивое населеніе естественно выдвигало изъ себя людей, которые мало дорожили прелестями осѣдлой земледѣльческой жизни, правда, доставляющей извѣстныя удобства, но за то томительной своимъ напряженнымъ и регулярнымъ трудомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки лишенной обезпеченнаго завтрашняго дня. Зачѣмъ привязывать себя къ пашнѣ, когда можно быть сытымъ и безъ такой привязи? Стоитъ ли такъ много вкладывать заботъ въ хозяйственное благоустройство, чтобы тѣмъ вѣрнѣе привлечь на себя вниманіе хищника? Не гораздо-ли занимательнѣе изъ преслѣдуемой татаринѣмъ дичи обратиться въ охотничью собаку и такимъ образомъ помѣняться ролью съ врагомъ? Какъ бы то ни было, людей такого или подобнаго настроенія, которые предпочитали „козацкій хлѣбъ“ всякому иному, всегда было много на окраинахъ. Такой козакъ имѣлъ обыкновенно осѣдлость въ какомъ-нибудь населенномъ пунктѣ, семью, хату, гдѣ онъ могъ „домоватъ“ въ свободное время. Правда, хата была запущенная, безхозяйственная, такъ какъ настоящаго хозяйства не было и не могло быть. Козакъ могъ заниматься ремесломъ, наниматься временно работать на майданы (смолокурные), на буды или гуты, винокурни—вездѣ нужны были рабочія руки; но его тянуло въ дикую степь. Лишь только наступала весна, козаки сплыва-

лись въ артели и уходили на нпзовья рѣкъ на рыбные и бобровые промыслы. Но подходя такимъ образомъ къ татарскимъ кочевьямъ, они всегда были не прочь отогнать у кочевниковъ стадо, спалить улусъ, вообще, поживиться на его счетъ и навредить по-возможности. И вмѣстѣ съ тѣмъ они отбывали попутно обязанности полевой сторожи, такъ какъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ татарской степи, и извѣщали о подозрительныхъ движеніяхъ осѣдлое населеніе; затѣмъ, при удобныхъ обстоятельствахъ они нападали на чамбулы, разгоняли ихъ или отбивали добычу. Жизнь въ дикой степи, полная опасностей и лишеній, клала особый отпечатокъ на этихъ людей, выработала изъ нихъ особый типъ. Закаленность—чрезвычайная; привычка сносить холодъ и голодъ такая, что въ случаѣ нужды могли перебиваться желудями, рогами, копытами и костями животныхъ; отчаянное мужество естественно вытекало изъ презрѣнія къ смерти, которая постоянно глядѣла въ глаза козаку, хозяйничавшему подъ носомъ смертельнаго врага; любовь къ свободѣ выростала до неспособности сносить какое-нибудь стѣсненіе, изъ чего бы оно ни вытекало. Не дорожа жизнью, козакъ естественно не дорожилъ и имуществомъ: что перепало ему въ карманъ—тяжелымъ-ли трудомъ или легкимъ наскокомъ на нагруженнаго врага—онъ все готовъ былъ спустить заразъ въ разгулъ, для котораго онъ не зналъ внутренней мѣры. Дикую степь и всѣ ея свойства козаки изучили до тонкости, и это-то дѣлало ихъ такъ опасными для татаръ. Пограничные старосты не могли не понимать, какое важное значеніе имѣютъ эти качества козаковъ для охраны края, и старались ихъ привлекать въ замки; такимъ образомъ, являются козаки брацлавскіе, барскіе, черкасскіе. Конечно, только при дѣйтельномъ содѣйствіи козаковъ, могъ извѣстный хмельницкій староста Предславъ Ланцкоронскій дойти въ 1516 г. до Чернаго моря и уничтожить Бѣлгородъ. Но, покровительствуя козакамъ, старосты естественно стремились ихъ подчинить себѣ, а это противорѣчило основнымъ инстинктамъ этихъ людей. И потому мнѣ видимъ, что козацкія организаціи возникаютъ не подъ крылышкомъ старостъ, а на вольномъ просторѣ дикой степи. Одна изъ такихъ организацій,

при благоприятныхъ условіяхъ, успѣла вырости и закрѣпить въ настоящее политическое цѣлое, которое стануло къ себѣ и сорганизовало неустойчивые элементы степной вольницы: едва ли надо пояснять, что мы подразумѣваемъ Низъ, Запорожье.

Въ такіе разнообразныя типы складывалась русская жизнь на Украинѣ. И это еще не все: была на ея обширномъ пространствѣ одна территорія, которая представляетъ опять-таки свой особенный обликъ, съ рѣзкими чертами отличія отъ всего, описаннаго выше. Но здѣсь русскій элементъ оказался оттѣсненнымъ въ низшіе общественные слои, а на общественную сцену выступилъ иной элементъ—польскій. Дѣло идетъ о Подольѣ.

Какъ только татары были вытѣснены изъ Подолья, начинается борьба за него между Литвой и Польшей: подъ Подольемъ, или Понизьемъ, тогда подразумѣвалось все Побужье и Поднѣстровье въ доступныхъ захвату предѣлахъ. До политической уніи Литвы съ Польшей, борьба шла открытая, кровавая, позже, по преимуществу, мирная, политическая и дипломатическая. Но дѣло шло къ развязкѣ какъ-бы независимо отъ этой борьбы, въ силу какихъ-то естественныхъ внутреннихъ отношеній: Побужье тяготѣло къ Волини и черезъ нее къ Литвѣ, Поднѣстровье, или Подолье собственно—къ Польшѣ, и никакія усилія политики не могли перешагнуть черезъ этотъ фактъ. Между Подольемъ и Побужьемъ лежало Барское староство, польское политически, но сохранившее во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ, въ своихъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцахъ „боярахъ“, слѣды литовско-русской соціальной организаціи.

Подолье, иначе молдавскіе кресы, т. е. порубежье съ Молдавией, или Волощиной, имѣло центральнымъ своимъ пунктомъ неприступный замокъ Каменецъ—этотъ первый оплотъ христіанства со стороны мусульманскаго востока—и было территоріей съ характеромъ исключительной привлекательности. Отроги Карпатъ, заходя съ сѣвера, придавали ландшафту рѣдкое разнообразіе и красоту, почва отличалась плодородіемъ, лѣса изобиловали звѣремъ; въ красивыхъ рѣчкахъ, притокахъ Днѣстра, ловили жемчугъ. Но главное, это была непосредственная бли-

зость Днѣстра и торговыхъ путей, которые Богъ знаетъ съ какихъ незапамятныхъ временъ проходили этимъ краемъ, соединяя азіатскій востокъ съ европейскимъ сѣверо-западомъ. Черезъ Подолье шли восточные товары на Львовъ, Замостье, Варшаву, Вильно, Кіевъ: этимъ путемъ снабжалась Польша, Литва и даже Московія дорогими восточными тканями, шалами и коврами, дамасскими саблями, турецкими луками и стрѣлами, сѣдлами и проч. конскою сбруей, сафьяномъ, винами, бакалеей, благоуханіями и мылами—однимъ словомъ, почти всѣмъ, что составляло комфортъ и роскошь тогдашняго быта. Немудрено поэтому, что восточные торговцы разныхъ національностей охотно селились на этомъ пограничѣ, и такъ какъ встрѣчали большое покровительство со стороны польскаго государства, то и осѣдали прочными колоніями. Но ни евреи, ни греки, никто не привился къ Подолью такъ, какъ армяне. Каменецъ сдѣлался для нихъ вторымъ Эчмиадзиномъ, и всѣ армяне, выбрасываемые политическими бурями изъ своей старой родины, находили на прекрасномъ Подольѣ новую. Въ концѣ концовъ вся восточная торговля очутилась въ ихъ рукахъ; но за то же они всегда платили краю теплой привязанностью. Вотъ на какомъ пестромъ фонѣ складывалась общественная жизнь Подолья. Впечатлѣніе этой пестроты еще усилится, если прибавить, что мы встрѣчаемся здѣсь съ осѣдлыми татарами, которые извѣстны были подъ именемъ черемиссовъ; а пограничные молдаване, или волохи, подъ тѣмъ или другимъ видомъ постоянно участвовали въ жизни этой области.

Какъ бы то ни было, русская народность всегда являлась преобладающимъ и устойчивымъ элементомъ, скорѣе способнымъ притворить въ себя ей чуждое, какъ это было съ выселившимися сюда мазурами, чѣмъ самой поддаться ассимилированію. Но тѣмъ не менѣе изъ привилегированнаго и правящаго класса она была вытѣснена совершенно элементомъ польскимъ. Дѣлалось это, сколько можно судить, воздѣйствіемъ Польскаго государства; прямо и просто навязавшаго области свой классъ пановъ и правителей; но есть основаніе думать, что рядомъ шелъ и иной процессъ. По крайней мѣрѣ, если родъ Буцац-

кихъ, такъ извѣстный въ исторіи Подолья въ 15-мъ вѣкѣ, былъ въ самомъ дѣлѣ русскій, какъ это утверждаетъ Шайноха, то, слѣдовательно, высшій классъ русскій былъ не просто отодвинутъ въ низшіе общественные слои, но частью и полонизированъ.

Подолье было чрезвычайно привлекательно для Польши. Но положеніе его требовало исключительнаго вниманія, исключительной заботы, такъ какъ край былъ окруженъ опасностями со всѣхъ сторонъ. По правому берегу Днѣстра проходилъ волосскій шляхъ, и ногайскіе татары могли свободно, пользуясь многочисленными днѣстровскими бродами—главное подъ Рашковымъ—сворачивать для грабежа Подолья; на восточной границѣ Подолья пролегалъ шляхъ Кучменскій; да и перекопскіе татары, двигавшіеся по Черному шляху, пускали свои загоны съ сѣвера на Подолье. Мало того: Подолье лежало на рубежѣ съ Молдавіей, а „звѣрадливые“ (коварные) волохи всегда не прочь были разыграть роль татаръ по отношенію къ близкимъ сосѣдямъ, лишь бы чуяли возможность богатой и легкой поживы. А когда закрѣпились вассальныя отношенія Молдавii къ Турціи, то Подолье очутилось лицомъ къ лицу съ тою силой, которая держала въ трепетѣ всю Европу. Нелегко было обезпечить краю необходимую безопасность.

Могла или нѣтъ Польша какъ-нибудь иначе гарантировать безопасность этой своей отдаленной провинціи—но устроила она дѣло такъ: передала Подолье въ руки нѣсколькихъ панскихъ родовъ, возложивши все на ихъ инициативу и энергію, подстрекаемую личнымъ интересомъ. Иные изъ этихъ пановъ являлись въ качествѣ органовъ государственной власти, воеводъ старостъ и каштеляновъ, причемъ уряды дѣлались, повидимому, почти наследственными въ томъ или другомъ родѣ: напр., семь Потоцкихъ подъ-рядъ несли урядъ „генерала земли подольской“. Другимъ—государство просто передавало во владѣніе такую или иную часть территоріи. И панъ-урядникъ и панъ владѣлецъ обязаны были по отношенію къ своему району двумя вещами: возможно его заселять и возможно защищать. Впрочемъ, это были двѣ стороны одного предмета, такъ какъ заселять нельзя было

не обезпечивши населенію защиту, а ростъ защиты опирался на растущее населеніе. Брать на себя обязанность такого подольскаго пана со всѣми ихъ правами могли только люди большой личной энергіи и въ то же время сильные матеріально, имѣющіе на чемъ основаться въ своихъ первыхъ операціяхъ по упорядоченію своихъ территорій. Надо было немало затратить, чтобъ встать твердою ногою на новую почву; но за то-же какая блестящая перспектива открывалась всякому, не обдѣленному умомъ и мужествомъ... Въдѣ на Подольѣ выросли, кромѣ Потоцкихъ, Кмиты, Одрвонжи, Фирлеи, Мѣлецкіе, Язловецкіе, Гербурты, Сѣнявскіе, Тарновскіе, Сѣненскіе, и наконецъ Конечпольскіе и Калиновскіе—всѣ эти „кролевята“, которые вмѣстѣ съ волынскими князьями и литовскими магнатами распоряжались позже судьбами Рѣчи Посполитой.

Привлекать населеніе было не легко по той простой причинѣ, что оно вообще было малочисленно, какъ въ Подольѣ, такъ и въ сосѣднихъ областяхъ. Надо было для привлеченія обѣщать большія льготы, помощь, а главное защиту. И вотъ первой заботой каждаго пана было устроить укрѣпленный дворъ, „замечекъ“, непременно каменный, непременно обведенный валомъ и насыпью, съ подъемнымъ мостомъ, а гдѣ можно было воспользоваться водой для защиты, тамъ и она приводилась въ дѣйствіе. Старались устроить такой „замечекъ“ на возвышеніи, чтобъ съ его сторожевой башни можно было видѣть далеко окрестности. Конечно, такой укрѣпленный дворъ не могъ имѣть притязаній на званіе крѣпости, но онъ удовлетворялъ своему назначенію: населеніе, которое ютилось въ своихъ хатахъ около, могло въ случаѣ тревоги укрыться въ его стѣнахъ, а татары, какъ уже было сказано выше, считали нерасчетливымъ тратить время и силы на взятіе стѣнъ. Но недостаточно было воздвигнуть замокъ или замечекъ, надо было его обезпечить вооруженною силой. Каждый панъ долженъ былъ содержать на своемъ иждивеніи въ каждомъ изъ своихъ замочковъ наемный отрядъ хоть въ нѣсколько десятковъ человекъ. Болѣе сильные паны и въ укрѣпленіяхъ болѣе важныхъ держали и по нѣсколько сотъ наемнаго войска; а Сѣнявскій въ Меджибо-

жѣ, послѣ Каменца и Бара значительнѣйшемъ изъ подольскихъ замковъ, имѣлъ на готовѣ до 1000 человекъ одной пѣхоты.

Такимъ образомъ, организація защиты Подолія опиралась, съ одной стороны, на пограничныхъ старостахъ—каменецкомъ, барскомъ—которые содержали на доходы своихъ староствъ вооруженные отряды въ замкахъ и устраивали сторожевые посты, дѣйствуя за-одно съ другими пограничными старостами, требовльскимъ, львовскимъ; съ другой стороны—на панскихъ надворныхъ отрядахъ. Но полскій общественный строй выдвинулъ на защиту этого въ высшей степени привлекательнаго и дорогаго, но и въ высшей степени угрожаемаго края еще одну силу, очень аналогичную по своему происхожденію и свойствамъ съ козачествомъ, но настолько отличную отъ него, насколько, вообще, русско-демократическій строй отличался отъ польско-шляхетскаго. Эта сила олицетворялась „ротмистромъ на Подольѣ“. Ротмистрованье, возникшее съ начала 16 вѣка, сдѣлалось для Польши тѣмъ же, чѣмъ было для Руси козакованье.

„Ротмистръ на Подольѣ“—это былъ терминъ, получившій даже и правовое признаніе, обозначающій шляхтича, который на собственный счетъ и рискъ занялся на пограничѣ партизанской войной съ татарами. Для всякой истинно „рѣцирской“ души Подолье представляло поле, гдѣ удаль могла широко размахнуться, а въ случаѣ удачи, и много выиграть: коли не пропаль, то панъ. Такой шляхтичъ, задумавшій заняться ротмистрованьемъ, долженъ былъ, прежде всего на вербовать себѣ отрядъ удалцевъ хотя бы въ нѣсколько десятковъ человекъ. У обывателей Подолія онъ всегда встрѣчалъ радушный приѣмъ: край былъ такъ богатъ и такъ нуждался въ защитѣ, что приютить на время и накормить молодежь не считалось за обремененіе. Случалась большая тревога—ротмистръ присоединялся къ старостѣ или какому нибудь пану; въ другое время онъ сторожилъ татаръ на пограничныхъ курганахъ, самъ шелъ въ степь гоняться за татаринომъ, дѣлалъ засады на волосскомъ шляху, иногда, соединившись съ другими ротмистрами, шелъ въ степи, подъ самое гнѣздо очаковскихъ или бѣлгородскихъ татаръ, какъ это сдѣлали въ 1529 г. Латальскій и Сѣнявскій, или направ-

лялся вглубь Молдавіи, мстя волохамъ за пограничныя набѣги. Удачное ротмистрованье отърывало шляхтичу дорогу не только къ богатству, но и къ почестямъ, къ видному уряду, пожалуй и къ сенаторскому креслу. Очень тишченъ въ этомъ отношеніи извѣстный Претвичъ, силезецъ родомъ, гроза татаръ и оборона кресовъ, о которомъ до сихъ поръ помнитъ народъ на Подольѣ: „за пана Претвица спала отъ татаръ граница“, и жалобы на котораго доходили до самого падишаха. Претвичъ неустанно гоняется за татарами по степямъ, изучивъ до тонкости всѣ непріятельскіе „фортели и фігли“; нѣсколько разъ становится подъ Очаковымъ, Киліей, Бѣлгородомъ, освобождаетъ изъ неволи множество народа, отбиваетъ на милліоны награбленной подвижности. Въ награду за свои заслуги, Претвичъ получилъ отъ Сигизмунда I барское, а потомъ трембовльское старство. Въ качествѣ барскаго старосты, Претвичъ имѣлъ поле дѣйствія общее съ брацлавскими козаками и, вѣроятно, оцѣнивъ преимущества козацкой организаціи и способа дѣйствій, онъ формируетъ на козацкій манеръ черемиссовъ, жившихъ на земляхъ барскаго старства.

Только къ концу первой половины 16 вѣка защита Подолья была нѣсколько урегулирована; кварцяное войско ¹⁾ должно было постоянно пребывать здѣсь, и вновь учрежденъ урядъ польскаго гетмана, въ обязанность котораго входило всегда держаться на кресахъ.

Что такое были подольскіе магнаты и какъ понимали они свою роль въ краѣ, это превосходно иллюстрируется молдавской политикой.

Молдавія издавна находилась въ запутанныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ: то признавала себя въ вассальной зависимости отъ нея, то вела съ ней вражду изъ-за пограничныхъ областей—Покутья и Шепинскаго округа. Когда же на Молдавію заявили притязанія турки, польское государство охотно готово было поступиться своими правами, чтобъ не дразнить слишкомъ могущественнаго врага. Но не такъ думали на этотъ счетъ по-

¹⁾ Кварцяное войско—наемное войско, на содержаніе котораго шла кварта, т. е. 4-я часть доходовъ со староствъ.

дольскіе магнаты. Имъ отчетливѣе были видны выгоды, протекающія изъ зависимаго положенія Молдавіи, а общіе государственные расчеты задѣвали ихъ мало, и вотъ они ведутъ молдавскую политику, не давая себя труда сообразоваться съ общей политикой Рѣчи-Посполитой. Пользуясь хронической анархией, на которую была обречена несчастная страна, гдѣ господарю почти никогда не удавалось досидѣть благополучно на тронѣ до своей естественной смерти, подольскіе паны то сажаютъ господарей, то низвергаютъ ихъ, вступаютъ съ ними въ договоры, ведутъ съ Молдавіей на собственный рискъ и страхъ войны, лишь извѣщая Рѣчь-Посполитую о случившемся. Гдѣ, кромѣ Польши, возможны были такія отношенія? гдѣ могъ рѣшиться подданный изъ личной мести захватить въ плѣнъ государя союзной державы, какъ это сдѣлалъ Кристофъ Зборовскій съ господаремъ Богданомъ? Все это было, какъ было и многое другое, что такъ ярко рисуется польское „можновладство“ вообще, украинское въ частности.

Непосредственная близость къ востоку не могла не отразиться на Подольѣ. Было и смѣшеніе крови съ молдаванами и армянами, было и духовное воздѣйствіе. Конечно, этому воздѣйствію надо приписать жестокость нравовъ, проявлявшуюся, на примѣръ, въ утонченныхъ пыткахъ и казняхъ, жестокость, мало свойственную польскому національному характеру. Отсюда же, конечно, и склонность къ роскоши въ домашнемъ быту, къ дорогимъ коврамъ, мягкимъ диванамъ, блестящимъ погремушкамъ. Какойнибудь угрюмый и невзрачный съ виду замечекъ часто заключалъ внутри чарующее сочетаніе восточной роскоши съ европейской утонченностью. Вообще, паны на Подольѣ жили весело, шумно и дружно: общая опасность и общая отвѣтственность связывала панство въ одинъ узелъ, котораго не расторгала даже и рознь религиозныхъ убѣжденій, хотя многіе подольскіе паны уже заражались „лютерскими еретическими новинками“. Вѣротерпимость царила полная: подь хоругвью пана католика или зараженнаго лютерской вѣрой, сражался православный русинъ кметъ или мѣщанинъ, рядомъ съ армяниномъ-грегорьянцемъ, черемиссомъ-магометаниномъ и даже съ невѣр-

нымъ жидомъ. Правда, католическое духовенство, глядя на православную русскую массу, уже мечтало о своей просвѣтительной и душеспасительной мисси; но историческія условія еще не расчистили поля для его дѣятельности. А между тѣмъ эти историческія условія уже подготовлялись. Польская цивилизація, господствовавшая, хотя и не пускавшая еще глубокихъ корней, въ одной части края, скоро должна была разлиться на чужую бѣду и свою собственную гибель по всей обширной территоріи Украины.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXXII.

Директоръ гимназій Бездонъ, инспекторъ Писаревъ и учитель Лещинскій. — Назначеніе меня инспекторомъ Немировской гимназій, выѣздъ изъ Новгородъ-Сѣверска, пребываніе въ Кіевѣ и прибытіе въ Немировъ.

Бездонъ былъ нѣмецкій полякъ, пришедшій съ войсками нашими, возвратившимися изъ заграницы въ 1815 году; онъ намѣревался служить въ артиллеріи, но не поступилъ въ полкъ, а былъ селитренныхъ дѣлъ мастеромъ въ петербургскомъ пороховомъ заводѣ, изъ котораго перешелъ надзирателемъ въ стеклянный императорскій заводъ, гдѣ въ то время служащіе производили злоупотребленія и гдѣ Бездонъ нажилъ себѣ порядочный капиталъ, затѣмъ, какъ говорили, женился на любовницѣ генерала Клейнмихеля, за которою получилъ богатое приданое. Бездонъ, дослужившись до чина титулярнаго совѣтника, пожелалъ сдѣлаться дворяниномъ и обзавестись крестьянами; для этого онъ прибылъ въ Кіевъ и, умѣя говорить по-французски съ помощію пріятелей своихъ, опредѣлился надзирателемъ благороднаго пансіона, въ которомъ, прослуживъ два года, сдѣланъ былъ инспекторомъ Новгородъ-Сѣверской гимназій, а еще черезъ два года, когда директоръ Баторовскій, по окончаніи своей 25-ти лѣтней службы, не былъ оставленъ еще на пять лѣтъ, по-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 5.

тому что кievскіе благопріятелі Бездона хотѣли очистити для него директорское мѣсто, онъ и получилъ его съ названіемъ исправляющаго должность директора. Можно судити, каковъ былъ директоръ Бездонъ, который самъ не могъ порядочно составлять представленія попечителю. Сдѣлавшись директоромъ, Бездонъ зажилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ богатымъ баринномъ, имѣя пару прекрасныхъ лошадей. У него жили 2 племянницы его жены; для одной изъ нихъ онъ прочилъ въ женихи инспектора гимназіи Писарева, поступившаго на эту должность изъ отставныхъ прапорщиковъ, и дѣло пошло было на ладъ, но скоро Писаревъ съ Бездономъ не поладили, и на мѣсто Писарева явился другой женихъ, полякъ, учитель Лещинскій, человекъ слишкомъ молодой, легкомысленный и пустой; онъ поправился семейству Бездона и сдѣлался въ немъ домашнимъ человекомъ. На потѣху Бездонамъ Лещинскій написалъ и читалъ имъ какую-то комедію, въ которой осмѣялъ всѣхъ насъ. Въ это время я исправлялъ должность инспектора по случаю отъѣзда Писарева въ Кіевъ для излѣченія своей болѣзни, къ своему брату, бывшему правителемъ канцеляріи при генераль-губернаторѣ Бибииковѣ. Учителя поляки просили меня объясниться съ Бездономъ на счетъ этой комедіи, но я, зная, что они при случаѣ отрекутся отъ своихъ словъ, соглашался на объясненіе съ Бездономъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они представили мнѣ эту комедію, а такъ какъ они ее мнѣ не представили, то я и молчалъ. Впослѣдствіи Бездонъ выговаривалъ мнѣ за то, что я не открылъ ему неудовольствія противъ него учителей. Я отвѣчалъ, что не придавалъ вѣры слуху о комедіи и что, если въ самомъ дѣлѣ было что либо подобное читано въ его семействѣ, то это ему самому лучше извѣстно. Но Лещинскій своимъ легкомысліемъ приготовилъ Бездону и самому себѣ катастрофу: въ классѣ, предъ учениками, онъ позволилъ себѣ глумиться надъ нашею церковью и ея святыми угодниками. Слухъ объ этомъ его глумленіи разнесся по гимназіи и дошелъ до Кіева, откуда присланъ былъ въ гимназію инспекторъ казенныхъ училищъ Могилянскій произвести на мѣстѣ слѣдствіе, по которому Бездонъ и Лещинскій оказались виноватыми. По до-

несеніи о томъ Могилянскаго попечитель Бибицовъ, не любившій шутить съ поляками, отрѣшилъ Бездона отъ должности, а Лещинскаго назначилъ учителемъ въ Суражское уѣздное училище. Катастрофа эта съ Бездономъ произошла въ то время, когда я уже былъ въ Немировѣ.

Въ Немировѣ я очутился совсѣмъ для меня неожиданно. Въ октябрѣ 1848 года оканчивался 25 лѣтній срокъ моей службы, и я не былъ увѣренъ, оставятъ ли меня еще на службѣ, или я получу отставку съ пенсіономъ учительскаго жалованья въ 400 руб.; но недоумѣніе мое счастливо разрѣшилось не только оставленіемъ меня на службѣ, но и повышеніемъ въ служебной должности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ увеличеніемъ моего пансіона на 100 руб. Въ это время новый попечитель Траскинъ, первый изъ начальниковъ кіевскаго учебнаго округа, обратилъ доброе вниманіе на службу учителей гимназій; по случаю бывшей въ 1848 году холеры открылись въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ инспекторскія вакансіи, и Траскинъ циркулярнымъ предписаніемъ директорамъ гимназій потребовалъ, чтобы они для назначенія на эти вакансіи представили заслуженныхъ учителей, которые тогда раздѣлялись на старшихъ и младшихъ. Такъ какъ я служилъ долѣе всѣхъ старшихъ учителей и одобряемъ былъ отъ начальства, то Бездонъ представилъ меня и еще младшаго учителя поляка Осѣчковскаго. Вскорѣ послѣдовало изъ канцеляріи попечителя на имя мое предписаніе, въ которомъ было сказано, что попечитель, желая назначить меня инспекторомъ въ немировской или ровенской гимназіи, спрашиваетъ меня, въ которой изъ этихъ двухъ гимназій я желаю занять должность инспектора. Я отвѣчалъ, что готовъ служить инспекторомъ въ той изъ этихъ гимназій, въ какую его превосходительство самъ изволитъ назначить меня, и Траскинъ назначилъ меня въ немировскую гимназію. Повторю здѣсь то же, что сказалъ я при опредѣленіи меня учителемъ новгородъ-сѣверской гимназіи: *Sic fata volebant*. Видно, въ Немировѣ мнѣ суждено было получить испытаніе, какого я еще не имѣлъ на службѣ.

Когда сослуживцы мои узнали о назначеніи меня инспекторомъ немировской гимназіи, то учителя поляки, завидуя мнѣ,

говорили, что въ Немировѣ меня ожидаетъ счастливая служба и жизнь; напротивъ, русскіе учителя, служившіе прежде въ западныхъ губерніяхъ говорили мнѣ, что служба тамъ для русскихъ чиновниковъ тяжела и непріятна.

Оставивъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ жену мою съ младшимъ сыномъ моимъ Михайломъ; ованчивавшимъ курсъ въ 7 классѣ; я 1 октября того же 1848 года отправился къ мѣсту моего назначенія. Въ Кіевѣ я имѣлъ надобность повидаться съ старшимъ сыномъ моимъ Иваномъ, обучавшимся въ университетѣ, и получить нужныя для меня свѣдѣнія о директорѣ немировской гимназіи Зимовскомъ, о которомъ я тогда узналъ, что онъ, окончивъ въ Харьковскомъ университетѣ курсъ съ званіемъ студента, служилъ секретаремъ въ канцеляріи попечителя Фонъ-Брадке, который сдѣлалъ его инспекторомъ нѣжинскаго лицея, а потомъ директоромъ немировской гимназіи. Близкіе къ высшему начальству лица говорили мнѣ, что я буду служить подъ начальствомъ лучшаго изъ директоровъ кіевскаго учебнаго округа и что, прослуживъ съ нимъ нѣкоторое время, самъ буду директоромъ; другіе, зная Зимовскаго по службѣ его въ Кіевѣ и Немировѣ, сказывали мнѣ, что служба моя у Зимовскаго будетъ для меня тягостна, что предмѣстникъ мой Веккаревичъ изъ духовнаго званія, магистръ, на службѣ при Зимовскомъ въ должности инспектора былъ мученикомъ. Вотъ съ какими свѣдѣніями о Зимовскомъ я отправился въ Немировъ.

XXXIII.

Директоръ Немировской гимназіи Зимовскій; образъ управленія его гимназіей.—Общая ученическая квартира.—Взыскательность Зимовскаго.—Продовольствіе учениковъ въ общей квартирѣ.—Ученикъ Жабокрицкій.—Разсужденіе объ общихъ квартирахъ.

Приступаю къ самому непріятному для меня воспоминанію объ инспекторской службѣ моей въ немировской гимназіи. Благодарю Бога, что этотъ несчастный періодъ моей службы былъ непродолжителенъ, что я могъ перенести представившееся мнѣ испытаніе и благополучно возвратиться въ родной мой Новгородѣ-Сѣверскѣ, къ родной моей семьѣ.

Въ Немировъ я прибылъ 13-го октября 1848 года и остановился въ квартирѣ учителя словесности М. К. Чалаго, бывшаго прежде ученикомъ моимъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Въ тотъ же день я, какъ слѣдовало, въ полной формѣ явился къ Зимовскому. Онъ встрѣтилъ меня съ серьезнымъ видомъ и замѣчаніемъ, что я поздно прибылъ на службу; я отвѣчалъ ему, что имѣлъ надобность пробыть въ Кіевѣ и получилъ на то позволеніе начальства. Второе замѣчаніе его состояло въ томъ, что я долженъ былъ остановиться въ моей инспекторской квартирѣ, на что я сказалъ ему, что остановился у Чалаго, желая узнать, готова ли моя квартира. Зимовской требовалъ, чтобы я скорѣе перешелъ въ свою квартиру, и потомъ, когда я еще нѣсколько дней оставался у Чалаго, каждый день присылалъ надзирателя гимназіи узнавать, на своей-ли квартирѣ я нахожусь. На другой день моего прибытія онъ формально представилъ меня всѣмъ чиновникамъ гимназіи въ ея залѣ и ввелъ въ отправленіе моей должности. Каждый день вечеромъ я приходилъ къ Зимовскому, который давалъ мнѣ наставленія касательно моихъ обязанностей и показалъ мнѣ, что онъ хорошо знаетъ поляковъ. Онъ говорилъ мнѣ, что ученики Немировской гимназіи совсѣмъ не такія простодушныя дѣти, какія учатся въ русскихъ гимназіяхъ; что въ польской семьѣ глава не отецъ, а мать; что ксендзы имѣютъ законодательное вліяніе на польскія семейства; что передъ отправкой сына въ гимназію ксендзы съ крестомъ въ рукѣ, въ присутствіи отца и матери, заклиniają его быть всегда врагомъ русскихъ; что семейства, пріѣзжая навѣдаться въ Немировъ къ сыновьямъ своимъ, представляютъ имъ случаи и способы къ разнымъ соблазнамъ. Вообще сообщенныя мнѣ отъ Зимовскаго свѣдѣнія были дѣльны и для меня поучительны. Слушая его наставленія, я почувствовалъ къ нему уваженіе и расположенность, и говорилъ нѣкоторымъ лицамъ, что нахожу Зимовскаго гораздо лучшимъ, чѣмъ о немъ говорили. На такой отзывъ мой о немъ слушавшіе меня отвѣчали: „поживете узнаете!“ И скоро, дѣйствительно, я узналъ Зимовскаго настолько, что никогда не желалъ бы служить подъ начальствомъ такого директора. Въ своихъ первыхъ

бесѣдахъ со мною Зимовской высказался, что онъ въ управленіи гимназією держится правила древнихъ Римлянъ: „divide et impera“, и это было программой его дѣйствій, о которыхъ я узналъ, служа съ нимъ. Если правило древнихъ Римлянъ могло имѣть какое либо примѣненіе по отношенію къ полякамъ, то совсѣмъ не годилось по отношенію къ русскимъ чиновникамъ гимназій, которые, составляя малую колонію среди враждебнаго и интригующаго противъ русскихъ мѣстнаго населенія, должны были-бы одушевляться единомысліемъ и, подъ руководствомъ опытнаго и благомыслящаго начальника, дружно и добросовѣстно исполнять дѣло своего призванія въ ополяченномъ краѣ; но этого то и не доставало гимназическому персоналу въ Немировѣ, гдѣ Зимовской, держась своего принципа, поселялъ между чиновниками гимназій взаимное недоувѣріе и подозрительность, заставляя всѣхъ опасаться его придирчивой взыскательности.

При самомъ вступленіи моемъ въ службу онъ, разговаривая со мною объ учителяхъ, совѣтовалъ мнѣ не сближаться съ ними и имѣть надъ ними постоянно строгую инспекцію, а учителямъ, которымъ я на первыхъ порахъ за хлопотами по гимназій не успѣлъ сдѣлать визитовъ, внушалъ, что я чуждаюсь ихъ общества, когда и безъ того нѣкоторые изъ нихъ негодовали на меня за то, что я занялъ инспекторское мѣсто, которое они надѣялись получить и одинъ изъ нихъ до моего пріѣзда исправлялъ эту должность. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ моей инспекторской службы въ гимназій, я поставленъ былъ въ неблагопріятное отношеніе къ учителямъ, которое оставалось такимъ и во все время моего инспекторства. Одинъ только учитель Чалый оказывалъ мнѣ свое благорасположеніе; онъ держалъ себя осторожно и въ сторонѣ отъ Зимовского, не заискивалъ его милости, и потому я съ нимъ всегда могъ быть откровененъ.

Учителя гимназій въ то время занимались только преподаваніемъ уроковъ въ классахъ гимназій и не обязаны были внѣ ея наблюдать за поведеніемъ учащихъся, а потому, если только исправно приходили въ классы на уроки свои и свое-

временно представляли мѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ въ классахъ, (за чѣмъ Зимовской строго слѣдилъ самъ и мнѣ приказывалъ слѣдить неослабно),—то не подвергались контролю Зимовского въ своемъ преподаваніи предметовъ, въ которыхъ онъ былъ несвѣдущъ, потому что самъ никогда ничего не преподавалъ. Одинъ только учитель рисованія, добродушный малоруссъ и смиренный по характеру—Сошенко, хорошій художникъ и усердный учитель, приходилъ въ какой-то панической страхъ, когда Зимовской посѣщалъ его классъ, даже внѣ гимназіи боялся съ нимъ встрѣчаться на улицѣ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что Зимовской заставлялъ его, какъ спеціалиста въ писаніи, поддѣлать какой-то актъ, на что Сошенко не согласился.

Совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ Зимовскому, чѣмъ учителя, находились инспекторъ и надзиратели; по безпрестанному наблюденію ихъ за учениками, они всегда были отвѣтственными за нихъ предъ директоромъ; особенно тяжела была ихъ отвѣтственность за учениковъ, находившихся въ общей квартирѣ.

Общія квартиры помѣщались въ зданіяхъ, находившихся въ гимназической усадьбѣ, окруженной каменной стѣной, за ворота которой ученики не могли выходить безъ особеннаго разрѣшенія начальства. Въ этихъ общихъ квартирахъ содержалось болѣе 200 учениковъ, въ числѣ которыхъ русскихъ православныхъ было человѣкъ до 70. Общая квартира раздѣлялась на 3 отдѣленія, изъ которыхъ въ каждомъ ученики получали особое содержаніе и вносили различную за него плату. Въ каждомъ отдѣленіи было свое имущество, состоявшее изъ принадлежностей дортуаровъ, учебныхъ комнатъ и столовой. Все это хозяйство находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ и отвѣтственностью надзирателей и въ тоже время подъ контролемъ инспектора, какъ главнаго хозяина общихъ квартиръ. По этой причинѣ во всѣхъ отдѣленіяхъ общихъ квартиръ часто происходили повѣрки и пересмотры ихъ имущества, и, въ случаѣ какого-нибудь въ нихъ недостатка или порчи, надзиратели подвергались отъ директора взысканіямъ, а иногда и вычетамъ изъ ихъ жалованья. Отвѣтственность инспектора и надзирате-

лей за поведеніе учениковъ, жившихъ въ общихъ квартирахъ, была еще тяжелѣе: тамъ почти ежедневно происходили разные безпорядки между учениками, которымъ служители помогали входить съ жидами въ разныя сдѣлки по доставленію имъ недозволенныхъ вещей, за что отвѣтственность падала на надзирателя и инспектора; иногда ученики секретно продавая свое платье, жаловались, будто оно пропало изъ общихъ гардеробовъ отдѣленій, и въ такомъ случаѣ надзиратели платились за худой присмотръ; иногда ученики, недовольные строгимъ присмотромъ за ними надзирателей, и зная, что за какую-нибудь ученическую выходку надзиратели подвергнутся гнѣву директора, нарочно дѣлали такія выходки.—Зимовской въ обращеніи съ надзирателями былъ суровъ: кричалъ на нихъ, поступалъ деспотически, почти какъ съ служителями, не позволяя свободно съ нимъ объясняться; приходя къ нему, они стояли всегда у порога и должны были выслушивать все его грубости. Одинъ только учитель Мерцаловъ, бывшій вмѣстѣ и надзирателемъ 3-го отдѣленія общихъ квартиръ, не боялся придирчивости раздражительнаго Зимовского, смѣло объяснялся съ нимъ и своимъ хладнокровіемъ выводилъ его изъ себя, за что Зимовской описалъ его неблагонадежнымъ въ своемъ представленіи попечителю, и Мерцалова перевели въ Бѣлую Церковь. Немировская гимназія лишилась въ Мерцаловѣ хорошаго преподавателя математики, а чиновники ея, озадаченные внезапнымъ смѣщеніемъ его, стали еще болѣе опасаться Зимовского, зная, какое великое онъ въ округѣ имѣетъ къ себѣ довѣріе, да и самъ Зимовской, не обинуясь, любилъ хвалиться предъ нами тѣмъ, что такого-то чиновника онъ сблъ съ рукъ, что такой-то отъ преслѣдованій его самъ бѣжалъ изъ гимназіи; хвалился онъ и тѣмъ что, будучи правителемъ канцеляріи фонъ-Брадке, причинялъ непріятности профессорамъ университета. Какъ же намъ было не бояться его придирчивой взыскательности, когда притомъ немировцы говорили, будто онъ былъ членомъ тайной полиціи и потому могъ, пожалуй, обвинить кого-нибудь изъ насъ даже въ политической неблагонадежности. Не довѣряя надзирателямъ общихъ квартиръ относительно точнаго исполненія ими своихъ

обязанностей, я не могъ полагаться и на гимназическихъ надзирателей, изъ которыхъ одинъ былъ полякъ Штейнъ, а другой русскій Корсунъ, картежникъ и наушникъ Зимовского. Кромѣ того, при мнѣ постоянно находился инспекторскій служитель, лукавый уніать, который былъ неотлучнымъ при мнѣ согладатаемъ, зналъ, что я дѣлаю, у кого бываю и кто бываетъ у меня, и доносилъ о томъ Зимовскому; притомъ, будучи посылаемъ отъ меня на развѣдки за учениками, онъ бралъ съ нихъ взятки и дѣлалъ мнѣ ложныя донесенія, по которымъ я подвергался отвѣтственности предъ Зимовскимъ.

Въ отношеніи ко мнѣ Зимовской показывалъ такую же взыскательность, какой подвергались надзиратели; въ случаѣ какихъ-нибудь беспорядковъ въ общей квартирѣ, онъ не только на словахъ дѣлалъ мнѣ обидныя укоризны, но часто давалъ мнѣ замѣчанія на бумагѣ, притомъ за номеромъ канцеляріи, чтобы офіціально оправдать свою взыскательность и записать мою неисправность по службѣ; такихъ бумагъ его у меня накопилось много, и я могъ опасаться, что на нихъ при случаѣ онъ не задумается указать ревизору.

Хлопоты мои по общей квартирѣ еще болѣе увеличивались наблюденіемъ за продовольствіемъ находившихся въ ней учениковъ, которое производилъ подрядчикъ по контракту. Весьма часто ученики жаловались мнѣ на худую пищу. Я, въ силу контракта, имѣлъ право въ случаѣ поставки подрядчикомъ худой провизіи, составить актъ и на счетъ подрядчика купить кушанья изъ трактира, но когда я говорилъ Зимовскому, что хочу привести въ исполненіе этотъ пунктъ контракта, онъ отклонялъ меня отъ того говоря, что эта исторія окончится только затрудненіемъ получить изъ трактира требуемое кушанье для учениковъ всего отдѣленія,—что было справедливо. Однажды, когда ученики представили мнѣ испорченный сыръ, съ которымъ они любили ѣсть такъ называемыя клюски, и я сталъ выговаривать за то подрядчику, онъ въ оправданіе свое сказалъ мнѣ, что такой сыръ полученъ имъ отъ директора въ числѣ прочей провизіи, доставляемой Зимовскому родителями жившихъ у него учениковъ. Мнѣ оставалось молчать.

Озабочиваясь исполненіемъ моихъ обязанностей по гимназiи и общей квартирѣ и безпрестанно опасаясь замѣчаній отъ Зимовскаго, я усиливаль мою дѣятельность и иногда, вставши по утру, отправлялся въ общую квартиру смотрѣть, какъ ученики встають и пьютъ чай, потомъ съ ними шелъ въ гимназію, гдѣ проводя 4 часа, приходилъ въ столовую, а послѣ обѣда опять въ классы, и затѣмъ занимался какимъ-нибудь разбирательствомъ въ общей квартирѣ. Въ свою квартиру я возвращался только поздно вечеромъ съ безпокойнымъ духомъ и съ боязнью за завтрашній день. Но такія постоянныя хлопоты мои по службѣ однажды предохранили меня отъ тяжелой отвѣтственности, которой я подвергся бы, еслибы исполнилъ приказаніе Зимовскаго. Ученикъ третьяго класса Жабокритскій не пришелъ изъ общей квартиры въ классъ подъ видомъ болѣзни. На запискѣ, посланной гимназическому лѣкарю, послѣдній написалъ, что Жабокритскій здоровъ. Зимовской приказалъ мнѣ высѣчь Жабокритскаго розгами. Захлопотавшись по дѣламъ моимъ, я могъ исполнить это приказаніе только въ 12 часовъ дня, но въ это самое время получилъ отъ надзирателя общей квартиры извѣстіе, что Жабокритскій умираетъ. Пришедши въ квартиру, я увидѣлъ, что ученики придерживаютъ грудь Жабокритскаго, страдавшаго чрезвычайнымъ біеніемъ сердца, котораго причину пришедшій сюда лѣкарь не могъ мнѣ объяснить. Что случилось бы со мною, еслибы такой припадокъ у Жабокритскаго случился подъ розгами!

Судя по строгимъ мѣрамъ, съ какими начальство старалось обрусить польскихъ дѣтей въ общихъ квартирахъ, казалось можно было бы ожидать громадныхъ результатовъ въ этомъ направленіи, а между тѣмъ на дѣлѣ вышло не то. Поляки, помѣщавшіе своихъ сыновей въ общихъ квартирахъ, тѣмъ больше старались внушить имъ свои польскія тенденціи, и ихъ дѣти, находясь въ большомъ сообществѣ, тѣмъ болѣе укрѣплялись въ полонизмѣ. Отцы находившихся въ общихъ квартирахъ дѣтей могли имѣть только экономическую выгоду въ болѣе дешевой платѣ за содержаніе; но они совсѣмъ не желали этой выгоды и

съ охотою платили-бы гораздо дороже въ частныхъ квартирахъ, еслибы начальство имъ дозволяло. Отъ немировской общей квартиры наживался только Зимовской, въ квартирѣ котораго богатые польскіе помѣщики помѣщали своихъ сыновей за высокую плату и въ то же время вносили другую плату въ кассу общей квартиры, чтобы жившіе у Зимовского ихъ сыновья фивтивно считались въ числѣ учениковъ, состоявшихъ по списку въ общей квартирѣ. Находившіеся такимъ образомъ въ общей квартирѣ Зимовского ученики учились нисколько не лучше жившихъ въ общей квартирѣ, а вели себя гораздо хуже послѣднихъ и дѣлали такіе проступки, за которые тотъ же Зимовской исключилъ бы ихъ изъ гимназіи, еслибы они находились въ общей квартирѣ. Черезчуръ взыскательный къ ученикамъ общей квартиры и къ ихъ надзирателямъ, Зимовской у себя въ домѣ до того распустилъ своихъ квартирантовъ, что они не разъ били его, и не смотря на то, онъ продолжалъ держать ихъ у себя, получая за то дорогую плату. Вообще говоря, общія ученическія квартиры въ западныхъ губерніяхъ дѣлу обрусенія польскихъ дѣтей приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы, и не потому ли онѣ были вездѣ закрыты, кромѣ нѣкоторыхъ главныхъ городовъ, въ которыхъ остались по просьбѣ родителей изъ экономическихъ разчетовъ послѣднихъ.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ нѣкоторое время существовала при гимназіи общая ученическая квартира на 40 человекъ, но и при такомъ маломъ количествѣ содержимыхъ въ ней, она причиняла начальству большія хлопоты, не принося существенной пользы квартирантамъ, а потому и здѣсь она скоро была закрыта.

Прослуживъ мѣсяць въ немировской гимназіи, я изучилъ почти всѣ порядки, подлежавшіе моему наблюденію, дѣлался осторожнѣе при Зимовскомъ и началъ уже привыкать къ моему положенію, какъ случилось въ общей квартирѣ такое происшествіе, которое взволновало всю гимназію и поставило меня въ критическое положеніе. Виновникомъ этого несчастнаго происшествія былъ ученикъ 5-го класса Вольскій.

XXXIV.

Ученикъ Вольскій, его преступленіе противъ Зимовскаго и надзирателя Мальцева; присмотръ за ними въ карцерѣ; болѣзнь Зимовскаго; мой рапортъ.—Выздоровленіе Зимовскаго и его придирка ко мнѣ.—Учитель Ш.—Слѣдователь Скворцовъ и Балабинъ.—Наказаніе и ссылка Вольскаго.

Ученикъ Вольскій, сынъ русскаго и польки, былъ чрезвычайно лѣнивъ и дерзокъ. Когда послѣ многократныхъ взысканій онъ нисколько не исправлялся, Зимовской велѣлъ мнѣ написать письмо къ отцу его, становому въ городѣ Балтѣ, чтобы онъ взялъ сына изъ гимназіи подъ опасеніемъ исключенія изъ нея, но пока письмо мое дошло по адресу, ученикъ Вольскій совершилъ уголовное преступленіе. Ровно чрезъ мѣсяць по прибытіи моемъ въ Немировъ, 13 ноября, въ воскресный день, я отвелъ учениковъ католиковъ въ костель, потомъ зашелъ въ православную церковь, гдѣ находились православные ученики, и, побывавъ у пріѣхавшаго изъ гор. Брацлава новаго исправника, съ которымъ мнѣ надлежало познакомиться, пришелъ прямо въ столовую общей квартиры, гдѣ ученики уже обѣдали. Въ средней столовой я встрѣтился съ Зимовскимъ, и, раскланявшись, мы пошли въ противоположныя стороны. Вскоро сти послышался необыкновенный стукъ, и я, думая, что упала скамья или разбита посуда, спокойно возвращался назадъ и опять встрѣтился въ той-же столовой съ Зимовскимъ, который съ блѣднымъ лицомъ и держась рукою за поясицу свою, молча рукою указалъ мнѣ въ крайнюю столовую, въ которую вошедши я увидѣлъ всѣхъ учениковъ вставшихъ изъ-за стола и передъ ними Вольскаго, держащаго въ рукѣ большой перочинный ножъ. Здѣсь мнѣ сказали, что Вольскій сидѣлъ за столомъ облокотясь на руку, и когда Зимовской, отдернувъ его руку, приказалъ ему сидѣть прилично, онъ облокотился по прежнему, когда же Зимовской сталъ опять поправлять его, Вольскій, вставши изъ-за скамьи, ударилъ Зимовскаго въ лицо, а когда послѣдній велѣлъ схватить его, то Вольскій, вынувши изъ кармана перочинный ножъ, отвернулъ большое лезвіе его и ударилъ Зимовскаго въ поясицу. Надзиратель Мальцовъ бросился

къ Вольскому, который нанесъ ему тѣмъ-же ножомъ двѣ раны. Къ счастью Вольскій самъ бросилъ ножъ свой на полъ, и я велѣлъ служителямъ схватить преступника, вести его прямо въ карцеръ, куда и самъ пошелъ за нимъ, взявъ съ собою другого надзирателя (Мальцева повели въ квартиру), и приказалъ туда же позвать гимназическаго * лекаря, чтобы освидѣтельствовать, не сошелъ-ли Вольскій съ ума. Въ карцерѣ на вопросъ мой, какъ онъ осмѣлился сдѣлать такое преступленіе противъ директора, онъ отвѣчалъ: „пускай онъ меня не трогаетъ, я его убью!“ Лѣкарь объявилъ мнѣ, что никакого сумашествія въ Вольскомъ не находитъ. Сдѣлавши такое дознаніе, я, оставивъ при Вольскомъ надзирателя и одного изъ служителей, пошелъ въ квартиру директора и увидѣлъ его лежащимъ на кровати, гдѣ другой городской врачъ прикладывалъ ему ледъ къ раненой поясницѣ. Я рассказалъ Зимовскому, какъ я распорядился съ арестованіемъ и освидѣтельствованіемъ Вольскаго, и Зимовской въ первый разъ похвалилъ мою распорядительность и велѣлъ мнѣ тотчасъ составить актъ о случившемся происшествіи и отправить его при рапортѣ въ Кіевъ къ попечителю; притомъ онъ сказалъ мнѣ: вы теперь распоряжайтесь управленіемъ гимназіей, на васъ лежитъ отвѣтственность за Вольскаго, если онъ уйдетъ изъ карцера. Но нельзя было устеречь заключеннаго въ карцеръ, котораго окно выходило на улицу, а потому немедленно была сдѣлана въ окнѣ желѣзная рѣшетка. При Вольскомъ поочередно находились сторожа, и несмотря на это, онъ однажды убѣжалъ на улицу. Когда Зимовской отъ меня узналъ объ этомъ побѣгѣ, то приказалъ, чтобы кромѣ сторожа по ночамъ дежурили въ карцерѣ по очереди надзиратели гимназіи. При всемъ томъ для наблюденія за дежурствомъ сторожей и надзирателей, я каждую ночь самъ съ моимъ служителемъ навѣдывался въ карцеръ, и однажды не засталъ въ немъ надзирателя Корсуна, ушедшаго вѣроятно играть карты. Каждый день я навѣщалъ Зимовскаго, который все боялся, чтобы Вольскій не ушелъ при содѣйствіи поляковъ, приходившихъ къ окну карцера, разговаривавшихъ съ Вольскимъ и пившихъ тутъ же въ честь его вино. Зимовской говорилъ мнѣ, чтобы я, кромѣ

строгаго присмотра за Вольскимъ, принявъ надлежащія мѣры наблюденія вообще за учениками гимназіи, дабы ихъ не увели изъ Немирова польскіе эмиссары подобно тому, какъ они въ то время уводили учениковъ изъ каменецъ-подольской гимназіи для поступленія въ польскіе отряды во время бывшей тогда Венгерской кампаніи. Между тѣмъ Вольскій въ карцерѣ повторялъ, что онъ убьетъ Зимовскаго, что будетъ бить и тѣхъ начальниковъ, которые пріѣдутъ изъ Кіева; обо мнѣ пока молчалъ, но вскорѣ и меня хвалился бить. Я пересталъ входить къ нему въ карцеръ; вдругъ неожиданно онъ чрезъ надзирателя попросилъ меня придти къ нему. Взявъ нужную предосторожность, я, не входя въ самый карцеръ, чрезъ растворенныя двери спросилъ его, что ему нужно отъ меня. Онъ съ дерзостью меня спросилъ: „зачѣмъ вы запретили давать мнѣ чай?“ Я сказалъ, что, какъ ему самому извѣстно, ученикамъ 1-го отдѣленія общей квартиры, къ числу которыхъ и онъ принадлежитъ, чай не полагается, а если подрядчикъ, сначала отпускавшій ему чай, пересталъ его давать, то это была его воля, и я не могу его заставить отпускать чай. На томъ Вольскій и успокоился.

Между тѣмъ ученики въ классахъ гимназіи и въ общей квартирѣ волновались и выражали какое-то злорадство и непослушаніе начальству. Чрезъ нѣсколько времени по заключеніи Вольскаго въ карцеръ, прибылъ въ Немировъ отецъ его и, съ дозволенія Зимовскаго, въ присутствіи надзирателя, имѣлъ свиданіе съ сыномъ. На вопросъ отца, какъ онъ смѣлъ сдѣлать такой проступокъ относительно директора, сынъ отвѣчалъ: „пускай онъ меня не трогаетъ“. Мать Вольскаго въ карцеръ не была допущена. Въ это время генераль-губернаторъ и вмѣстѣ попечитель Бибиковъ находился въ Петербургѣ, куда изъ округа отправленъ былъ мой рапортъ, и мы полтора мѣсяца ожидали, чѣмъ рѣшится дѣло о Вольскомъ. Зимовской, по выздоровленіи, самъ вступилъ въ управленіе гимназіею и по прежнему началъ распоряжаться въ ней съ обычною ему придирчивостью ко мнѣ и надзирателямъ и сдѣлался даже еще раздражительнѣе прежняго. Однажды, когда я и учителя собрались въ залу для обыкновеннаго подписанія мѣсячныхъ вѣдомостей, Зимовской не пришелъ

къ намъ, а прислалъ только письмоводителя своего съ книгами и велѣлъ черезъ него намъ подписать эти книги. Когда во время этого засѣданія учителя подняли вопросъ о неудовлетворительномъ содержаніи учениковъ въ общей квартирѣ, письмоводитель поспѣшилъ увѣдомить о томъ Зимовского, который тотчасъ же пришелъ въ залу и напалъ на меня за то, что я позволилъ учителямъ разсуждать о сказанномъ вопросѣ. Я отвѣчалъ, что не считалъ себя въ правѣ запретить имъ говорить о томъ, такъ какъ они имѣютъ одинаковый со мною голосъ въ совѣтѣ. Когда учителя разошлись, Зимовской опять напалъ на меня и сталъ кричать. Когда-же я при этомъ замѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права такъ грубо обращаться со мною, онъ сказалъ, что при слѣдствіи о поступкѣ Вольскаго поляки прежде всего стануть жаловаться слѣдователямъ на бывшіе безпорядки въ продовольствіи учениковъ общей квартиры, и что я подвергнусь отвѣтственности за эти безпорядки. При такомъ его наглomъ обвиненіи меня, я не вытерпѣлъ и напомнилъ ему, что онъ, во 1-хъ, самъ отклонялъ меня отъ принятія какихъ бы то ни было мѣръ взысканія противъ подрядчика, а во 2-хъ, что по словамъ подрядчика дурные продукты для продовольствія учениковъ общей квартиры, онъ получалъ отъ него же, директора. Послѣднія слова мои такъ озадачили Зимовского, что онъ замолчалъ, ушелъ изъ залы и дня три не являлся въ гимназію. Нужно замѣтить, что Зимовской, въ случаѣ полученія имъ отъ кого-нибудь смѣлаго и справедливаго отпора, всегда приходилъ въ замѣшательство. Такъ, однажды, прохаживаясь по залѣ рядомъ съ учителемъ латинскаго языка—Ш., онъ по дурной своей привычкѣ поталкивалъ его локтями и колѣнами. Ш. вскипѣлъ и вскрикнулъ: „какъ вы смѣете меня толкать!“ Зимовской при этомъ возгласъ совсѣмъ растерялся и, обратившись къ намъ, заявилъ, что онъ не толкалъ учителя Ш. Впослѣдствіи онъ вспомнилъ полученное отъ Ш. замѣчаніе, о чемъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Незадолго передъ праздникомъ Рождества Христова прибылъ изъ Каменецъ-Подольска въ Немировъ жандармскій полковникъ Скворцовъ, приказалъ всѣхъ учениковъ высшихъ клас-

совѣ гимназіи собрать въ залу, и самъ разспрашивалъ ихъ, довольны-ли они своимъ начальствомъ, причеиъ не присутствовали ни Зимовской, ни я, и никто изъ учителей. Ученики отвѣчали, что довольны, и тѣмъ допросы Скворцова въ гимназіи кончились; спрашивалъ-ли онъ о томъ-же у кого-нибудь въ Немировѣ—неизвѣстно. Вскорѣ за Скворцовымъ пріѣхалъ изъ Петербурга чиновникъ особыхъ порученій, зять министра Уварова, Евгений Петровичъ Балабинъ (впослѣдствіи сдѣлавшійся іезуитомъ) и остановился въ палацѣ графа Потоцкаго, откуда вечеромъ прислалъ нарочнаго съ требованіемъ, чтобы я пришелъ къ нему. Когда я явился, онъ объявилъ мнѣ, что онъ присланъ отъ министра разслѣдовать на мѣстѣ всѣ обстоятельства преступленія Вольскаго, и отъ лица самого министра требовалъ, чтобы я по чистой совѣсти разсказалъ ему все, какъ было, а главное, чтобы я открылъ ему, было-ли преступленіе Вольскаго выраженіемъ духа всѣхъ учениковъ гимназіи, или было случайнымъ дѣломъ одного лица. Я, изложивъ всѣ обстоятельства преступленія Вольскаго такъ, какъ они мною выше описаны, отвѣчалъ, что въ недолгое исправленіе мною должности инспектора гимназіи я не замѣтилъ въ ученикахъ такого враждебнаго отношенія, какое сказалось въ ученикѣ Вольскомъ. Потомъ онъ спросилъ меня, каковъ директоръ гимназіи въ отношеніи къ ученикамъ гимназіи? На это я сказалъ, что кромѣ отличной дѣятельности, распорядительности и должной взыскательности я не замѣтилъ въ немъ ничего, могущаго оскорблять учениковъ. Наконецъ Балабинъ, отпуская меня, запретилъ мнѣ сказывать директору, что онъ призывалъ меня къ себѣ и разспрашивалъ о его управленіи. Въ тотъ же вечеръ Зимовской, конечно, узналъ, что я былъ у Балабина, потому что всѣ знали, что я былъ потребованъ къ послѣднему.

По возвращеніи отъ Балабина я у Зимовскаго не былъ, и онъ не призывалъ меня къ себѣ. На другой день по утру, 23-го декабря, получено въ гимназіи рѣшеніе дѣла Вольскаго, котораго Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ высѣчь розгами предъ всею гимназіею и отослать барабанщикомъ въ Оренбургскій пѣхотный корпусъ.

Вечеромъ того-же числа Зимовской приказалъ мнѣ на другой день рано утромъ собрать учениковъ гимназіи въ залу и разставить ихъ вдоль стѣнъ по классамъ, между тѣмъ въ это самое время родители, пріѣхавшіе взять дѣтей своихъ на праздникъ, своими просьбами объ отпускѣ ихъ докучали мнѣ и Зимовскому, который на отрѣзъ объявилъ имъ, что по Высочайшему повелѣнію всѣ ученики гимназіи должны быть свидѣтелями примѣрнаго наказанія Вольскаго. Когда ученики были поставлены въ порядокъ, дано было знать о томъ Балабину и Скворцову, которые, не входя въ залу, назначили дать Вольскому 25 ударовъ розгами. Въ залу вошли Зимовской, я и присланный изъ Кіева директоръ гимназіи Любимовъ. Всѣ мы трое стали съ учителями въ главномъ концѣ залы, среди которой стояла уже скамья, а предъ нею исправникъ съ рассыльными, державшими розги. Директоръ приказалъ надзирателю Корсуну привести Вольскаго изъ карцера въ залу. Корсунъ имѣлъ глупость, приведши Вольскаго, поставить его передъ Зимовскимъ, который въ испугѣ отъ того приказалъ Корсуну отвести его къ скамьѣ. Зимовской вручилъ мнѣ бумагу и приказалъ прочесть ее. Вольскій, услыхавъ что его будутъ сѣчь розгами, вскрикнулъ: „этому не быть!“ Сильный Корсунъ сталъ раздѣвать его. Сначала при сѣченіи Вольскій молчалъ но послѣ 10-ти или 15-ти ударовъ сталъ кричать: „виновать, не буду!“ По окончаніи экзекуціи онъ всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Корсунъ сорвалъ воротникъ съ форменнаго сюртука, бывшаго на Вольскомъ. Затѣмъ Зимовской приказалъ Корсуну отвести Вольскаго опять въ карцеръ, а мнѣ велѣлъ составить списокъ имущества послѣдняго и съ тѣмъ и другимъ отправиться въ квартиру становаго, куда рассыльные отвезли Вольскаго для отправленія въ Брацлавъ, а оттуда въ Оренбургъ. Во время приготовленія къ отъѣзду Вольскій въ квартирѣ становаго сидѣлъ и молчалъ, когда-же становой посадилъ его съ собою въ сани, онъ сказалъ: „прощайте, инспекторъ.“ Окончивъ эту неприятную для меня миссію, я уже вечеромъ явился къ Зимовскому и рассказалъ, какъ унесли Вольскаго. Зимовской спрашивалъ меня, видѣлъ-ли я это

своими глазами и точно-ли Вольскаго увезли изъ Немирова, въ чемъ я, наконецъ, его увѣрилъ. Такимъ образомъ съ утра до вечера я находился въ постоянныхъ хлопотахъ и тревогѣ и только вечеромъ могъ напиться чаю и отдохнуть. Это было на канунѣ праздника Рожд. Христ. Носились слухи, что на пути поляки Вольскому давали деньги и что будто бы Вольскій въ Оренбургѣ въ послѣдствіи былъ произведенъ въ офицеры, на самомъ же дѣлѣ Вольскій и тамъ по своей дерзости ударилъ офицера и за это опять былъ высѣченъ розгами, послѣ чего, конечно, не могъ уже быть офицеромъ.

XXXV.

Прибытіе Могилянскаго въ гимназію.—Мое намѣреніе выйти въ отставку.—Помѣщикъ Лещинскій.—Графъ Потоцкій.—Мои сыны.—Я инспекторъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.—Задержаніе моего въ Немировѣ и мой изъ него выѣздъ.—Несчастія Зимовскаго.—Мое сознаніе.—Явка моя въ Кіевъ Бибикову.—Благопріятныя для меня свѣдѣнія.

Во время Рождественскихъ праздниковъ я, не имѣя по службѣ надобности являться къ Зимовскому, не бывалъ у него, изъ чего онъ вывелъ заключеніе, что я скрываю отъ него мое посѣщеніе Балабина и, что (какъ послѣ онъ говорилъ) я желаю занять его директорское мѣсто въ Немировѣ, на которомъ онъ тогда не думалъ удержаться. Но это опасеніе Зимовскаго на счетъ моего искательства было не основательно: послѣ того, что я вытерпѣлъ отъ него во время моей инспекторской службы въ Немировской гимназіи, и въ особенности послѣ несчастнаго столкновенія его съ Вольскимъ, Немировъ до того мнѣ оиротивѣлъ, что еслибы Зимовской и въ самомъ дѣлѣ былъ смѣщенъ, и мнѣ предложили бы его мѣсто, я отказался-бы отъ этой чести, притомъ же около этого времени утверждень былъ мнѣ инспекторскій пансіонъ за 25-ти лѣтнюю мою службу, и я писалъ въ Кіевъ къ моимъ знакомымъ, близкимъ къ помощнику попечителя Юзефовичу, что если начальству не угодно будетъ перемѣстить меня въ другую гимназію, то я подамъ просьбу объ отставкѣ. Во время тѣхъ-же Рождественскихъ праздни-

ковъ прибылъ изъ Кіева въ гимназію сочувствовавшій и постоянно благопріятствовавшій Зимовскому другъ его, инспекторъ казенныхъ училищъ, Могиланскій для развѣдокъ на мѣстѣ о дѣлѣ Вольскаго и, можетъ быть, для разузнанія о дѣйствіяхъ Балабина по этому дѣлу. Безъ сомнѣнія, Зимовской тотчасъ же сообщилъ ему о призывѣ меня къ Балабину, о моей скрытности и о своей догадкѣ на счетъ моего искательства. Могиланскій, узнавъ отъ Юзефовича о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, призвалъ меня въ квартиру Зимовскаго и при немъ прежде всего спросилъ меня, чѣмъ я недоволенъ въ Немировской гимназіи; я отвѣчалъ, что въ эту гимназію я поступилъ, желая получить инспекторскій пансіонъ, и теперь, по утвержденіи его въ министерствѣ, чувствуя разстройство въ здоровьи, хочу возвратиться къ роднымъ моимъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, что ни на кого и ни на что не могу жаловаться въ Немировской гимназіи, а самъ себя считаю неспособнымъ продолжать въ ней службу. Зимовской говорилъ, что, можетъ быть, его требовательность по службѣ мнѣ не нравится, и при этомъ не преминулъ сослаться на свои оффиціальныя данныя мѣѣ отъ него на бумагѣ замѣчанія, желая оправдать себя и обвинить меня предъ Могиланскимъ. Я молчалъ, и что я могъ сказать въ защиту себя предъ этими двумя друзьями?

Когда началось ученіе въ гимназіи, я продолжалъ службу мою съ стѣсненнымъ сердцемъ. Хотя Зимовской въ обращеніи съ мной не позволялъ себѣ прежней грубости, но холодное отношеніе его ко мнѣ было для меня тягостно и не безопасно, а потому я вновь писалъ въ Кіевъ о нежеланіи моемъ служить въ Немировской гимназіи.

Предъ наступленіемъ Пасхальныхъ праздниковъ я хотѣлъ развлечься и отдохнуть гдѣ-нибудь внѣ Немирова. Кстати, отецъ жившаго у Чалаго ученика, польскій помѣщикъ Лещинскій пригласилъ меня на праздникъ въ свою деревню, куда Зимовской благоволилъ отпустить меня. Пасхальную заутреню я слушалъ въ русской православной церкви, въ которой поразила меня ея крайне бѣдная обстановка: на иконостасѣ висѣли какія-то ветхія полотна съ изображеніями святыхъ; облаченіе и прочія при-

надлежности церковныя были также не благолѣпны. Возвратившись отъ заутрени въ домъ Лещинскаго, я удивился, увидѣвъ православнаго священника, освящавшаго тамъ пасхи. Жена помѣщика, замѣтивъ мое удивленіе, сказала мнѣ, что, не могши дозваться католическаго ксендза, она пригласила нашего священника въ увѣренности, что святая вода у католиковъ такая-же, какъ и у русскихъ. Я замѣтилъ особенность въ польскомъ разговѣніи: прежде всего хозяйка, изрѣзавши крутыя яйца на небольшіе кусочки, на тарелкѣ подносила каждому изъ присутствовавшихъ. Утромъ къ Лещинскому являлись на поклонъ его крестьяне и при этомъ случаѣ испрашивали у него разныхъ себѣ льготъ по работѣ. Лещинскій указалъ мнѣ на одного изъ нихъ, говоря: „онъ умевъ, какъ министр“. Послѣ обѣда крестьянки являлись также на поклонъ къ женѣ помѣщика, и она ихъ угощала. Мнѣ казалось, что отношенія между Лещинскимъ и его крестьянами были довольно хороши. Дня черезъ три я вмѣстѣ съ Лещинскимъ возвратился въ Немировъ. Зимовской сказалъ мнѣ, что графъ Потоцкій спрашивалъ его, почему я не былъ у него на первый день Пасхи вмѣстѣ съ другими чиновниками гимназіи, и совѣтовалъ мнѣ немедленно побывать у графа съ визитомъ. Графъ принялъ меня весьма благосклонно. Онъ вообще былъ весьма расположенъ къ служащимъ въ гимназіи, приглашалъ ихъ къ себѣ на вечерніе балы и на домашніе спектакли, учителя часто ѣздили къ нему играть въ карты. Мнѣ пришлось быть у него на великолѣпномъ ужинѣ (Зимовской на немъ не былъ) и сидѣть противъ Балабина за столомъ, на которомъ лежало зеркальное плато во всю его длину и ширину, кромѣ небольшихъ краевъ для постановки тарелокъ; на зеркалѣ стояли богатые шандалы со многими горящими свѣчами, отражавшими свѣтъ свой въ зеркальной поверхности и вазоны съ фруктами и конфетами; по обѣимъ сторонамъ столовой, въ красивыхъ шкафахъ за стекломъ было множество саксонской столовой посуды, передъ столомъ стоялъ въ черномъ фракѣ такъ называемый маршалъ — распорядитель ужина, командовавшій прислугой, одѣтой въ богатые ливреи. Въ залѣ подлѣ столовой играла графская музыка;

другія комнаты имѣли великолѣпное убранство; въ нихъ я замѣтилъ два мраморныхъ бюста графа и жены его и картину кисти знаменитаго Брюлова, изображавшую венеціанскій карнавалъ, въ которой пляшущія лица представлялись мнѣ движущимися, когда я долго въ нихъ всматривался.

Вообще въ великолѣпной обстановкѣ палаца графа Потоцкаго Болеслава, видна была роскошь польскаго магната прежнихъ временъ. Графъ Потоцкій былъ вдовъ; женатъ онъ былъ на графинѣ Салтыковой, отъ которой имѣлъ одну только дочь тогда лѣтъ десяти, воспитывавшуюся въ православіи.

Для нея въ палацѣ Потоцкаго была православная церковь, въ которую самъ отецъ въ камеръ-герскомъ вицѣ мундирѣ приходилъ съ дочерью на богослуженіе, и любилъ, чтобы эту церковь посѣщали чиновники гимназій, въ числѣ которыхъ и я часто бывалъ. Для обученія дочери Потоцкаго русскому языку Императрица Александра Ѳеодоровна прислала наставницу изъ Смольнаго монастыря, а гимназическій православный законоучитель давалъ ей уроки изъ Закона Божія. Графъ Потоцкій извѣстенъ былъ своею преданностью Русскому Императорскому Дому и соблюдалъ русскіе обычаи высшаго сословія, ѣздилъ въ каретѣ, запряженной цугомъ въ простыжъ, а не съ бича по польски, кучера одѣты были по русски. Польскіе Папы не любили Потоцкаго за соблюденіе русскихъ обычаевъ, а между тѣмъ въ глаза льстили ему; его поссессоры наживались, управляя его имѣніями, и сами отъ того дѣлались помѣщиками.

Дочь Потоцкаго вышла замужъ за графа Строганова, во владѣніе котораго перешло все имѣніе Потоцкаго. Распространился я, вспоминая графа Потоцкаго, по чувству моему къ нему признательности, потому что въ его палацѣ и въ его гостепріимномъ обращеніи я находилъ себѣ отдохновеніе и нѣкоторую отраду послѣ тяжелыхъ трудовъ моихъ и непріятностей, получаемыхъ въ гимназій.

Насталъ май мѣсяцъ, начались въ гимназій экзамены, и я думалъ, что по окончаніи учебнаго года я получу отставку и возвращусь въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Въ это время я видѣлъ сонъ, въ которомъ мнѣ представлялось, будто теща моя, умершая отъ холеры предъ выѣздомъ моимъ въ Немировъ, поднявшись въ гробѣ, подозвала меня къ себѣ и положила на меня свои руки; въ другой разъ мнѣ снилось, что я, находясь въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, вижу митрополита Филарета, сидящаго въ мантии, распростертой по амвону, и падаю предъ нимъ на колѣни, причемъ онъ благословилъ меня и возложилъ на мою голову свои руки. Послѣ такихъ сновидѣній я почувствовалъ облегченіе въ моей душѣ. Черезъ нѣсколько дней получено было отъ попечителя увѣдомленіе, въ которомъ было сказано, что я переведенъ инспекторомъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію на мѣсто Писарева, оговореннаго Бездономъ и переведеннаго въ Луцкое дворянское училище. Радость моя была неизъяснима. Пришедши къ Зимовскому, я увидѣлъ у него прибывшаго преемника моего Дельсали. Я думалъ, что дня черезъ два отправлюсь въ Новгородъ-Сѣверскъ; но Зимовской задержалъ меня въ Немировѣ болѣе недѣли подъ тѣмъ предлогомъ, что я долженъ произвести повѣрку имущества общей квартиры, состоявшаго въ завѣдываніи и подъ отвѣтственностью надзирателей, отъ которыхъ Дельсаль долженъ былъ принять означенное имущество. Настоящею же причиною моего задержанія было желаніе сдѣлать меня орудіемъ его мщенія. Онъ упросилъ меня присутствовать на экзаменахъ, на которыхъ находился и инспекторъ Дельсаль. Зимовской подшучивалъ надо мною, говоря, что въ послѣдствіи времени будутъ думать, что я былъ ревизоромъ Немировской гимназіи. Во время испытанія по разнымъ предметамъ въ разныхъ классахъ я предсѣдательствовалъ въ одномъ отдѣленіи, а Дельсаль въ другомъ; Зимовской, переходя изъ одного класса въ другой, засматривалъ въ дѣлаемые нами отмѣтки ученикамъ по ихъ отвѣтамъ, вмѣшивался въ нихъ и заставлялъ перемѣнять ихъ по его усмотрѣнію. Когда, послѣ присутствованія моего на экзаменѣ по Исторіи, Зимовской просилъ меня предсѣдательствовать при испытаніи учениковъ по Латинскому языку, то я догадался, для чего Зимовской задерживалъ меня въ Неми-

ровѣ: онъ хотѣлъ чрезъ меня отмстить учителю Латинскаго языка Шведову за полученное отъ него оскорбленіе. Учитель Шведовъ хорошо зналъ преподаваемый имъ предметъ, но самое преподаваніе было малоуспѣшно: многіе ученики, какъ я видѣлъ при посѣщеніи классовъ, не имѣли латинскихъ книгъ, по которымъ производились переводы, только ихъ слушали и конечно безъ успѣха. Зналъ это и Зимовской и хотѣлъ, чтобы я, при испытаніи, дѣлалъ соотвѣтственныя такимъ успѣхамъ отмѣтки при его вмѣшательствѣ; вслѣдствіе чего оказавшаяся на экзаменѣ малоуспѣшность учениковъ въ латинскомъ языкѣ давала ему средство повредить Шведову, можетъ быть, донесеніемъ о томъ попечителю. Смекнувши о такомъ зломъ умыслѣ Зимовскаго противъ человѣка, мною уважаемаго, я рѣшительно отказался присутствовать на экзаменѣ по латинскому языку; хотя Зимовской два раза присылалъ ко мнѣ Дельсала просить меня придти на экзаменъ, я отвѣчалъ, что мое мѣсто быть на экзаменѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, послѣ чего Зимовской меня не удерживалъ. На проѣздъ отъ Немирова до Новгородъ-Сѣверска я не имѣлъ у себя денегъ, ими ссудилъ меня добрый Чалый, и благодаря его одолженію, я поспѣшилъ въ обратный мой путь. Зимовской, прощаясь со мной, просилъ меня писать къ нему, когда буду въ Кіевѣ, но я къ нему не писалъ.

Послѣ описаннаго выше столкновенія Зимовскаго съ Вольскимъ, онъ, еще во время моего пребыванія въ Немировѣ, получилъ пощечину отъ квартировавшаго у него ученика, котораго секретно отъ всѣхъ самъ посадилъ въ карцеръ, и тѣмъ дѣло кончилось; въ другой же разъ, когда ученикъ нанесъ ему, уже безъ меня, подобный ударъ, жандармскій полковникъ донесъ о томъ высшему начальству, послѣ чего Зимовской переведенъ былъ директоромъ въ орловскую гимназію, гдѣ опять случился съ нимъ неблагополучіе: письмоводитель его проматывалъ казенныя деньги пять тысячъ рублей, довѣренныя ему для доставки на почту, которыя Зимовской долженъ былъ пополнить изъ своего кармана. По выслугѣ 25-ти лѣтняго срока онъ получилъ отставку.

Заключу своє wspomинаніє о Зимовскомъ сознаниємъ, что непріятное находженіє мое въ службѣ подъ его начальствомъ съ получаемыми отъ него огорченіями принесло мнѣ и своего рода пользу: его строгая взыскательность заставила меня скоро изучить и исправно исполнять мои инспекторскія обязанности, а огорченія приучали меня къ терпѣнію и осторожности въ службѣ и жизни.

Въ Кіевѣ я долженъ былъ представиться грозному Бибикову. Въ приємной я засталъ уже какого-то полковника; по докладу обо мнѣ Бибиковъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и при входѣ моемъ велѣлъ мнѣ сѣсть противъ него въ креслахъ. Увидѣвъ на головѣ моей повязку, онъ спросилъ о причинѣ ея, и когда я сказалъ, что у меня давно испорченъ зубъ, совѣтовавъ мнѣ обратиться къ Караваеву; потомъ онъ спросилъ меня, находятся-ли въ новгородъ-сѣверской гимназіи учителя поляки, и послѣ моего утвердительнаго отвѣта, приказалъ мнѣ строго за ними наблюдать и не давать имъ потачки въ интригахъ; затѣмъ онъ приказалъ мнѣ особенно наблюдать за успѣхами учениковъ по русскому языку и наказывать ихъ розгами за непослушаніє начальству. При выходѣ моемъ отъ Бибикова чиновникъ его спросилъ меня о моемъ имени и квартирѣ, гдѣ я остановился. Въ Кіевѣ я получилъ благопріятное свѣдѣніє о новомъ директорѣ новгородъ-сѣверской гимназіи Науменкѣ, котораго всѣ хвалили за его добродушіє и обходительность съ учениками, когда онъ былъ инспекторомъ кіевской гимназіи, откуда, во время пребыванія моего въ Немировѣ, переведенъ директоромъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію. Узналъ я объ немъ также, что онъ кончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата и былъ хорошимъ учителемъ русской словесности; я познакомился съ жившею въ Кіевѣ его тещею, и отъ нея получилъ письмо къ Науменку. Въ Кіевѣ-же я получилъ другое пріятное для меня извѣстіє отъ помощника попечителя Юзефовича, что меньшій сынъ мой Михайлъ, окончившій курсъ въ новгородъ-сѣверской гимназіи въ числѣ лучшихъ учениковъ, будетъ принятъ въ универ-

ситеть на казенное содержаніе, на которомъ состоялъ и старшій сынъ мой Иванъ. Съ такими благопріятными для меня извѣстіями я, съ сыномъ моимъ Иваномъ, отправился изъ Кіева въ Новгородъ-Сѣверскъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества ¹⁾.

(Окончаніе).

Прослѣдивъ въ предыдущемъ изложеніи данныя, относящіяся къ вопросу о существованіи Хортицкой Сѣчи, мы пришли къ заключенію, что такой Сѣчи не существовало. Обслѣдованіе вопроса о существованіи Запорожской Сѣчи на островѣ Томаковѣ привело насъ къ выводу, что не было и Томаковской Сѣчи. ²⁾

Теперь на очереди выясненіе вопроса о существованіи запорожскихъ Сѣчей на островѣ Базавлукѣ при чертомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, и на Микитиномъ рогѣ въ чертѣ нынѣшняго м. Никополя екатеринославской губерніи.

По первому вопросу достовѣрный матеріалъ даетъ неоднократно уже цитированный нами дневникъ Лассоты, въ которомъ находимъ цѣнныя, хотя и не исчерпывающія вопроса, свѣдѣнія объ организаціи и бытѣ запорожцевъ въ концѣ 16 вѣка. Въ Запорожскомъ войскѣ были тогда части, состоящія подъ начальствомъ полковниковъ ³⁾; каждая изъ такихъ частей подраздѣлялась на сотни съ сотниками во главѣ ⁴⁾. Изъ военныхъ должностей отмѣчена у Лассоты должность эсауловъ, которые въ одномъ случаѣ передавали козакамъ на радѣ соображенія Лассоты отно-

¹⁾ Киев. Стар. 1894 г. № 5.

²⁾ Киевская Старина. 1893, № 5.

³⁾ Путевныя Записки Эр. Лассоты, въ прилож. стр. 92.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 93.

сительно похода въ Молдавію, а въ другомъ случаѣ созывали козаковъ на раду ¹⁾. Предводительствовалъ войскомъ гетманъ ²⁾

Нѣсколько неяснымъ является свидѣтельство Лассоты относительно обыкновенія запорожцевъ при обсужденіи важныхъ вопросовъ составлять одновременно два „кола“, т. е. два собранія, или двѣ рады; „коло“ начальниковъ и „коло“ черни, при чемъ по одному и тому же вопросу могли состояться различныя рѣшенія, какъ это и было при Лассотѣ ³⁾. Одобрительное рѣшеніе вопроса на общей козацкой радѣ сопровождалось бросаніемъ шапокъ ⁴⁾. Въ запорожскомъ войскѣ въ пору пребыванія Лассоты на Базавлукѣ находилось около 3, 000 козаковъ. Но это былъ не полный составъ Запорожскаго войска, которое по даннымъ грамоты запорожцевъ къ австрійскому императору могло достигнуть численности въ 6, 000 человекъ старыхъ козаковъ, не считая пограничныхъ хлѣборобовъ ⁵⁾. Запорожское войско на время походовъ пополнялось козаками, жившими въ городахъ и селахъ на Украинѣ ⁶⁾. Относительно боевой способности Запорожскаго войска цѣнно замѣчаніе Лассоты, что запорожцевъ, въ качествѣ наемнаго войска, не нужно было снабжать ни аммуниціей, ни оружіемъ, ни оружейниками при орудіяхъ, въ виду того, что всѣмъ этимъ запорожское войско было достаточно обезпечено ⁷⁾. Въ составѣ запорожскаго войска Лассота отмѣчаетъ вскользь группу охотниковъ, которые наравнѣ съ хозяевами челновъ, являлись элементомъ, выдававшимся среди запорожцевъ по своему значенію ⁸⁾. Имущество запорожцевъ, кромѣ вооруженія и челновъ, на которыхъ они предпринимали рѣчные и морскіе походы, заключалось въ лошадяхъ, необходимыхъ для походовъ сухопутныхъ. Во время посѣщенія Лассотою запорожцевъ, лошадей у нихъ было недостаточно велѣд-

¹⁾ Путевыя Зап. Лассоты, стр 36, 38.

²⁾ Тамъ-же, стр 30.

³⁾ Тамъ-же, стр. 33.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 32.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 49.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 39.

⁷⁾ Тамъ-же стр. 44.

⁸⁾ Тамъ-же стр. 36.

ствіе того, что въ теченіе предшествующей зимы татары приняли на Запорожьѣ 7 набѣговъ, похитивъ при этомъ болѣе 2 т. лошадей¹⁾.—Въ политическомъ отношеніи Запорожское войско въ данное время является независимымъ. Воюя съ турками и татарами, Запорожское войско находилось теперь въ разрывѣ и съ короннымъ канцлеромъ, т. е. съ правительствомъ Речи Посполитой, такъ же, какъ и съ кіевскимъ воеводою. Московскій великій князь, хотя и считалъ запорожцевъ своими слугами, но сносился съ ними черезъ пословъ, какъ съ независимымъ войскомъ, имѣвшимъ право заключать союзы и предпринимать походы по своему усмотрѣнію²⁾. „Свободное“ Запорожское войско, какъ оно называетъ себя въ полномочіи своимъ посланъ къ императору Рудольфу, по даннымъ дневника Лассоты, находилось въ это время въ довольно тѣсныхъ отношеніяхъ съ Польскою Речью Посполитою. Такъ, изъ дневника видно, что запорожцы могли успѣшно предпринять походъ въ Молдавію только въ томъ случаѣ, если этому походу не будетъ противодѣйствовать польское правительство. Вступить въ Украину запорожцамъ было необходимо, съ одной стороны для того, что бы раздобыть лошадей у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а также „у пріятеля“ своего, воеводы брацлавскаго, съ другой стороны—для пополненія войска козаками, „причиславшими себя къ запорожцамъ“³⁾. Потому то представители Запорожскаго войска и настаивали при переговорахъ съ Лассотой, чтобы императоръ Рудольфъ испросилъ разрѣшеніе у короля и сейма каждому „рыцарю“ свободно выступать въ походъ противъ татаръ и проходить черезъ владѣнія Речи Посполитой⁴⁾. Не только во время походовъ, но и въ мирное время запорожцы являлись на Украинѣ. Лассота отмѣчаетъ, что Хлопицкій, запорожскій полковникъ, отправлялся къ императору Рудольфу изъ Кіева, здѣсь же предварительно обсудивъ это предпріятіе съ низовыми козаками⁵⁾.

1) Тамъ же стр. 33.

2) Тамъ же стр. 44.

3) Тамъ же, стр. 39.

4) Тамъ же стр. 42.

5) Тамъ же, стр. 39.

Существенно важною для характеристики козацкаго быта той поры является одна подробность дневника Лассоты, это его сообщеніе о переговорахъ козака Северина Наливайка съ запорожцами въ іюлѣ 1594 г. Поводомъ для этихъ переговоровъ послужило участіе Наливайка въ походѣ кіевскаго воеводы противъ козаковъ подъ предводительствомъ Косинскаго. Наливайко, служившій въ милиціи кіевскаго воеводы князя Острожскаго, черезъ двухъ посланцевъ просилъ прощенія у Запорожцевъ за этотъ свой поступокъ, оправдываясь тѣмъ, что еще до войны козаковъ съ кіевскимъ воеводою онъ состоялъ у послѣдняго на службѣ, а затѣмъ собственная его честь не дозволила ему оставить своего господина. Теперь Наливайко просилъ у запорожцевъ позволенія явиться къ нимъ, чтобы, положивъ свою саблю, доказать на радѣ неосновательность взводимыхъ на него обвиненій, при чемъ если его признаютъ виновнымъ, то онъ самъ предложить отрубить себѣ голову своею собственною саблею.¹⁾

Въ какомъ смыслѣ приведенныя выше данныя освѣщаютъ бытъ запорожцевъ, будетъ прослѣжено нѣсколько ниже, послѣ предварительныхъ справокъ по дневнику же Лассоты о мѣстѣ пребыванія Запорожскаго войска. Изъ названнаго источника мы узнаемъ, что Запорожское войско стояло на о—вѣ Базавлукѣ лагеремъ; жилищемъ для козаковъ служили шалаши, сдѣланные изъ хворосту и покрытыя для защиты отъ дождя лошадиными кожами. Такое же помѣщеніе, называемое кошемъ, предоставлено было и Лассотѣ съ его спутниками.²⁾ Сообщенныя здѣсь подробности даютъ основаніе для заключенія, что на островѣ Базавлукѣ во время пребыванія Лассоты у запорожцевъ находилась обыкновенная стоянка Запорожскаго войска, которую никакъ нельзя отождествлять съ Запорожскою Сѣчью. Мѣсто пребыванія Запорожцевъ Лассота въ дневникѣ вездѣ называетъ *лагеремъ* и ни въ одномъ случаѣ не прибавляетъ опредѣленія „укрѣпленный или окруженный валомъ.“ Отмѣчая въ сво-

¹⁾ Путевыя записки Лассоты стр. 50.

²⁾ Путевыя записки Лассоты, стр. 31.

емъ дневникѣ не только всѣ укрѣпленія, встрѣчавшіяся ему на пути, но даже валы и насыпи, Лассота очевидно не преминулъ бы описать и укрѣпленіе Запорожцевъ, если бы оно существовало. Копи, носившіе всѣ признаки временныхъ жилищъ, точно также характеризуютъ лагерь на о—вѣ Базавлукѣ, какъ случайную стоянку здѣсь Запорожскаго войска¹⁾).

Обращаясь къ подробностямъ войсковаго устройства запорожцевъ, также видимъ черты, существенно отличающія бытъ запорожцевъ, въ эту пору отъ быта позднѣйшаго Низоваго запорожскаго войска, имѣвшаго свой центръ сперва въ Старой Сѣчи надъ Чертомлыкомъ, а затѣмъ въ Новой Сѣчи на Подпольной.

Не входя въ разсмотрѣніе неясной замѣтки Лассоты о рѣшеніи важнаго вопроса о походѣ одновременно въ двухъ „колахъ“ и о возможности жестокой расправы черни съ тѣми изъ начальниковъ, которые не раздѣляютъ желаній войска, мы не можемъ не обратить вниманія прежде всего на то обстоятельство, что основной единицей въ запорожскомъ войскѣ въ данное время мы видимъ не курень, съ куреннымъ атаманомъ во главѣ, а часть войска, состоящую подъ начальствомъ полковника. Если возможно, допуская натяжку, видѣть въ двухъ „колахъ“ аналогію съ позднѣйшимъ совѣтомъ старшинъ и общей войсковою радой, если возможно запорожскихъ полковниковъ съ такой же натяжкой приравнивать къ полковникамъ, существовавшимъ въ позднѣйшее время на Запорожьѣ въ паланкахъ, то невозможно въ позднѣйшемъ устройствѣ За-

¹⁾ Брунъ въ примѣчаніяхъ къ дневнику Лассоты допускаетъ, что этотъ иностранецъ Запорожскую Сѣчь называетъ лагеремъ вслѣдствіе того, что „такъ называли столицу запорожцевъ его нѣмецкіе и польскіе спутники.“ Взявъ, однако, во вниманіе, что Лассота, описывая пребываніе свое на Базавлукѣ, употребляетъ такіа слова, какъ „kocz“ „szegna“ „jasauli“ и вообще имѣлъ обыкновеніе приводить въ своемъ дневникѣ туземныя названія неизвѣстныхъ ему предметовъ, то догадка Бруна въ этомъ случаѣ слѣдуетъ признать неосновательною. Упомянувъ въ дневникѣ о такихъ бытовыхъ предметахъ, какъ кобеняки (kerenikh), любознательный путешественникъ, ожидавшій въ теченіи девяти дней возвращенія изъ похода гетмана Микошинскаго и остававшіяся на Базавлукѣ безъ всякаго дѣла, не могъ бы умолчать о Запорожской Сѣчи, если бы она существовала.

порожской общины найти что-либо, соответствующее отмѣчен- нымъ у Лассоты „*хозяевамъ челновъ*“, мнѣніе которыхъ имѣло важное значеніе при рѣшеніи вопроса о предлагаемомъ Лассо- той походѣ въ Молдавію.—Эта характерная частность быта за- порожцевъ даетъ основаніе заключать, что запорожцы въ кон- цѣ 16 вѣка не имѣли еще законченной организаціи.

Такой же смыслъ имѣютъ и другія бытовые черты, отмѣчен- ныя по дневнику Лассоты. Такъ, кромѣ хозяевъ челновъ, влі- ятельную группу среди запорожцевъ представляли собою охотники. Эта замѣтка Лассоты имѣетъ существенное значеніе для характери- стики запорожскаго быта въ концѣ 16 вѣка. Охотники, какъ из- вѣстно, всегда существовали на Запорожьи. Такъ называемые „*лисичники*“ популярны еще и въ 18 вѣкѣ, когда они пред- ставляли собою заурядную группу въ составѣ сѣчевого товари- ства. Иное значеніе на Запорожьи имѣли охотники въ концѣ 16 вѣка. По свидѣтельству имѣвшаго обстоятельнаго свѣдѣнія о низовьяхъ Днѣпра хроникера Бѣльскаго, на Запорожьи въ 70-хъ годахъ 16 вѣка оставались козаки для промысловъ и набѣ- говъ только съ весны до осени, на зиму же возвращались въ украинные города и поселенія, оставляя за порогами лишь сто- рожу при орудіяхъ¹⁾. Въ главныхъ основаніяхъ такой же бытъ запорожцевъ продолжался, какъ увидимъ виже, и въ концѣ 16 вѣка. Здѣсь же отмѣтимъ, что упоминаемые въ дневникѣ Лассоты козаки—охотники, по существу положенія дѣлъ на Запорожьи, въ ту пору должны были составлять одну изъ най- болѣе авторитетныхъ группъ въ средѣ Запорожцевъ. Охотни- чій промыселъ производился главнымъ образомъ зимою, а по- тому охотники—это козаки, зимовавшіе на Запорожьи, своего рода туземцы въ запорожскихъ вольностяхъ. Перенесеніе все- возможныхъ опасностей въ пустынномъ краѣ въ сосѣдствѣ съ татарами, предпринимаемыми, какъ отмѣчено выше, по 7 на- бѣговъ въ теченіе одной зимы, и выработываемыя такимъ по- ложеніямъ ихъ закаленность и знаніе мѣстности,—все это должно было выдѣлять козаковъ—охотниковъ въ рядахъ осталь-

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 717.

ныхъ запорожцевъ и придавать особую важность ихъ мнѣніямъ при обсужденіи вопросовъ о походахъ.—

Приведенныя выше подробности о связяхъ запорожцевъ съ Украиной въ свою очередь служатъ признакомъ того, что низовое Запорожское козачество въ концѣ 16 в. не представляло еще самостоятельной организаціи, отдѣльной отъ городского Запорожскаго козачества. Въ самомъ дѣлѣ, если во время похода противъ татаръ въ низовомъ запорожскомъ войскѣ было около 3.000 человекъ, а другіе 3.000 могли примкнуть къ нимъ только послѣ объявленія на Украинѣ о молдавскомъ походѣ, то нѣтъ основанія въ Запорожцахъ, бывшихъ въ Базавлукскомъ лагерѣ, видѣть отдѣльное и самостоятельное „Низовое Запорожское войско“.

Здѣсь необходимо точно опредѣлить употребляемые нами термины „городовое“ и „низовое“ запорожское козачество. Городовое запорожское козачество—это легальные, реестровые, (т. е. внесенные въ реестры) казаки, получившіе права свободного сословія при Баторіи послѣ неоднократныхъ мятежей на Украинѣ, поднимаемыхъ казаками большею частью противъ королевскихъ старостъ, пытавшихся подчинить казаковъ своей юрисдикціи. Выдѣленные Баторіемъ 6000 семействъ казаковъ на правахъ свободного военнаго сословія получили оффиціальное названіе „Запорожскаго войска“ въ виду того, что на нихъ возложена была обязанность содержать стражу за Днѣпровскими порогами для пресѣченія частыхъ въ то время татарскихъ набѣговъ въ предѣлы Польскаго государства¹⁾.—Козаковъ, не вошедшихъ въ реестры и поставленныхъ Баторіевою реформою въ положеніе посполитыхъ, польскіе хроникеры обычно называютъ свавольными казаками. Эти казаки, всегда принимавшіе участіе въ мятежахъ и возстаніяхъ на Украинѣ, регулярно уходили на низовья Днѣпра для промысловъ и добычи, почему назывались также „низовцами“. Это—нелегальное низовое Запорожское козачество.

Независимость низоваго Запорожскаго козачества отъ польской Речи Посполитой при такомъ положеніи вещей имѣла въ

¹⁾ Кіевская Старина 1884 г., № 9, стр. 45—49.

значительной степени условный характеръ. Независимымъ отъ Польши Запорожское козачество могло быть только въ пустынномъ краѣ за порогами; возвращаясь же на Украину, непризнанные низовые козаки положеніемъ вещей ставились въ необходимость или подчиняться насильственному режиму польскаго правительства, или открыто возставать противъ соціально-экономическаго строя въ государствѣ. Послѣдующія козацкія возстанія и вызваны были, главнымъ образомъ, такимъ положеніемъ низовыхъ козаковъ; въ этомъ же ихъ положеніи нашли точку опоры всѣ козацкія возстанія безъ исключенія.

Для выясненія положенія низовыхъ козаковъ въ польской Речи Посполитой въ концѣ 16 вѣка, достаточно отмѣтить существенныя черты ближайшаго козацкаго возстанія подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка, разразившагося черезъ годъ послѣ посѣщенія запорожцевъ Лассотою. Возстанію этому дало поводъ запрещеніе польскаго правительства выступать козакамъ въ походъ въ Молдавію наперерѣзъ отправившейся туда татарской ордѣ, чтобы избѣжать войны съ Турціей. Козаки тѣмъ не менѣе предприняли этотъ походъ. Послѣ похода Лобода, предводительствовавшій низовыми и реестровыми козаками, возвратился на Украину, не распустивъ однако здѣсь козацкаго войска, а Наливайко, предводительствовавшій отрядомъ, состоявшимъ изъ крестьянъ, бѣглыхъ слугъ и вообще всякой вольницы, возвратившись изъ Молдавіи въ Брацлавщину, поднялъ возстаніе, такъ какъ находившихся при немъ участниковъ молдавскаго похода ожидало наказаніе, а затѣмъ подневольное положеніе подъ присудомъ старость и державцевъ¹⁾).

Всѣ отмѣченныя черты быта низовыхъ козаковъ въ концѣ 16 вѣка указываютъ, что на Запорожьи въ эту пору не существовало отдѣльное отъ остальнаго козачества и самостоятельное „Низовое войско Запорожское“, какимъ видимъ мы его впоследствии. Въ данное время низовое козачество, правдоподобно, проходило среднюю стадію развитія между моментомъ окончательнаго устройства самостоятельнаго Низоваго войска За-

¹⁾ Антоновичъ, литограф. лекція 1882 г. стр. 36—38.

порожскаго, и моментомъ того примитивнаго войскового устройства, какое находимъ у Бѣльскаго въ описаніи козацкаго похода въ Молдавію подъ предводительствомъ гетмана Свирчовскаго ¹⁾.

Запорожскій лагерь на о-вѣ Базавлукѣ нѣкоторые изслѣдователи Запорожья, какъ напримѣръ Брунъ, а вслѣдъ за нимъ и Эварницкій, неосновательно называютъ Запорожской Сѣчью.

Всѣ подробности обстоятельнаго дневника Лассоты, какъ изложено выше, указываютъ на то, что на островѣ Базавлукѣ находилась обыкновенная стоянка запорожцевъ во время похода противъ татаръ, безъ всякихъ признаковъ какой-либо осѣдлости въ этомъ пунктѣ ²⁾.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію данныхъ, относящихся къ вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ. Въ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи Запорожскаго козачества, Микитинская сѣчь признается установленнымъ историческимъ фактомъ. Костомаровъ, говоря о бѣгствѣ Б. Хмельницкаго на Запорожье въ концѣ 1647 г., пишетъ: „Запорожская сичъ не имѣла еще постоянного мѣстопребыванія, а, какъ военный станъ, переходила съ одного днѣпровскаго острова на другой.

¹⁾ Участники этого похода состояли подъ начальствомъ 7 предводителей, изъ которыхъ Свирчовскій съ Бастаномъ были главными; въ этомъ же походѣ (1574 г.) принимало участіе 200 брацлавлянъ, предводитель которыхъ не названъ. (Кіевская Стар. 1884 г. № 8, стр. 604).

²⁾ Г. Эварницкій въ своемъ трудѣ „Запорожье въ остаткахъ старини и преданій народа“ представляетъ планъ Базавлукской Сѣчи, но странно, что изображенная въ этомъ планѣ мѣстность не представляетъ даже острова, такъ какъ съ восточной стороны примыкаетъ къ полямъ с. Грушевки (стр. 260). Никакихъ источниковъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ дневника Лассоты, г. Эварницкій не указываетъ, говоря о существованіи Базавлукской Сѣчи. Изъ всего дневника Лассоты единственнымъ основаніемъ для такого мнѣнія могло служить лишь слово „сѣчь“, ошибочно употребляемое Бруномъ въ его примѣчаніяхъ въ русскому переводу этого дневника (Эварницкій, Запорожье..., т. I, стр. 257—262, Путевыя зап. Лассоты, стр. 77). Признаками сѣчи въ этомъ мѣстѣ г. Эварницкій считаетъ слѣды амъ „числомъ 21, расположенныхъ совершенно правильно въ одну линію, одна возлѣ другой у восточной окраины острова“ (стр. 258). Представленные въ такомъ видѣ доводы для доказательства существованія Базавлукской Сѣчи, очевидно, этого не доказываютъ.

Въ то время она находилась на Микитиномъ Рогѣ¹⁾. Антоновичъ также признаетъ существованіе сѣчи на Запорожьѣ передъ бѣгствомъ сюда Б. Хмельницкаго, хотя собственно Микитина Рога и не называетъ мѣстомъ Запорожской сѣчи²⁾. Нельзя не замѣтить, однако, что какъ названные, такъ и всѣ другіе изслѣдователи свое мнѣніе о существованіи сѣчи на Микитиномъ Рогѣ основывали на данныхъ, заключающихся въ малорусскихъ лѣтописяхъ и составленныхъ по этимъ лѣтописямъ компиляціяхъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, не только историческія компиляціи, но и наиболѣе достовѣрныя наши лѣтописи, каковы лѣтописи Львовская и Самовидца, не чужды ошибокъ и хронологическихъ неточностей, какъ показываютъ комментаріи въ изданнымъ лѣтописямъ³⁾.

Такую ошибку лѣтописцевъ мы допускаемъ и въ приурочиваніи Запорожской сѣчи къ Микитинѣ Рогу. Допускать эту ошибку позволяютъ намъ слѣдующія соображенія. Лѣтописи наши составлялись значительно позже занимающаго насъ времени, вслѣдствіе чего существованіе сѣчи, возникшей въ позднѣйшее время, могло быть приурочено ко времени болѣе раннему. Такое приурочиваніе тѣмъ возможнѣе, что послѣ 1647 г. послѣдовалъ продолжительный періодъ бурныхъ событій на Украинѣ, при дѣятельномъ участіи въ нихъ низовыхъ козаковъ. Составители козацкихъ хроникъ, появляющихся не ранѣе конца 17 столѣтія, даже неумышленно могли перенести въ болѣе раннюю пору такое выдающееся явленіе, какимъ была въ ихъ время Старая Запорожская сѣчь. Тѣмъ болѣе могли это сдѣлать переписчики и компиляторы лѣтописей, которые по своему усмотрѣнію не только пополняли однѣ лѣтописи не всегда вѣрными свѣдѣніями изъ другихъ, но и вставляли въ повѣствованіе иногда заведомо невѣрныя свѣдѣнія. Таковъ, на примѣръ, фальсифицированный универсалъ Б. Хмельницкаго, въ которомъ

¹⁾ Костомаровъ Б. Хмельн., т. I. стр. 251.

²⁾ Антоновичъ, лекціи 1882 г., стр. 82.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, предисл., стр. 74—76.

приводится якобы грамота Баторія, утверждающая земельныя владѣнія Низоваго Запорожскаго войска ¹⁾.

Характернымъ для занимающаго насъ вопроса является то обстоятельство, что въ лѣтописныхъ замѣткахъ относительно Запорожской Сѣчи мы видимъ непоследовательность и несогласованность свѣдѣній даже одной и той же лѣтописи. Такъ, въ наиболѣе достовѣрной для даннаго времени лѣтописи Самовидца сперва читаемъ, что Хмельницкій отправился *за пороги*, но на Запорожьѣ не могъ оставаться „за для залого, которая на тотъ часъ съ полковниками лядскими посполу з жолнѣрами zostавала“, и ушелъ „на Низъ, ку мору, на поля, къ лиману“, гдѣ къ нему собирались козаки, уходящіе отъ польскихъ полковниковъ ²⁾. Такъ пишетъ Самовидецъ вначалѣ своего повѣствованія о возстаніи Хмельницкаго. Этому свидѣтельству вовсе не соотвѣтствуетъ дальнѣйшій текстъ этой же лѣтописи, именно то мѣсто, гдѣ говорится, что реестровымъ козакамъ, поплывшимъ по Днѣпру противъ Хмельницкаго, было приказано отправиться на Запорожьѣ „до Сѣчи“ зносити (въ одномъ изъ списковъ лѣтописи *зловити*) Хмельницкаго, *албо осадити его зъ войскомъ* ³⁾. Если признать достовѣрнымъ первоначальное свидѣтельство лѣтописи о первыхъ шагахъ Хмельницкаго за порогами, то въ послѣдующемъ изложеніи слово „до Сѣчи“ послѣ слова на Запорожьѣ и слова „албо осадить его з войскомъ“ послѣ „зловити“,—оба эти поясненія въ послѣдующемъ изложеніи слѣдуетъ признать позднѣйшими вставками переписчиковъ.

Не менѣе важнымъ для разъясненія занимающаго насъ вопроса о существованіи Запорожской Сѣчи является текстъ параллельныхъ мѣстъ въ „Собраніи Историческомъ“ Лукомскаго. Въ данномъ случаѣ важно то, что Лукомскій не составлялъ этого труда, а компилировалъ хронику Гвагнина ⁴⁾ и „русскія

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Собраніе историческое, стр. 350. Здѣсь упоминается городъ Чигиринъ, основанный по смерти Баторія, что несомнѣнно указываетъ на фальсификацію названнаго документа.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, стр. 6—7.

³⁾ Лѣт. Самов., стр. 8.

⁴⁾ Хроника Гвагнина во второй своей половинѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ для исторіи запорожскаго вѣзачества, какъ можно

старья вѣрныя лѣтописи“, при чемъ авторъ сопровождаетъ свой трудъ постоянными ссылками на источникъ. Изъ лѣтописнаго труда этого автора мы узнаемъ, что Б. Хмельницкій передъ возстаніемъ ушелъ на днѣпровскіе острова, прежде всего на островъ Бучки (Томаковку), а потомъ прибылъ на Микитинъ Рогъ, гдѣ засталъ 300 запорожскихъ козаковъ¹⁾. „На Запорожьи, въ Сѣчи — говорится далѣе въ „Собраніи“ Лукомскаго—*Хмельницкій ни самъ быть, ни войска собирать не могъ*, потому что тамъ залога людская и нѣмецкая съ своими начальниками межъ запорожцами состояла“...²⁾. Первая наша выписка изъ Лукомскаго вполне согласна съ первой выдержкой изъ лѣтописи Самовидца, не представляя, однако, заимствования, а существенно пополняя лѣтописный рассказъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ упоминаніе объ о—вѣ Бучки (Томаковка) и, что особенно важно для выясненія занимающаго насъ вопроса, встрѣчаемъ упоминаніе о Микитиномъ Рогѣ, какъ обыкновенномъ урочищѣ. Вторая приведенная нами выписка изъ „Собранія Историческаго“, если не допустить здѣсь погрѣшности компилятора или переписчика, находится въ противорѣчій со всѣми какъ лѣтописными, такъ и вообще историческими данными о Запорожьи въ концѣ первой половины 17 вѣка. Здѣсь говорится, что Б. Хмельницкій, бѣжавъ за пороги, въ первое время не появлялся въ Сѣчи, такъ какъ будто бы въ ней находился польскій отрядъ, при чемъ Сѣчь, по смыслу приведенныхъ выдержекъ, находилась гдѣ-то внѣ о—ва Томаковки и Микитина Рога. Это сбивчивое и непонятное мѣсто въ „Собраніи Историческомъ“ станетъ совершенно яснымъ, если допустить произвольную вставку одного слова „въ Сѣчи“ (во второй выдержкѣ, послѣ слова на Запорожьи).

Допускать ошибку нашихъ лѣтописей въ приурочиваніи Сѣчи къ Микитиному Рогу въ концѣ 40-хъ годовъ 17 столѣтія даютъ основаніе документальныя данныя о Запорожьи, относя-

видѣть изъ сопоставленія этой части хроники съ хроникой Бѣльскаго, девизъ которой: „противъ правды нѣтъ разума“.

1) Лѣтопись Самовидца, т. 4, стр. 309.

2) Тамъ-же, стр. 310.

щіяся къ этому времени. Такъ, въ цѣломъ рядѣ документовъ, касающихся пребыванія Б. Хмельницкаго на Запорожьи, говорится о бѣгствѣ его на низовья Днѣпра ¹⁾, о предложеніи ему *выйти изъ Запорожья* ²⁾, о пребываніи его на о—въ Бучкъ ³⁾, о невозможности найти его въ *днѣпровскихъ протокахъ* ⁴⁾, говорится, что Б. Хмельницкій принужденъ былъ спастись жизнь свою въ *днѣпровскихъ пещерахъ* ⁵⁾, что сторонники его собрались на Запорожьи въ *тѣснинахъ днѣпровскихъ* ⁶⁾ и вовсе не упоминается о Запорожской Сѣчи. Всѣ указанные источники представляютъ собою извѣстія современниковъ. Въ такихъ извѣстіяхъ не было бы умолчанія о Запорожской Сѣчи, если бы она существовала ⁷⁾.

Приведенныя предъ этимъ нѣсколько отрывочныя свидѣтельства современниковъ подтверждаются документальными дан-

¹⁾ Памятникъ, изд. временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, т. I, отд. 3, стр. 5.

²⁾ Тамъ-же, стр. 10.

³⁾ Тамъ-же, стр. 18.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 32.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 323.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 50.

⁷⁾ Попытаемся привести къ единству всѣ отмѣченныя выше разрозненныя и въ отдѣльныхъ случаяхъ несогласныя данныя о пребываніи Б. Хмельницкаго на Запорожьи въ концѣ 1647 и въ началѣ 1648 г. Последовательное передвиженіе Б. Хмельницкаго на низовьяхъ Днѣпра представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего Хмельницкій съ соучастниками его бѣгства направился къ уединенному среди плавень Томаковскому о—ву, гдѣ въ то время находился Ливчай съ своими праверженцами. (Будинскій, о Б. Хмельницкомъ, стр. 38). Ливчаевцы, поднимавшіе передъ этимъ мятежъ на Украйнѣ и усиленные реестровыми козаками, въ радахъ которыхъ могъ быть и чигиринскій сотникъ, по всей вѣроятности, недружелюбно отнеслись къ новому бѣглецу, и Б. Хмельницкій съ своими спутниками отправляется „на Низъ, къ морю, на поля, къ лиману и на днѣпровскіе о—ва, объединя въ этихъ мѣстахъ укрававшіяся отъ польскихъ полковниковъ ватаги запорожцевъ. Польскіе полковники изъ коша на Микитиномъ Рогѣ высылали противъ него отряды, но Хмельницкій разбивалъ ихъ, усиливаясь перебѣгавшими реестровыми козаками. Собравшись съ силами, Б. Хмельницкій прибылъ въ Запорожскій кошъ, гдѣ дружелюбно былъ встрѣченъ козаками. Открывъ свой замыселъ только козачкой старшинѣ и не предпринимая рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ польскому отряду, стоявшему гдѣ-то, въ окрестности „залогой“, Б. Хмельницкій направляется въ Крымъ искать союза у татаръ, а затѣмъ, возвратившись на Запорожье, жереблаетъ польскій отрядъ и этимъ начинается возстаніе.

ными о развитіи Запорожскаго козачества прежде всего въ первой четверти 17 вѣка.

Цѣннымъ источникомъ для исторіи Запорожья въ эту пору являются „Pisma“ Станислава Жолкевскаго, который въ 1596 г. рѣшилъ исходъ козацкаго возстанія подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка, а затѣмъ имѣлъ близкое отношеніе къ козакамъ по должности короннаго гетмана въ 1620 г. Въ этомъ сборникѣ „Писемъ“ заключается официальная переписка Жолкевскаго съ королемъ, инструкціи комиссарамъ, переговаривавшимся съ козаками, его отчеты сейму и т. д. Здѣсь находимъ цѣлый рядъ достовѣрныхъ свѣдѣній о современныхъ событіяхъ на Запорожьи. Таковы свѣдѣнія о двухъ морскихъ походахъ козаковъ и о погромѣ турецкой флотилии у Очакова въ 1613 г., о козацкомъ походѣ въ Молдавію и о шкодахъ, причиненныхъ козаками на пути въ Брацлавскомъ воеводствѣ въ 1614 г., о большомъ морскомъ козацкомъ походѣ 1615 г., въ которомъ козаки выступили 80-ью челнами, грабили окрестности Константинополя и разгромили турецкій флотъ у устья Дуная; сообщается здѣсь также о пораженіи въ днѣпровскомъ лиманѣ Алипаша, пытавшагося по Днѣпру проникнуть на Запорожье въ 1616 г., и о большомъ морскомъ походѣ, предпринятомъ козаками въ этомъ же году къ Трапезунту, при чемъ изъ похода козаки возвращались на Днѣпръ черезъ Азовское море, Міусъ и Волчью рѣку въ виду того, что Ибрагимъ-паша заступилъ имъ дорогу ¹⁾.

Всѣ эти данныя, однако, не говорятъ о прочномъ устройствѣ Запорожцевъ на низовьяхъ Днѣпра. Вслѣдъ за отмѣченными свѣдѣніями о морскихъ козацкихъ походахъ мы имѣемъ извѣстія, опредѣленно устанавливающія прежнюю тѣсную связь низоваго козачества съ городовымъ козачествомъ на Украинѣ. Такой смыслъ имѣетъ извѣстіе о томъ, что Ибрагимъ-паша, отправившись въ 1616 г. на Запорожье, разрушилъ козацкія жилища, взялъ здѣсь двѣ пушки и нѣсколько челновъ, оберегаемыхъ нѣсколькими сотнями запорожцевъ, такъ какъ осталь-

¹⁾ Pisma Żółkiewskiego, стр. 301—303. Отмѣчены нами не всѣ морскіе походы, предпринятые козаками въ эту пору.

ные козаки находились въ это время въ городской Украинѣ („на wlosciach“) ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1617 г. запорожцы опустошили панскія владѣнія на Украинѣ и, уйдя на низъ, отказались прислать своихъ представителей для выслушанія условій мирнаго договора, заключеннаго предъ этимъ Речью Посполитою съ Турціею. Извѣщая объ этомъ, Жолкевскій сообщаетъ также о томъ, что на Запорожьи собралось столько „гультайства“, что трудно даже приискать слугу (на Украинѣ),—такъ всѣ быстро стекаются до ихъ „sentyny“ (лат. sentina==сбрѣдь, сволочь) ²⁾; заключаетъ это свое письмо коронный гетманъ мнѣніемъ, о необходимости строгаго запрещенія провозить на „Низъ“ живность и другіе потребные предметы. Не менѣе опредѣленную характеристику быта Запорожскаго козачества въ данную пору видимъ въ другомъ письмѣ Жолкевскаго, въ которомъ онъ предлагаетъ упорядочить козаковъ какъ на „влостяхъ“, та и на „Низу“, гдѣ козаки „незвычайными громадами своими шкоды и кривды подданнымъ нашимъ чынять и покой посполитый зъ сусидами руйнують“. „Тѣ козаки,—продолжаетъ Жолкевскій, которые мешкають на „влостяхъ“, должны повиноваться старостамъ и державцамъ, а также и панамъ своимъ, „не удаваясь ни-до-якихъ купъ и громадъ“, а тѣ, которые будутъ на „Низу“, должны оставаться въ положенномъ числѣ въ надлежащемъ порядкѣ, съ старшиною отъ насъ назначенною“ ³⁾. Существеннымъ дополненіемъ къ этимъ даннымъ о Запорожьи является рѣчь Жолкевскаго на сеймикѣ передъ сеймомъ 1615 г. „Низовые козаки—говорилъ Жолкевскій—опановали кievскую Увраину и особенно поднѣпровскій край, собравшись въ немалыя войска .., опустошая панскія владѣнія на Украинѣ и набѣжая на владѣнія турецкаго султана и крымскаго хана“ ⁴⁾.

Такой же смыслъ имѣють подробности, заключающіяся въ двухъ письмахъ Запорожскихъ козаковъ въ Жолкевскому, при переговорахъ, касающихся устройства козаковъ на „влостяхъ“ и

¹⁾ Piśma Żłkiewskiego, стр. 309.

²⁾ Тамъ-же, стр. 284—286.

³⁾ Тамъ-же, стр. 326—327.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 507—508.

на „Низу“. Въ отмѣчаемой перепискѣ наиболѣе характерно то, что въ 1617 г. запорожскіе козаки, обязываясь исключить изъ своего войска ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, рѣзниковъ, портныхъ, kafalikow (?) balakieziow (?) и всѣхъ другихъ, примкнувшихъ къ козакамъ въ послѣдніе 2 года, согласились на всѣ требованія комисаровъ, даже на требованіе принять „старшого“ „изъ руки короля и короннаго гетмана“, хотя и оговаривались, что этотъ старшій долженъ быть выбранъ изъ ихъ же войска, ими самими, а не кѣмъ-либо инымъ; согласившись на всѣ требованія комисаровъ, козаки говорили для себя право обратиться къ королю и сейму съ просьбой объ увеличеніи какъ размѣровъ жалованья, такъ и числа запорожскаго войска „для охраненія тѣхъ мѣстъ“¹⁾. Нѣсколько иное положеніе занимаетъ запорожское козачество въ 1619 г. послѣ своего успѣшнаго похода въ московское государство на выручку королевича Владислава. Теперь козаки, какъ и прежде, повторяютъ свои обязательства передъ Речью Посполитою, но самостоятельность Сагайдачнаго на этотъ разъ сказывается въ весьма существенной оговоркѣ, именно, что войско запорожское не можетъ дать свѣдѣній о своей численности; при этомъ Сагайдачный ссылается на то, что медленную процедуру „выписки“ необходимо производить въ городкахъ на Украинѣ²⁾.

Если принять во вниманіе послѣдующую дѣятельность Сагайдачнаго, то покорность его при переговорахъ съ польскими комиссарами приходится объяснять обдуманнѣмъ дипломатическимъ приѣмомъ. Одна указанная оговорка давала возможность Сагайдачному удержатъ всѣ козацкія права и вольности. Дѣлая такую оговорку, Сагайдачный стремился утвердиться на Украинѣ. „Управленіе Украиною—говорить на основаніи документальныхъ данныхъ В. Б. Антоновичъ—было (затѣмъ) вполнѣ въ рукахъ Сагайдачнаго. Теперь онъ даетъ болѣе широкое устройство козакамъ, раздѣляетъ ихъ на полки и присоединяетъ къ полкамъ такія области, гдѣ уже давно не было козаковъ, каковы напр.: Сѣверская область, Кіевская и другія“³⁾.

¹⁾ Piśma Żółkiewskiego, стр. 318—322.

²⁾ Piśma Żółkiewskiego, стр. 334—338.

³⁾ Антоновичъ, Лекціи 1882 г. стр. 46.

Хотя при такомъ положеніи запорожскаго козачества еще не возникла Сѣчь, какъ центръ отдѣльнаго „Низоваго запорожскаго войска“, но упоминаніе о сѣчовцахъ (sieczowcy) встрѣчаемъ въ письмахъ Жолкевскаго. Примѣнилъ такое названіе Жолкевскій для обозначенія группы низовыхъ козаковъ, прибывшихъ за порогами и находившихся въ разрывѣ съ правительствомъ. Въ одномъ изъ писемъ коронный гетманъ извѣщаетъ ротмистровъ и поручиковъ кварцяннаго войска о томъ, что „свавольные“ козаки, находившіеся на „влостяхъ“, отнеслись враждебно къ нѣсколькимъ ротамъ, прибывшимъ сюда „на становище“, указанное короннымъ гетманомъ. „На дняхъ—сообщаетъ онъ далѣе—долженъ получитья отвѣтъ съ Низу, какъ намѣрены поступать sieczowcy, подчинятся-ли они постановленіямъ назначенныхъ королемъ комиссаровъ, или будутъ сопротивляться“¹⁾. „Сѣчовцы“, по смыслу приведенной выдержки,—возставшіе козаки, ушедшіе на Запорожье и не желающіе возвращаться оттуда на Украину²⁾.

Не могла возникнуть Сѣчь на Запорожьи и въ послѣдующій періодъ козацкихъ возстаній подъ предводительствомъ Жмайла, Тараса Трясилы, Павлюка и Острицы, вызванныхъ репрессивными мѣрами польскаго правительства, которое и въ городской Украинѣ, и на Низу пыталось ограничить запорожское козачество въ смыслѣ отмѣченныхъ выше предложеній Жолкевскаго. Что Запорожская Сѣчь не возникала въ ту пору, можно заключать уже изъ того обстоятельства, что въ 10-лѣтіе передъ возстаніемъ Б. Хмельницкаго на Запорожьи окончательно утвердилась власть польскаго правительства: здѣсь, кромѣ реестровыхъ козаковъ, находилась „залога“ польскихъ жолнѣ-

¹⁾ Pisma Żółkiewskiego, стр. 421—422.

²⁾ Названіе „sieczowcy“ не является, по нашему мнѣнію, свидѣтельствомъ о Запорожской Сѣчи. Мы не беремъ выяснитъ подлинный смыслъ этого слова, но все же не рѣшаемся понимать его въ значеніи „сѣчевниковъ“, обитателей укрѣпленнаго пункта, Сѣчи, и вотъ почему. Названное письмо Жолкевскаго относится къ 1614 году, между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, Ибрагимъ-паша въ 1616 г. не нашелъ здѣсь никакого укрѣпленія; онъ здѣсь „звезъ домки, взялъ пару пушекъ и нѣсколько челновъ“. Бывшіе въ ту пору „на островѣ“ нѣсколько сотъ запорожцевъ, не имѣли возможности противостать турецкой силѣ, скрылись. (Pisma Żółkiewskiego, стр. 309).

ровъ, при чемъ время отъ времени посылались сюда польскія войска, которыя и разсѣвали козацкія скопища. Если бы передъ этимъ временемъ существовала Сѣчь, то о разрушеніи ея были бы хоть какія-нибудь упоминанія въ записяхъ современниковъ. Между тѣмъ въ первоисточникахъ по исторіи Запорожья нѣтъ и намека на такое упоминаніе.

Для выясненія занимающаго насъ вопроса о существованіи Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ по даннымъ остатковъ старины въ этой мѣстности, мы располагаемъ совсѣмъ скуднымъ матеріаломъ. Та часть Микитина Рога, на которой, по свидѣтельству мѣстныхъ старожилонъ, были древнѣйшіе слѣды пребыванія запорожцевъ, обвалилась въ днѣпровскій протокъ, многоводную рѣчку Орлову, образовавшуюся уже въ настоящемъ столѣтіи. Слѣды земляного окопа, окруженнаго валомъ и рвомъ, находящіеся неподалеку отъ Микитина Рога, въ сторонѣ отъ Днѣпра въ чертѣ нынѣшняго Никольскаго кладбища, по самому положенію своему, устраняють сближеніе ихъ съ Запорожской Сѣчью ¹⁾.

Въ большей степени высказанное нами мнѣніе о несуществованіи Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ подтверждають топографическія особенности этой мѣстности. Микитинъ Рогъ представляетъ довольно возвышенную мѣстность, господствующую надъ окрестностью на значительномъ разстояніи со стороны Днѣпра. Такая мѣстность, вполне пригодная для сторожевого пункта, по естественнымъ условіямъ высокаго полуострова, примыкающаго къ возвышенной правобережной степи, совсѣмъ не пригодна для пункта защиты и отступленія на случай необходи-

¹⁾ По измѣренію Карелина валы окопа тянутся на протяженіи 750 саж. въ длину и 500 саж. въ ширину. (Записки Одесскаго общ. истор. и древн. т. VI). Возможно, что къ этому окопу относится замѣтка Мышенкаго о сооруженіи россиянами ретраншамета, въ которомъ стоялъ козацкій обозъ во время крымскаго похода въ 1687 г. (Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 69). По мѣстному преданію, отмѣченному Карелинымъ (VI т. Записокъ Одесскаго общ. исторіи и древн.) въ этомъ окопѣ помѣщался польскій отрядъ, посланный на Запорожье передъ 1649 года и стоявшій здѣсь залогомъ. Такое преданіе относится къ Томаковскому о—ву. Въ этомъ случаѣ возможно и соревнованіе жителей мѣстными преданіями, и дѣйствительное передвиженіе польской залогомъ съ одного мѣста на другое.

мости. Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ наименьшую ширину на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ его теченія, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что это мѣсто приспособлено было сперва для сторожевого пункта, гдѣ запорожцы препятствовали татарамъ переправляться на „русскую сторону“ Днѣпра, а затѣмъ становится извѣстно, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ перевозовъ черезъ Днѣпръ съ оффиціальнымъ названіемъ „Микитинскаго“, еще со времени Андрусовскаго договора. Такой укрѣпленный пунктъ, какимъ мы знаемъ Запорожскую Сѣчь, какимъ она и по существу вещей должна была явиться у запорожцевъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, Великому лугу въ связи съ днѣпровскими порогами,—такой укрѣпленный пунктъ не могъ имѣть мѣста на Микитиномъ Рогѣ тѣмъ болѣе, что и со стороны степи мѣстность эта не пригодна для обороны, такъ какъ къ Микитиному Рогу съ юго-восточной стороны примыкаетъ покатая къ Днѣпру еще болѣе значительная возвышенность,—именно та, на которой находятся слѣды отмѣченнаго выше окопа на мѣстѣ нынѣшняго Никопольскаго кладбища.

Въ самомъ дѣлѣ, если для несомнѣнныхъ мѣстъ запорожскихъ сѣчей—Старой Сѣчи надъ Чертомлыкомъ и Новой надъ Подпольной—выбраны были укромные уголки надъ Великимъ Лугомъ, въ мѣстахъ средоточія днѣпровскихъ протоковъ, какъ можно видѣть на прилагаемой картѣ, то такими же природными свойствами должны отличаться и другіе пункты, къ которымъ приурочиваются запорожскіи укрѣпленные мѣста, рассчитанныя на долговременное пребываніе въ нихъ Низоваго запорожскаго войска. Запорожскому войску со второй половины 17 вѣка, какъ извѣстно, неоднократно приходилось выступать изъ Сѣчи и укрываться въ извилинахъ и заросляхъ Великаго Луга¹⁾. Обеспеченіе возможности такого отступленія до второй половины 17 вѣка было бы еще болѣе необходимо, если бы существовалъ въ эту пору укрѣпленный пунктъ на Запорожьи. Та-

¹⁾ Такой случай, кромѣ 1708 и 1775 гг. относится къ 1679 г. Лѣтопись Самовидца, стр. 148.

вой пунктъ не остался бы безвѣстнымъ при неоднократныхъ попыткахъ не только со стороны турокъ и татаръ, но и со стороны польскаго правительства „уугосіс“ Запорожье, т. е. пресѣчь низовымъ козакамъ возможность держаться на низовьяхъ Днѣпра. Между тѣмъ, въ свидѣтельствахъ современниковъ, а равно и въ многочисленныхъ документахъ, относящихся къ Запорожью до второй половины 17 вѣка, нѣтъ указаній ни на осаду запорожцевъ въ какомъ либо укрѣпленіи на низовьяхъ Днѣпра, ни на отступление козацкаго войска изъ укрѣпленія въ Великій лугъ, недоступный для непріятели, какъ показали это атакованіе „Старой“ и руйнованье „Новой“ Сѣчи.

Такимъ образомъ, обследованіе всѣхъ доступныхъ для насъ данныхъ, какъ историческихъ, такъ и заключающихся въ топографическихъ особенностяхъ мѣстности, приводитъ къ заключенію, что Запорожской Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ не существовало.

Мы подошли къ выясненію основнаго вопроса въ исторіи развитія Запорожскаго козачества,—къ выясненію вопроса о различіи между понятіями „запорожскій кошъ“ и „запорожская сѣчь“. Къ сожалѣнію, историческая литература не даетъ пока достаточно матеріаловъ для разрѣшенія этого вопроса. Въ капитальныхъ трудахъ по исторіи Запорожскаго козачества, каковы труды Максимовича, Костомарова, Антоновича и, отчасти, Кулиша, не затрогивается этотъ вопросъ. Ставился онъ во второстепенныхъ трудахъ по исторіи Запорожскаго козачества. Такъ, Ригельманъ въ своемъ Лѣтописномъ повѣствованіи опредѣляетъ кошъ, какъ сборное мѣсто, названіе же сѣчи приурочиваетъ къ войсковому управленію. Мышецкій, насчитывающій 10 мѣстечекъ, очевидно, не различалъ занимающихъ насъ понятій, озаглавивъ, напр., вторую главу своей исторіи слѣдующимъ образомъ: „О прежнемъ житіи козаковъ запорожскихъ, гдѣ оныя свои главныя жилища, а по ихъ званію сѣчи, имѣли“¹⁾.

¹⁾ Мышецкій, Исторія о козакахъ запор., стр. 9.

Скальковский, авторъ „Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго“, не достаточно различаетъ понятія „сѣчь“ и „кошъ“, говоря, что „слово *Кошъ* означало у Запорожцевъ и просто Сѣчь, или столицу, и въ переносномъ смыслѣ—общину (commune) Запорожскую ¹⁾. Изъ позднѣйшихъ авторовъ по исторіи запорожья, Эварницкій не выясняетъ различія между занимающими насъ понятіями, ограничившись опредѣленіемъ ближайшаго значенія слова „кошъ“ ²⁾. Названный авторъ, выполнившій обширную работу, посвященную исторіи запорожскихъ сѣчей, судя по характеру выполнения работы, стоитъ въ отношеніи занимающаго насъ вопроса на точкѣ зрѣнія Скальковскаго ³⁾. Самостоятельное мнѣніе по данному вопросу высказалъ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей Никопольскій священникъ Карелинъ, любитель и знатокъ запорожскихъ древностей. По мнѣнію Карелина, основанному на живомъ изустномъ употребленіи словъ, слово „сѣчь“ обозначаетъ козацкое войско, въ отличіе отъ слова „кошъ“, выражающаго понятіе о мѣстѣ, занятомъ этимъ войскомъ. Въ такомъ смыслѣ—говоритъ Карелинъ—понимали Запорожцы слово „сѣчь“, когда говорили „сичове войско, „сичове товариство“ „сичовый скарбъ“, а никогда не употребляли выраженій „кошове вѣйсько“, „кошове товариство“, „кошовый скарбъ“. Сѣчь, по мнѣнію Карелина, „центръ военныхъ силъ Запорожья, храброе товариство, боевой корпусъ, а кошъ—закрытая осѣдлость, укрѣпленный лагерь За-

¹⁾ Скальковский. Исторія Новой Сѣчи, 1841 г., стр. 19. Въ ближайшемъ смыслѣ Кошъ—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Скальковский—означаетъ столицу Запорожья, т. е. Сѣчь, или городъ, укрѣпленный извнѣ валомъ, палисадами и башнями, окруженный ровомъ и глубокою рѣчкою.... Въ Кошѣ было главное пребываніе войска: ибо здѣсь находились *курени*, т. е. обширныя казармы, служившія обиталищемъ для козаковъ сѣчевыхъ, или собственно товариства. Въ Кошѣ было сѣдалище властей (старшины) кошевого атамана, судьи, обознаго, осаула, писаря и другихъ старшинъ, также куренныхъ атамановъ, войсковою канцеляріи, арматы (т. е. артилеріи) и наконецъ пребываніе сѣчевого настоятеля, или архимандрита, главы запорожскихъ церквей и духовенства.... Наконецъ, Кошъ былъ и важнѣйшая войсковая крѣпость.

²⁾ „Кхошъ“—по-татарски—корзина, кибитка, шалашъ; вообще всякое помѣщеніе, легко переносимое. Эварницкій, Запорожье въ ост. стар., т. 1, стр. 261.

³⁾ Эварницкій, Предисловіе къ „Запорожью въ остаткахъ старини“.

порожскаго войска, его резиденція, гдѣ сосредоточивались всѣ распоряженія..... въ лицѣ кошевого атамана, сего правителя республиканской общины“¹⁾).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ по вопросу о различіи между понятіями „запорожскій кошъ“ и „запорожская сѣчь“ высказаны два взгляда. По взгляду Ригельмана и Карелина, „кошъ“ выражаетъ понятіе мѣста, тогда какъ „сѣчь“, по мнѣнію Ригельмана, относится къ войсковому управленію, а по мнѣнію Карелина, прямо къ войску. Скальковскій, являющійся выразителемъ другого взгляда, не находя различія между этими понятіями, склоняется, однако, придавать переносное значеніе слову „кошъ“, понимаемому имъ въ смыслѣ общины. Всѣ эти мнѣнія, высказанныя безъ объективныхъ основаній, мало разъясняютъ занимающій насъ вопросъ.

Попытаемся взять за такое основаніе прежде всего этимологию словъ „кошъ“ и „сѣчь“. „Кошъ“, какъ достаточно выяснено названными изслѣдователями Запорожья, по-татарски значить корзина, шалашъ, а затѣмъ, сборный пунктъ и общество людей, объединенныхъ общими интересами. Прослѣживая употребленіе этого слова въ документахъ, мы видимъ полное подтвержденіе такого его смысла. Такъ, въ договорныхъ статьяхъ, относящихся къ присоединенію Малороссіи къ Россіи, читаемъ: „За порогами люди малые коша берегутъ, понеже вельзя его самого безъ людей оставити“²⁾. Точно также въ исторіи Новой Сѣчи Скальковского въ подлинныхъ выдержкахъ изъ Запорожскаго архива неоднократно встрѣчаемъ донесенія полковниковъ въ Сѣчь во время походовъ „Зъ коша надъ Чичиклею“, „зъ коша надъ Ингульцемъ“ и т. д.³⁾ При сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ просьбы запорожцевъ представлялись отъ имени Коша, какъ это можно видѣть въ той же исторіи Новой Сѣчи⁴⁾.

¹⁾ Записки Одесскаго общ. исторіи и древностей, т. VI, стр. 528.

²⁾ Бантышъ Каменскій, Исторія Малой Россіи, т. 1, приложенія стр. 124.

³⁾ Исторія Новой Сѣчи.....

⁴⁾ Тамъ же, стр. 240.

Болѣ затруднительнымъ представляется толкованіе слова „сѣчь“. Слово это, какъ понятіе, могло значительно видоизмѣнить свой смыслъ въ теченіе многовѣковой жизни южнорусскаго народа на различныхъ ступеняхъ его культуры. Первоначально слово это выражало, по всей вѣроятности, понятіе, близкое къ понятію о засѣкѣ, во всякомъ случаѣ, слово это первоначально могло выражать только понятіе о мѣстѣ. Мы не знаемъ, какіе оттѣнки получало слово „сѣчь“ по мѣрѣ измѣненія народнаго быта и козацкаго въ частности. Достоверно извѣстно только, что въ началѣ второй половины 17 вѣка слово „сѣчь“ примѣняется къ укрѣпленному пункту Запорожскаго козачества, какъ имя собственное. Историческіе акты впервые упоминаютъ только о Сѣчи надъ Чертомлыкомъ въ 1661 году ¹⁾.

Л. Падалка.

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи, т. V, № 31, стр. 57.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Разставшись съ Ющенкомъ, я оставилъ за собой одну комнату, которая служила мнѣ и кабинетомъ, и спальней, и гостиной.. Сослуживцы мои, замѣтивъ неблаговоленіе ко мнѣ начальства, въ угоду ему, совершенно меня оставили. Не смотря на то, что, кромѣ уроковъ, я находилъ дома довольно работы, составляя записки по теоріи и исторіи словесности, исправляя массу ученическихъ сочиненій, читая журналы и по временамъ занимаясь стихотворствомъ,—за всѣмъ тѣмъ одиночество и отчужденность подчасъ меня сильно тяготили. Особенно были для меня невыносимы эти безконечные осенніе вечера: одурь, бывало, возьметъ отъ тоски. А тутъ за стѣной моя хозяйка, желая, какъ надо полагать, усладить мое одиночество, начинала на разбитомъ роялѣ брэнчать „хлопскія пѣснечки“, которыя какъ она хвалилась, ей очень нравились. Впродолженіе какого нибудь часа репертуаръ ея истощался, и она начинала опять „зъ почонтку“. Дребезжащіе звуки ея инструмента, напоминавшіе мнѣ отвратительную шарманку Крестьянскаго переулка, вполнѣ гармонировала съ шлепаньемъ дождя и скрипомъ вѣчно отворенной калитки.

Въ томъ же домѣ, черезъ сѣни, жилъ *bardzo pobożny staguszek*—панъ Бродзевскій, вѣчно бормотавшій молитвы съ пяти часовъ утра до 10 вечера. Читалъ онъ постоянно одну и ту же ксѣнжеу до *pobożeństwa*, зналъ въ мѣстечкѣ одну лишь улицу, ведущую до костела, куда онъ спѣшилъ иногда, при первомъ

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 3.

ударъ колокола, просто въ халатѣ или въ шубѣ, надѣтой на выворотъ, не взирая ни на какую погоду. Придя въ костѣль, распростирался крзу́жемъ, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ и ожидая смертнаго часа. Съ такимъ сосѣдомъ больно не разговоришься.

Въ одинъ изъ ненастныхъ вечеровъ въ комнату мою неожиданно-негаданно ввалился Барилко: въ гости значитъ пожаловалъ. Ну, что жъ, я не прочь былъ, при тогдашнемъ моемъ настроеніи, сблизиться не только съ Барилкой, но хоть съ самимъ чортомъ, еслибъ онъ ко мнѣ явился, подобно мефистофелю, изъ топившейся тогда у меня печки. Слово по слову языкъ у меня развязался, и я пустился на откровенность, хоть и зналъ, что откровенничать съ моими сослуживцами несовсѣмъ безопасно. Но у меня такъ много накопилось горечи въ душѣ, что я чувствовалъ сильнѣйшую потребность облегчить себя неудержимымъ словоизверженіемъ. Гость премило хихикалъ и поддакивалъ. Съ этого самаго вечера между нами началось сближеніе: то я къ нему, то онъ ко мнѣ.

Собесѣдникъ мой, имѣя два уха и одинъ ротъ, поступалъ совершенно по законамъ природы: больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, предоставляя мнѣ, въ противность свойству человѣческому, болтать безъ умолку. Но у кого сердце переполнено, у того скоро развязывается языкъ, и потому всѣ сокровенныя помысленія мои, „поэзію и правду“ моей жизни я исповѣдалъ первому встрѣчному проходимцу:

Такъ люди, первый каюсь я.

Отъ дѣлать нечего друзья.

И зачѣмъ онъ навязался мнѣ съ своею дружбой? Общаго между нами ровно ничего не было. Интересовавшіе меня литературные и отчасти политическіе вопросы не занимали его вовсе, книги читалъ онъ подобно гоголевскому Петрушигѣ, ограничивался лишь однимъ процессомъ чтенія. Разъ увидѣлъ у меня книжку „Отечественныхъ Записокъ“—дайте-ка, говорить, почтять на сонъ грядущій.

— Да вѣдь въ этомъ номерѣ все или продолженіе или окончаніе статей, вамъ нужно взять въ бібліотекѣ предыдущіе номера.

— Тѣмъ лучше, отвѣчаетъ Барилко: я именно люблю читать повѣсти и романы не сначала, а съ конца.

— Какъ такъ? удивился я.

— Да такъ, говорить, занимательнѣе выходить: читая послѣднія главы, я люблю догадываться, что было въ первыхъ, и почти всегда угадываю.

Замѣтивъ, что раскусивши его, я началъ по немногу остывать отъ первоначальнаго жару, Барилко втянулъ меня въ игру въ преферансъ en deux, не приглашая никого третьяго,—такъ мы бывало и провозимся съ нимъ, играя по десятой, до полуночи.

Съ весной начались отдаленныя прогулки, охота съ ружьемъ и то же переливаніе изъ порожняго въ пустое. Въ одинъ прекрасный майскій вечеръ мы отправились въ монастырскую рощу слушать соловьевъ. На подорогѣ между нами произошелъ такой разговоръ:

— Кстати, М. К., помните нашъ вчерашній споръ, относительно церковнаго пѣнія?

— Да, помню. А что, вы желаете возобновить его сегодня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, какъ то странно оттопыривъ свои мясистыя губы: я больше съ вами объ этомъ предметѣ спорить не намѣренъ: высказанное мною вчера подтвердилъ и Егоръ Яковлевичъ.

— А ему зачѣмъ знать, о чемъ мы съ вами бесѣдуемъ? спросилъ я, остановившись.

— У меня, отвѣчалъ съ важностію Барилко: съ уважаемымъ начальникомъ моимъ нѣтъ никакихъ секретовъ.

— Аа, такъ вотъ оно что!—почти пропѣлъ я, почулавъ потылицю: Ахъ, я филинъ простота! Ну, да и поддѣли жъ вы меня знатно, Александръ Герасимычъ. Такъ коли у васъ съ директоромъ нѣтъ секретовъ—то и цѣлуйтесь съ нимъ на здоровье! Прощайте! спасибо за науку!

Окончивъ такимъ манеромъ объясненіе свое съ Іудой предателемъ, я повернулъ назадъ къ мѣстечку, предоставивъ своему спутнику одному наслаждаться соловьиными трелями.

Идучи домой и сообразивъ всё обстоятельства, при которыхъ завязалось наше сближеніе, я понялъ все. Ясно—это машинація нашего Родэна. Извѣстно, что о. о. іезуиты всю систему воспитанія своихъ учениковъ построили на психологически вѣрномъ соображеніи, что ничто не подчиняетъ такъ безусловно юношу, какъ сознаніе, что воспитатели знаютъ все его прошлое, всё его поступки, сокровенныя влеченія и насквозь видятъ всё его помыслы и слабости. Обычный приѣмъ, употребляемый нашимъ директоромъ, имѣетъ много сходнаго съ іезуитизмомъ: какъ только поступить къ нему на службу новый человекъ, первую задачей онъ считаетъ—изучить его характеръ, отыскать въ немъ слабую струнку, уязвимое мѣсто, какое, какъ извѣстно, нашлось и у безсмертнаго Ахиллеса, и дѣйствовать на него орудиемъ насмѣшки. Такъ какъ я, послѣ перваго съ нимъ столкновенія, какъ улитка, заключился въ своей скорлупѣ и тѣмъ самымъ лишилъ его возможности узнать мою слабую сторону, уязвимое мѣсто, то онъ довѣрилъ сіе своему наперснику, который въ точности выполнилъ его порученіе и сообщилъ ему достовѣрныя свѣдѣнія о моей личности. А прибавивъ ко всему тому, что сообщено ему Барилкой, вычитанное имъ изъ моихъ писемъ¹⁾, директоръ зналъ меня какъ самого себя.

„Аа! онъ либераль, идеалистъ, стихи пишетъ... погоди-жь, я тебя допеку!.. порѣшилъ онъ въ умѣ своемъ и систематически сталъ меня преслѣдовать, наигрывая все на одной и той же чувствительной стрункѣ...

У пани Полавской я прожилъ съ небольшимъ годъ. Уволивши изъ гимназіи сына, по милости Вовы, который сталъ вымещать на немъ, свою ссору съ матерью, она не нашла надобности далѣе оставаться въ Немировѣ и выѣхала къ мужу въ деревню. Квартиру предложилъ мнѣ у себя учитель латинскаго языка *de jure* и преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ высшихъ классахъ *de facto*—*Людвигъ Осиповичъ Грудзинскій*. Замѣчательный лингвистъ, искусный виртуозъ на

¹⁾ Дозвано, что почтмейстеръ передавалъ Зимовскому для прочтенія письма служащихъ подъ его начальствомъ чиновниковъ.

скрипкѣ и далеко недюжинный поэтъ. По окончаніи Харьковскаго университета, онъ, по желанію своего отца, избралъ учительское поприще, не чувствуя къ нему ни малѣйшаго призванія. Обладая рѣдкимъ знаніемъ языковъ, Л. О. вовсе былъ лишенъ способности передать свои знанія другимъ. Безвыходно витая въ мірѣ звуковъ, доканчивая иногда въ классѣ, во время спрашиванія урока, начатый дома сонетъ этотъ педагогъ *malgré lui*, до того былъ сосредоточенъ, что ученики, подмѣтивъ это, отвѣчали ему вмѣсто урока *Pater noster* или произносили смѣхотворные стихи, а учитель только похваливалъ да ставилъ баллы. Вставалъ мой хозяинъ лѣтомъ часа въ четыре и пилилъ на скрипкѣ до 8 часовъ. Заслышавъ призывной звонокъ, онъ бросалъ скрипку и бѣжалъ на службу, оставивъ нетронутымъ поставленный передъ нимъ стаканъ чаю. Промучившись на урокахъ до обѣда, онъ бѣжалъ домой, опять брался за свою скрипку и пилилъ до вечера. Зимовской подобныхъ субъектовъ терпѣть не могъ.

По своимъ вкусамъ и наклонностямъ, Грудзинскій болѣе всѣхъ моихъ сослуживцевъ приходился мнѣ по душѣ, и если бы не супруга его, до мозга костей пропитанная полонизмомъ, мнѣ было бы у нихъ очень не дурно. У пани Грудзинской вѣчно толклись разныя личности. Ея гостинная, конечно, въ самой крошечной мینیатюрѣ, представляла нѣкоторое подобіе парижскихъ салоновъ времени Людовика XV. У нея можно было встрѣтить и заѣзжаго артиста съ лошадиной гривой, и непризнаннаго поэта съ звѣриными ногтями, и даже заграничныхъ эмиссаровъ. Всѣ эти *esprits forts* преисправно ѣли, пили и вращали, не зная никакого удержа. На пріемы гостей уходили всѣ доходы мужа, который, помимо жалованья, получалъ порядочныя деньги съ пансіонеровъ, на которыхъ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Зимовской неутомимо преслѣдовалъ Людвигъ Осиповича за его эксцентричность, за патріотическія тенденціи его супруги, а больше всего за скрипку.

— Ну, какую пользу приноситъ вамъ ваша скрипка? обращался онъ не разъ къ нему: если бы всѣ проходящіе

мимо вашей квартиры бросали вамъ въ окно хоть по грошу, то изъ вашей игры былъ бы какой нибудь прокъ, а то пилить-пилить, и все на вѣтеръ—эхъ, вы! терпѣть не могу!

Въ 1849 г., воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ—введеніемъ въ гимназіяхъ законовѣдѣнія, вслѣдствіе котораго одного изъ учителей Латинскаго языка нужно было похѣрить, Грузинскій оставленъ за штатомъ. Проживъ 10 л. въ деревнѣ у богатаго помѣщика въ качествѣ гувернера и заработавъ порядочныя деньги, онъ снова поступилъ на службу и съ грѣхомъ пополамъ выслужилъ пенсію въ Полтавской гимназіи, купилъ въ Кіевѣ домъ и зажилъ на свободѣ по своему желанію, играя по цѣлымъ днямъ на скрипкѣ.

Неумирающій типъ учителя классика вполне воплотился въ нашемъ почтенномъ сослуживцѣ *Артеміи Аванасьевичъ Шведовъ*. Наружность его была совершенно классическая, напоминавшая бюсты греческихъ философовъ. Съ крупными чертами лица и съ обнаженнымъ черепомъ, прикрытымъ сзади надвинутыми космами длинныхъ волосъ, уцѣлѣвшихъ только на затылкѣ, всегда съ насупленными бровями—онъ, какъ живой, сидитъ передо мною, склонивши немного вправо думную голову и скрестивши на колѣнахъ руки. Такимъ онъ постоянно засѣдалъ „въ совѣтѣ нечестивыхъ“ во все продолженіе моей немировской службы. Личность его до того сливалась съ преподаваемымъ предметомъ, что какъ бы отождествлялась съ Цицерономъ и Салюстіемъ. Усумниться въ образовательномъ значеніи латинской грамматики—значило нанести ему кровную обиду; посягнуть на уменьшеніе числа уроковъ древнихъ языковъ, заѣдающихъ другіе предметы—значило сократить на столько же часовъ жизнь самого учителя.

По случаю введенія Законовѣдѣнія программы по Латинскому яз. должны были сократиться: поэты оказались лишними. Прочитавъ объ этомъ въ совѣтѣ предписаніе попечителя, директоръ не безъ злорадства обратился къ Шведову съ вопросомъ: какъ онъ объ этомъ сокращеніи думаетъ? Сидѣвшій во время чтенія бумаги, какъ приговоренный къ смерти, Артеміи Аван. отвѣтилъ гробовымъ голосомъ:

— Нечего тутъ, Е. Я., думать! Ясное дѣло: сегодня уничтожили „поэтовъ“ и прозодію, затѣмъ дойдетъ очередь и до прозаиковъ, а тамъ скажутъ: на какого чорта этотъ латинскій языкъ! Вѣдь это больно, какъ хотите!

Но какъ гладкая и спокойная поверхность моря во время шторма, иногда смѣняется бурными ураганами, такъ и невозмутимое съ виду состояніе духа нашего классика смѣнялось иногда такою грозой, что за человѣка становилось страшно. Я помню нѣсколько такихъ взрывовъ.

Проказникъ ученикъ, дѣлая переводъ съ русскаго языка на латинскій, написалъ на доскѣ вмѣсто *Fabius Cunctator*—*Fabius medlitelus*. Эту невинную шалость учитель принялъ за личное оскорбленіе и поднялъ такую бучу, что въ классъ вбѣжалъ инспекторъ, а на коридорѣ столпились ученики изъ другихъ классовъ, думая, что случилось Богъ знаетъ что такое.

Другой взрывъ произошелъ въ сборной учительской передъ уроками. Французъ Блюкле, какъ свободный гражданинъ швейцарской республики, носившій всегда къ великой досадѣ директора, длинные волосы à l'artiste и полосатые брюки, и входившій въ залу засѣданій, постукивая палкой, что тоже не мало испортило крови нашему формалисту-премьеру,—этотъ то легкомысленный иностранецъ, при видѣ вошедшаго въ залу Шведова въ застегнутомъ на всѣ пуговицы вицмундирѣ, указывая на него, сказалъ, обращаясь къ прочимъ учителямъ: „voilà un vrai grécepteur!“ Спокойное до того лицо Артемія страшно исказилось, глаза налились кровью, и онъ, задыхаясь отъ волненія, наговорилъ дерзкому вѣтрогону такихъ любезностей, что если онъ хоть половину понялъ изъ того, что выслушалъ, то и того довольно.

— Ахъ ты, мальчишка, фармазонишка плюгавый! А ежели я тебѣ скажу, что у меня ревматизмъ, что я круглый годъ ношу фланель, что я наконецъ человѣкъ старый, въ отцы тебѣ приходимцу гожусь и проч.

Не избѣжалъ пораженія и самъ директоръ. Разъ какъ-то при выдачѣ жалованья Е. Я. коснулся семейной жизни Артемія Аванасьевича и замѣтилъ, что у его жены Целгеи Степановны

не уживется ни одна кухарка... (намекъ на сварливый нравъ этой воинственной дамы).

— А тебѣ какое дѣло до моей домашней жизни? Тебѣ мало того, что ты позволяешь себѣ на службѣ—и пошелъ, и пошелъ....

Извергая съ великою яростію ругательства, классикъ до того возвысилъ свой голосъ, что стало слышно на улицѣ. Грозный самодуръ струсиль и убѣжалъ въ спальную жены. И хорошо сдѣлалъ, потому что за Артемія поручиться было нельзя: онъ былъ способенъ проучить нахала, заглядывающаго въ чужіе горшки. Ужъ слишкомъ много накипѣло въ немъ желчи за 10 лѣтъ немировской службы: *abuti patientia* хватило черезъ край.

Да, это былъ весьма небезопасный человѣкъ, не вмѣняемый при своей болѣзненной раздражительности. Въ черниговской гимназіи такая же исторія случилась съ инспекторомъ Сбитневымъ, задѣвшимъ старика на урокъ логики вмѣпательствомъ въ его преподаваніе, временно ему порученное. При всемъ томъ, бурные взрывы вспыльчивости, неудобные въ служебныхъ отношеніяхъ, не попрепятствовали Шведову прослужить въ должности учителя болѣе 40 лѣтъ: такъ велики были нравственныя качества его, какъ человѣка, и такими достоинствами обладалъ онъ, какъ преподаватель.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины, говорятъ философы: болѣзненная раздражительность почтеннаго педагога мотивируется несчастными обстоятельствами его жизни.

Кто бы могъ подумать, что этотъ скромный, благочестивый, до послѣдней крайности терпѣливый труженикъ, мирившійся съ самой плачевной обстановкой, недоживный знатокъ латыни и глубоко религіозный человѣкъ—провелъ бурную, незваную удержу юность. Довольно сказать, что онъ былъ университетскимъ товарищемъ поэта Полежаева, ярый поклонникъ его таланта и даже ученикъ въ его похожденияхъ. Онъ зналъ наизусть почти всѣ какъ печатные, такъ и „презрѣвшія печать“ стихотворенія злополучнаго Сашки. Наиболѣе пикантныхъ вещей, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось записать и они пропали

безслѣдно. По окончаніи университета, А. А. получилъ мѣсто штатнаго смотрителя въ Торжокѣ, откуда переведенъ въ черниговскую гимназію. Прожившій болѣе ста лѣтъ, отецъ его былъ священникомъ въ одной изъ слободъ Стародубья и за обращеніе значительнаго числа стародубцевъ въ православіе пожалованъ наперснымъ крестомъ. Самъ уже человѣкъ старый, Артемій Аван. относился къ нему съ чисто дѣтскимъ чувствомъ сыновней любви.

Женатъ былъ Шведовъ въ первый разъ на красавицѣ итальянкѣ, имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей и наслаждался полною блаженства семейной жизнію. Но злая судьба позавидовала этому счастью: въ одинъ годъ онъ лишился жены и дѣтей, оставшись безпомощнымъ горемыкой. Ударъ былъ такъ неожиданъ и такъ ужасенъ, что онъ лишился разсудка... Но человѣкъ, говорятъ, самое выносливое животное, а время самый лучший врачъ душевныхъ болѣзней. Прошло два года, дѣйствіе страшной катастрофы потеряло свою силу, но слѣды остались на остальную жизнь. Классикъ нашъ задумалъ лѣчить свою тоску новой женитьбой. Ему встрѣтилась женщина безъ образованія, неукротимаго нрава, сварливая, какъ Ксантиппа, но онъ мирился и съ ней. Вчужѣ становилось жалко этого достойнаго педагога, когда, бывало, разсвирѣпѣетъ его супруга и начнетъ осыпать его крупною бранью. Затѣмъ слѣдуетъ укрошеніе строптивой:

— Полинька! да перестаньте же, довольно!... Но брань не унималась, а становилась все сильнѣе и сильнѣе: „злая бо жена кротима высится, а біема бѣсится“, какъ сказано въ притчѣ о злыхъ женахъ.

— Полинька! да перестаньте же наконецъ или... я вамъ скажу большую неприятность! Укрощаль нашъ Сократъ свою Ксантиппу. Но она продолжала свирѣпствовать.

— Наконецъ, вы меня вывели изъ терпѣнія! возвышаетъ голосъ классикъ: я долженъ вамъ сказать: вы... не перестанете? такъ жалѣйте же сами на себя—вы... невѣжливы!

Не знаю, всегда ли такъ миролюбиво оканчивались семейныя несогласія почтенной четы или омрачавшія думное чело классика тучи раздражались иногда грозой? Знаю только, что

некрасна была жизнь нашего классика въ сожителствѣ съ такой неразвитой и свирѣпой женщиной. Единственнымъ его удовольствіемъ послѣ служебныхъ занятій была неизмѣнная трубка, нарочито большая, да свѣжая книжка журнала. Какъ закурить бывало свою бездонную трубку, сидя съ книгой на своемъ обычномъ мѣстѣ въ гостиной, то никакой крикъ, никакая трескотня кухонной переналки не въ состояніи были нарушить созерцательнаго настроенія духа нашего философа; при этомъ мыслено онъ любилъ повторять стихи Полежаева:

Курю и мыслю: какъ горитъ
 Табакъ мой въ трубѣ жаркой,
 Такъ и меня испепелитъ
 Рокъ пагубный и жалкій...

Хотя А. А. и читалъ передовые наши журналы: Современникъ и Отечественныя Записки, но по складу своихъ убѣжденій склонялся болѣе къ воззрѣніямъ славянофиловъ, силившихся доказать, что Западъ гниетъ, а Россія цвѣтетъ. Мысль эту, какъ извѣстно, издатели пресловутаго „Маяка“ довели до абсурда. Ревностный послѣдователь и постоянный сотрудникъ этого журнала, И. Г. Кулжинскій, въ бытность свою директоромъ немировской гимназіи успѣлъ привить отсталое направленіе Маяка къ нѣкоторымъ преподавателямъ, въ числѣ которыхъ очутился и нашъ почтенный классикъ. Никто бы и не подозрѣвалъ этого, еслибы, благодаря случайности, онъ самъ не обнаружилъ принадлежности своей къ компаніи Бурчюка.

Нашъ немировскій донъ Жуанъ Юрко, совершенно равнодушный на счетъ литературы, получилъ отъ совѣта порученіе написать для торжественнаго акта рѣчь. Застигнутый врасплохъ въ самый разгаръ своихъ амурныхъ походовъ, онъ придумалъ остроумный способъ увернуться изъ бѣды, обратившись за помощью къ Шведову. Находясь въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, А. А. взялся написать рѣчь „о современномъ направленіи просвѣщенія въ Россіи“ за сторублевое вознагражденіе. Когда рѣчь была окончена, Юрко принесъ ее ко мнѣ для просмотра, выдавъ ее, конечно, за свое произведеніе. Ничего не подозрѣвая, я на досугѣ приступилъ къ ея чтенію, но меня

сразу огорошили несвойственными этому уличному Ловеласу мысли о превосходствѣ древне-русскаго воспитанія въ страхѣ Божіемъ предъ новымъ антирелигіознымъ направленіемъ современнаго просвѣщенія, якобы растлѣваемаго злокозненнымъ Западомъ. Желая подѣлиться такимъ курьезомъ съ Артеміемъ, я отправился къ нему. Но едва я началъ читать рѣчь, съ приличными предмету комментаріями, какъ мой классикъ нахмурился и готовъ былъ вспылить. Появщи, въ чемъ дѣло, я спряталъ рукопись въ карманъ и, допивши стаканъ чаю, убрался по добру, по здорову во-свояси. Рѣчь была прочитана въ совѣтѣ, одобрена и отправлена въ округъ. Попечитель Траскинъ, какъ на зло, передалъ ее на рецензію самому рьяному западнику Н. Т. Костырю, который, по прочтеніи, пришелъ въ ужасъ... неужели недавній еще кандидатъ университета, получившій золотую медаль за сочиненіе по математикѣ, могъ написать такую ерунду?

Ѣдетъ профессоръ къ попечителю:

— В. П—во! Это позоръ для нашего университета! Какъ совѣтъ немировской гимназіи, съ директоромъ во главѣ, могъ одобрить къ прочтенію предъ посторонней публикой такую рѣчь? Зачѣмъ смотрѣлъ Зимовской? Нужно быть непроходимымъ обскурантомъ, чтобы допустить такое безобразіе въ средѣ педагоговъ! Автору, по моему мнѣнію, слѣдуетъ послать строжайшій выговоръ.

— Да я его выгоню! порѣшилъ по военному генералъ Траскинъ. Быть можетъ, попечитель и привелъ бы въ исполненіе свою угрозу, если бы на помощь племяннику не подоспѣлъ дядюшка пр. Дьяченко, который оправдалъ его невѣжество тѣмъ, что Юрко—математикъ, а не словесникъ, что онъ по своей специальности, еще будучи студентомъ, написалъ весьма дѣльное сочиненіе, удостоенное факультетомъ медали. (Хотя это сочиненіе тоже не имъ написано).

Черезъ много лѣтъ послѣ описаннаго, я видѣлъ Шведова во градѣ Черниговѣ въ отставкѣ. Онъ успѣлъ уже потерять сына, ученика IV класса, мальчика даровитаго и красиваго. При немъ жила дочь, овдовѣвшая на второмъ году своего замужества. Полинъка шипѣла по прежнему и на мужа, и на дочь, и

на прислугу. Неумолимая судьба не оставляла въ покоѣ честнаго труженика, какъ онъ не оставлялъ своей учительской профессіи, безъ которой жизнь была для него невысказима.

— Какъ поживаете, уважаемый А. А—чъ? спросилъ я его при свиданіи.

— Слава Богу! благодаря Ильѣ Петровичу (инспекторъ гимназіи Дорошенко) у меня теперь и праздники, и вакаціи есть: учу дѣвицъ въ женской гимназіи нѣмецкому языку, да на досугѣ рѣшаю алгебраическія задачи.

Къ сожалѣнію, директоръ Кустовъ не далъ Артемію умереть на службѣ, чего онъ такъ пламенно желалъ: найдя старика несостоятельнымъ въ преподаваніи нѣмецкаго языка, К—въ лишилъ его этого послѣдняго утѣшенія, уволивъ его въ отставку, хотя Шведовъ приносилъ гимназисткамъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ природный нѣмецъ, не знавшій ни слова по русски...

Законоучитель нашъ о. Александръ Любомудровъ жилъ какъ то особнякомъ, не охотно сближаясь съ своими сослуживцами, а придерживаясь больше кружка духовнаго — сосѣднихъ священниковъ. Ближе всѣхъ онъ былъ со мной и со Шведовымъ.

О. Александръ любилъ иногда прокатиться на конѣ высокой политики. Борьба двухъ враждебныхъ другъ другу національностей въ Галиціи—Русиновъ и Поляковъ, приведшая, какъ извѣстно, эту несчастную провинцію къ катастрофѣ 1846 года, сильно его напугала. Онъ не переставалъ бояться, чтобы рѣзня пановъ не повторилась и у насъ, но только въ иномъ видѣ: нашъ политикъ почему то считалъ подольскихъ поляковъ сильнѣе милліоннаго населенія православныхъ крестьянъ и вообразилъ, что если поляки взбунтуются, то непременно начнутъ истребленіе русскихъ съ духовенства. Опасенія свои онъ сообщилъ и Шведову. Оба они страшно трусили, даже по ночамъ не спали, прислушиваясь къ уличному шуму. Призвавъ на помощь статистику, я немного успокоилъ ихъ нервы, послѣ чего мой протопопъ сталъ даже храбриться:

— Что-жь, говорить, пускай попробуютъ—я сейчасъ съ крестомъ на коня!..

Во всемъ, что касалось внутренней политики, о. протоіерей былъ крайнимъ консерваторомъ. Воспитанный въ страхѣ Господнемъ и начитавшись „Маяка“, онъ, былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что у насъ все обстоитъ благополучно. Съ непрогляднымъ состояніемъ нашей общественной жизни онъ мирился на основаніи гегелевскаго тезиса: „что дѣйствительно, то и разумно“. Какъ видно, лекціи философіи прослушанныя имъ въ духовной академіи, принесли свои плоды: малѣйшее порицаніе современныхъ намъ порядковъ, даже въ интимной дружеской бесѣдѣ, поднимало въ немъ цѣлую бурю патріотическаго негодованія.

Въ началѣ 1846 года изъ нѣжинскаго греческаго уѣзднаго училища къ намъ перемѣщенъ учитель рисованія, товарищъ по академіи и другъ поэта Шевченка, *Иванъ Максимовичъ Сошенко* ¹⁾.

Обладалъ онъ рѣдкою способностію возбуждать въ своихъ ученикахъ любовь къ рисованію, не прибѣгая къ понудительнымъ мѣрамъ со стороны инспекціи, что составляетъ немалую заслугу въ учителѣ такого предмета, который въ ряду другихъ не имѣлъ въ глазахъ учащихся никакого значенія, такъ какъ отмѣтки по рисованію и чистописанію не принимались въ расчетъ при переводахъ въ высшій классъ. Кромѣ того, И. М.—чь, имѣлъ счастливый даръ угадывать въ своихъ ученикахъ несомнѣнное призваніе къ живописи, и нѣкоторые изъ нихъ, благодаря своему наставнику, съумѣвшему сообщить надлежащее направленіе ихъ природному дарованію, достигли въ послѣдствіи громкой извѣстности: портретистъ Страшинскій, скульпторъ Гуйскій, пейзажистъ Орловскій и др. не переставали съ благодарностію вспоминать о первоначальныхъ урокахъ Сошенка,

Чего бы, казалось, больше требовать отъ такого преподавателя самому взыскательному начальнику-педагогу? Но въ

¹⁾ Желающимъ короче познакомиться съ этою симпатическою личностію мы предлагаемъ обратиться къ изданному въ 1877 году отдѣльною брошюрой біографическому очерку; здѣсь же помѣщаемъ краткую характеристику его двухлѣтней службы подъ начальствомъ директора Зинковского.

томъ то и бѣда, что директоръ немировской гимназіи былъ вовсе не педагогъ, а чиновникъ-самодуръ, ставившій ни во что самое добросовѣстное исполненіе подчиненными ихъ прямыхъ обязанностей, если только они, служа дѣлу, не могли, или не хотѣли служить его особѣ; а въ этомъ то и заключалась, по его мнѣнію, главнѣйшая обязанность имѣвшихъ несчастье подпасть подъ его начальство. Учители чистописанія и рисованія, уже по одному значенію преподаваемого ими предмета, составляли въ гимназіи, какъ говорится, послѣднюю спицу въ колесѣ, а гг. директора бибиковского режима своимъ унижительнымъ обращеніемъ съ ними еще больше унижали и безъ того низменное положеніе ихъ въ кругу сослуживцевъ. Между тѣмъ преподаватели рисованія были художники съ сильно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ характеромъ независимымъ—каково же имъ было переносить подобное обращеніе?

Сошенко натолкнулся именно на такого начальника въ лицѣ немировскаго директора. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ истощалъ свое остроуміе надъ странностями и непрактичностью художниковъ вообще и учителей рисованія въ особенности, причемъ употреблялъ въ дѣло такую манипуляцію надъ болѣзненнымъ организмомъ И. М—ча, что вчузѣ становилось жалко смотрѣть на его душевныя страданія.

— Эхъ, Иванъ Максимовичъ! приговаривалъ директоръ тономъ не то состраданія, не то презрѣнія, обнимая его правой рукой и подталкивая сзади колѣнкомъ: таковы вы всѣ художники! Какая польза отъ вашей живописи? а?

Иногда для большей внушительности, директоръ, словно одержимый болѣзнію, извѣстною въ медицинѣ подъ названіемъ пляски Св. Вита, подпрыгивалъ, моталъ головой, хлопалъ въ ладоши, дергалъ подчиненнаго за пуговицу, подталкивалъ локтемъ, тыкалъ пальцемъ въ грудь.

— Г. Директоръ, сказалъ ему однажды нашъ многострадаальный Іоаннь: не штовхайте мене въ груди—я больной человекъ.

— То-то больной, ха-ха, а еще жениться задумалъ. А много ли даетъ учитель музыки приданнаго за своей цуркой? Эхъ, вы, художники! терпѣть не могу!

Дѣло въ томъ, что нашъ Сошенко, давая уроки рисованія одной гувернанткѣ, зарабатывавшей себѣ хлѣбъ честными трудами, влюбился и возымѣлъ намѣреніе сочетаться съ ней законнымъ бракомъ. Спрашивается: какое право имѣеть начальникъ вмѣшиваться въ интимную жизнь подчиненнаго, когда его къ тому не приглашаютъ? и какую дозу безцеремонности и безсердечія можно предположить въ человѣкѣ, который, пользуясь своею властію, позволяетъ себѣ публично издѣваться надъ сердечною тайной скромнаго труженика, для котораго эта тайна—святая святыхъ, куда не допускаются непосвященные? Не смотря, однакожъ, на ѣдкія выходки со стороны директора и даже на угрозы уморить ослушника голодною смертію, день свадьбы былъ назначенъ во время каникулъ. Приходитъ женихъ къ начальнику съ прошеніемъ о дозволеніи вступить въ законный бракъ, а тотъ поздравляетъ его съ монаршею милостію, сунувъ ему въ руки бумагу о взысканіи съ него 24 рублей за пожалованный чинъ коллежскаго секретаря. Вотъ такъ обрадовалъ! Несомнѣнно, онъ нарочно приготовилъ сюрпризъ для такого торжественнаго случая.

— Играйте, говоритъ свадьбу, да не давайте гостямъ шампанскаго, ха-ха, потому что я обязанъ изъ вашего жалованья сдѣлать вычетъ.

Такъ какъ И. М.—чъ получалъ всего 16 рублей съ копѣйками въ мѣсяцъ, то ему, значить, цѣлыхъ полтора мѣсяца не приходилось видѣть ни копѣйки. Правду сказалъ директоръ; что уморить голодною смертію. Нужно поневолѣ отложить свадьбу до полученія жалованья. Перебѣдовалъ нашъ художникъ и эти голодные мѣсяцы, пріискалъ работишку и кое-какъ состряпалъ свадьбу. Стали супруги жить да поживать да деньги наживать: мужъ малюетъ образа, а жена учитъ дѣтей. Такъ сякъ и перебивались помаленьку. Но преслѣдованія не унимались.

Приходить, напр. И. М.—чъ изъ гимназіи домой въ 5 часовъ вечера, отбивши четыре полутора-часовыхъ урока, въ сырой осенній день, по страшной грязи, въ квартиру на концѣ мѣстечка, усталый, мокрый. Скидаетъ онъ свои бранные доспѣхи и собирается облачиться въ халатъ, чтобы немножко отогрѣться

за самоваромъ и отдохнуть отъ нескончаемой возни съ мальчу-
ганами,—какъ вдругъ въ комнату ввалился гимназическій сторожъ.

— Пожалуйте къ дялехтуру!

— Зачѣмъ? спрашиваетъ его И. М—чъ.

— Не можемъ знать: стало быть есть важное дѣло, коли
велѣно позвать въ такую пору—разсуждаетъ, уходя, инвалидъ.

Представьте себѣ, читатель, положеніе бѣднаго учителя,
который долженъ опять надѣвать только что сброшенный хо-
мутъ и брести въ темнотѣ по грязнымъ переулкамъ, почти за
полверсты отъ квартиры. Приходить бѣдняга къ директору.

— Что прикажете? спрашиваетъ.

— Вы, любезнѣйшій И. М—чъ, отлично чините карандаши,
будьте же такъ добры, очините мнѣ парочку, да женѣ одинъ.

Стружить несчастный художникъ карандаши, а руки такъ
и трясутся отъ волненія.

— Ничего больше не прикажете? спрашиваетъ.

— Ничего, покорно благодарю!

Но порученія директорскія не всегда ограничивались та-
кими пустяками, какъ очинка карандашей: бывали дѣла и по-
серьезнѣе.

Умерла кастелянша ученической больницы, не сдѣлавъ до
смерти никакого распоряженія. Между разнымъ бабьимъ тряпьемъ
найденъ былъ именной билетъ въ 300 рублей. Наслѣдниками
были сынъ студентъ и дочь. Сочувствуя почему то больше до-
чери, Е. Я—чъ желалъ, чтобы деньги достались ей одной; но
для полученія ихъ изъ конторы Государственнаго банка, нужно
было на билетѣ сдѣлать передаточную надпись умершей. Что
тутъ дѣлать? Конечно, оставалось только пожалѣть о бѣдной
дувущкѣ и больше ничего. Анъ нѣтъ! у насъ не такъ было:
недаромъ мы унаслѣдовали въ юго-западномъ краѣ принципы
оо. іезуитовъ, у которыхъ самыя нечистыя средства оправды-
вались благою цѣлю. Мы способны были и подлогъ сдѣлать
лишь бы панна Пэйзанъ осталась нами довольна.

— Позвать Сошенка! скомандовалъ директоръ.

Приходитъ И. М—чъ. Зовутъ въ кабинетъ.

— Вотъ что, любезнѣйшій! вы, какъ учитель чистописанія, конечно, знакомы съ различными почерками: не можете ли вы подвести руку вотъ подъ эту подпись? Одну только фамилію напишите. Садитесь, возьмите перо!

Говоря это, Е. Я—чѣ положилъ на столъ банковый билетъ и, подталкивая локтемъ учителя, прибавилъ:

— Да ну те же! о чемъ тутъ думать! терпѣть не могу! Но услышавъ такое дикое предложеніе, Сошенко лишился способности мыслить: онъ остолбенѣлъ отъ изумленія, перо выпало изъ рукъ, губы тряслись; онъ долго не могъ произнести ни одного слова. Наконецъ всталъ и, пробормотавъ какое то нескладное оправданіе своего неповиновенія приказаніямъ начальства, ушелъ, повѣся голову, домой—подѣлиться съ женой новымъ, еще не бывалымъ сюрпризомъ, который пахнулъ угловщиной.

Такъ прошли для бѣднаго труженика два года, исполненные невыносимыхъ страданій и нравственной пытки. Служба стала для него тяжелымъ бременемъ; но гнетущая душу нужда заставляла терпѣть и скрѣпя сердце переносить незаслуженное гоненіе.

Разъ какъ то на урокъ чистописанія произошелъ небольшой безпорядокъ. Зимовской, стоявшій въ это время, по своему обыкновенію подъ дверями, (въ которыхъ продѣлано было небольшое оконце, завѣшенное снаружи для внезапнаго соглядатайства начальства)—влетѣлъ въ классъ, какъ ураганъ, лютый-прелютый.

— Кто шумѣлъ? кричитъ задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ.

— Такой-то, и такой! докладываетъ „старшій“.

— Сторожей! розокъ! неистовствуетъ директоръ.

Виноватыхъ раздѣли и тутъ же, посреди класса, растянули на учительской каедрѣ.

Въ самомъ „пылу горячихъ“, 3—й, какъ разъяренный тигръ, бросается на сторожа, вырываетъ у него изъ рукъ розги и со словами: „какъ ты сѣчешь, бездѣльникъ?“ начинаетъ сѣчь рукою властною, сопровождая отчаянные крики мальчика адскимъ смѣхомъ:

— Посмотрите, посмотрите, И. М—чь, что за богатая натура у этого негодяя? обратился онъ къ Сошенку, указывая на обнаженное тѣло ученика.

Что происходило потомъ, И. М. не помнитъ: отъ сотрясенія нервной системы съ нимъ случился обморокъ...

Такая звѣрская жестокость палача-педагога до того подѣйствовала на голубиную натуру нашего художника, что онъ заболѣлъ серьезно и затѣмъ, едва пришелъ въ себя, тотчасъ же написалъ просьбу объ отставкѣ.

— Будь что будетъ! говорилъ онъ друзьямъ своимъ, а служить подъ начальствомъ такого изверга я не въ состояніи! Готовъ дрова рубить, трубы чистить, съ голоду пропадать, чѣмъ тамъ мучиться.

Въ отставкѣ онъ занялся писаніемъ образовъ, стало быть съѣхалъ на ту же колею, съ которой своротилъ 16 лѣтъ тому назадъ, съ такимъ самоотверженіемъ рѣшившись отправиться въ Петербургъ изучать высшую живопись въ академіи.

Въ 1851 году, когда И. М. лежалъ на смертномъ одрѣ, исполняя христіанскій долгъ, его посѣтилъ директоръ. Сидя у постели больного, который былъ, однакожь, при полномъ сознаніи, этотъ непрощенный утѣшитель, обратясь къ женѣ его, сказалъ во всеуслышаніе:

— Вамъ, сударыня, все равно начать плакать—сегодня или завтра—тавъ лучше начните сегодня: вѣдь надежды никакой нѣтъ, это видно.

Утѣшилъ, не правда ли?

Зловѣщее карканье этого ворона, къ счастью, не сбылось. И. М—чь, какъ бы въ пику ему, сталъ поправляться: въ болѣзни совершился спасительный кризисъ. Когда выздоравливающій въ состояніи былъ уже сидѣть на постели, онъ припомнилъ не сбывшееся пророчество своего пріятеля и, усмѣхаясь горькимъ своимъ смѣхомъ, слабымъ голосомъ промолвилъ:

— Отже брешешь! таки буду малевать, таки буду!..

Надобно замѣтить, что нашъ художникъ и послѣ выхода въ отставку, не будучи подъ начальствомъ Зимовскаго, чувствовалъ къ нему какой-то инстинктивный страхъ, какой обыкновенно

венно испытывают слабонервные люди въ присутствіи разъяреннаго животнаго. Завидѣвъ его гдѣ нибудь на противоположномъ концѣ улицы, мой Соха всегда чувствовалъ внутреннюю лихорадочную дрожь.

— Отъ несчастья! говорилъ онъ обыкновенно при такой неожиданной встрѣчѣ: не даромъ мнѣ не хотѣлось идти по этой улицѣ.

Не доходя до 3—го на нѣсколько шаговъ, онъ скидалъ фуражку, оставаясь съ непокрытой головой, пока не пройдетъ это пугало честныхъ людей, обмѣнявшись нѣсколькими любезностями, нелишенными впрочемъ ядовитой насмѣшливості:

— Чого вы, И. М. его боитесь? спросилъ я его однажды.

— Эхъ, М. К. развѣ вы меня не знаете? я всякого злого человѣка боюсь...

Инспекторъ гимназіи *Яковъ Омеляновичъ Беккаревичъ*, по словамъ юбилейной записки Каменецъ-Подольской гимназіи 1888 г. „принадлежалъ къ числу тѣхъ воспитателей, которые своими душевными качествами—доброю и любовію къ воспитывающимся дѣтямъ—на всегда оставляютъ въ своихъ питомцахъ добрую о себѣ память и признательность“. Къ этимъ правдивымъ словамъ составителя записки, я, съ своей стороны, добавлю только то, что „доброта“ Я. О.—ча нисколько не вліяла на смягченіе суроваго режима немировской администраціи; дѣятельность его была совершенно парализована безграничнымъ произволомъ директора. Исполняя буквально, до ничтожныхъ мелочей, всѣ распоряженія начальника и дѣйствуя во всемъ въ предѣлахъ данной ему инструкціи, окруженный фискалами въ лицѣ подчиненныхъ ему надзирателей, онъ былъ лишенъ и тѣни самостоятельности и инициативы. При другомъ директорѣ онъ несомнѣнно могъ бы имѣть благотворное вліяніе на нравственность воспитанниковъ, но при Зимовскомъ онъ ничего не былъ въ состояніи сдѣлать, при всемъ своемъ желаніи и добрыхъ намѣреніяхъ, которыми, какъ говорить Данте, вымощенъ адъ...

Надзиратели немировской гимназіи.

Надзиратели, не отличались способностію комбинировать свои наблюденія, передавая своему повелителю одни лишь голые факты, а изъ этого сырого матеріала творческая фантазія Е. Я-ча создавала цѣлую поэму доносовъ.

Поговоримъ же о надзирателяхъ, въ оное время замѣнявшихъ нынѣшнихъ классныхъ наставниковъ съ ихъ помощниками, а на дѣлѣ бывшихъ ни болѣе, ни менѣе, ни выше, ни ниже надзирателей околodочныхъ.

Ихъ было пять человекъ: два надзирали за вольно-приходящими учениками, а три—за воспитанниками общихъ квартиръ.

Старшій всѣхъ по службѣ Каэтанъ Демьяновичъ Штейнъ любилъ повторять вѣчную свою пѣсню о томъ, какъ „они съ попечителемъ фонъ-Брадке пріѣхали въ Немировъ, открыли гимназію; затѣмъ Егоръ Ѳедоровичъ сказалъ: оставайся ты здѣсь—и я остался, а онъ вернулся въ Кіевъ“.

Своими съ сильною пресѣдью волосами Штейнъ напоминалъ одного изъ тѣхъ „шпаковатыхъ коней“, на какихъ любили развѣзжать тогда по ярмаркамъ польскіе паньчи-балагулы. На сходствѣ Каэтана съ шпакомъ (скворцомъ) основывается полученное имъ отъ учениковъ прозвище „Шпацю“. Какъ полякъ, Штейнъ былъ очень пригоденъ Е. Я-чу по части политическихъ доносовъ, а какъ рьяный охотникъ, онъ лгалъ немилосердно, сочиняя иногда такіе факты о неблагонамѣренности своихъ родковъ, какихъ не случалось встрѣчать мнѣ, очевидцу повстанья, даже наканунѣ 1863 года. Сознавая всю важность занимаемаго имъ поста, Каэтанъ иногда позволялъ себѣ дѣлать замѣчанія учителямъ, по поводу какого нибудь клякса въ классномъ журналѣ, за что неоднократно претерпѣвалъ отъ нихъ бранное поношеніе. Помнится такой случай: ученики VII класса на окончательномъ экзаменѣ писали сочиненія подѣ наблюденіемъ учителей, между которыми было распредѣлено часовое дужурство отъ 8 до 3 ч. Но тутъ же въ залѣ, какъ безсмѣнный часовой,

былъ и Штейнъ, которому приказано было наблюдать за учителями, чтобы они не помогали ученикамъ. Едва только одинъ изъ молодыхъ преподавателей заговорилъ къ обратившемуся къ нему ученику о темѣ сочиненія, какъ къ нему подходитъ Каэтанъ и съ важностію говоритъ: „Нѣтъ, ужъ я вамъ этого не позволю!“ Вышелъ скандалъ: учитель показалъ Штейну кукишъ, а ученики подняли его на смѣхъ. Влетѣлъ директоръ, разругалъ учениковъ и съ грязью смѣшалъ учителя. Штейнъ торжествовалъ.

Не взирая, однако жъ, на такія полномочія со стороны начальника, этотъ же самый начальникъ обходился съ Каэтаномъ иногда ужъ черезчуръ безцеремонно, вѣроятно, боясь, чтобы сей невѣжественный господинъ не возмечталъ о себѣ слишкомъ: знай, молъ, сверчокъ свой шестокъ: Такъ, однажды поймалъ его директоръ на улицѣ и за какую то неисправность сталъ бранить самыми поносными словами, потомъ въ заключеніе поднялъ на него палку, но ударилъ не его, а проходившую мимо свинью, присовокупивъ: вотъ я васъ, какъ эту поганую животину“!

Другой надзиратель за вольными квартирами Ефимъ Ивановичъ Корсунъ, sic dictus *Кумъ*, человекъ совершенно невѣжественный и глупый, какъ бревно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой, безъ котораго полная характеристика немировской администраціи была бы неточна. Грубой и неотесанной фигурой своей и холопскими ухватками Кумъ напоминалъ скорѣе городского, чѣмъ чиновника по министерству народнаго просвѣщенія, да и на самомъ дѣлѣ былъ не надзирателемъ только, а факторомъ директорскаго дома, исполнявшимъ самыя униженные порученія, вовсе къ службѣ не относящіяся.

Служебную карьеру свою Кумъ началъ въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ состоялъ фискаломъ при инспекторѣ лицея и гимназіи, въ то самое время, когда должность эту занималъ Е. Я. Зимовской.

Для занятія классной должности ему нужно было выдержать экзаменъ на приходскаго учителя. Одинъ изъ преподавателей гимназіи Ѳ. А. Токарскій взялся безвозмездно приготовить его къ испытанію по ариѳметикѣ; но пробившись съ

нимъ около года, пришелъ къ убѣжденію, что „легче камень долотити, чѣмъ Кума ариѳметикѣ научити“: онъ не могъ вбить въ эту бездарную башку первыхъ четырехъ дѣйствій. Такъ и остался Кумъ неучемъ на всю остальную жизнь, хотя по проекціи инспектора ему выдали свидѣтельство, удостовѣрившее въ знаніи имъ курса уѣзднаго училища, а Товарскій получилъ отъ него за труды дѣдовскіе часы съ репетиторомъ. Но этимъ благодѣянія патрона не кончились: Е. Я-чъ женилъ его и, отправляясь въ Немировъ, взялъ съ собой и его съ супругой.

Кума рѣдко можно было видѣть въ гимназіи за исполненіемъ прямыхъ его обязанностей по должности надзирателя: это былъ въ полномъ значеніи слова чиновникъ *особыхъ порученій* г. директора.

Отправляясь въ Харьковъ жениться, Е. Я-чъ оставилъ у себя на хозяйствѣ Кума, въ качествѣ дворника, съ приказаніемъ ожидать его съ готовымъ самоваромъ ровно черезъ три недѣли, но пріѣздъ почему то замедлился на три дня. И что же? Въ продолженіе этихъ трехъ дней Кумъ непрерывно наставлялъ самоваръ и дулъ въ трубу во всю ивановскую, засыпая иногда тутъ же, подъ шипѣнье самовара, растянувшись на голомъ полу въ вицмундирѣ.

Подѣхавъ съ своей новобрачной къ воротамъ, директоръ нашелъ ихъ неотворенными и, не входя еще въ комнату, разругалъ своего раба въ пухъ. Въ передней Кумъ повалился въ ноги разгнѣванному повелителю и всхлипывая сталъ умолять о прощеніи за свою оплошность. Осмотрѣвъ квартиру и найдя все въ исправности, Е. Я-чъ смягчился и великодушно простилъ.

Въ другой разъ, уѣзжая съ супругой на каникулы, Зимовской снова поручилъ Куму смотрѣть за домою и за всѣмъ, что было въ немъ. На бѣду его въ погребѣ стояло изрядное количество бутылокъ вина и наливокъ, да нѣсколько банокъ варенья, до котораго Е. Я—чъ былъ очень лакомъ. Искушеніе было слишкомъ велико, чтобы избѣжать соблазна. И вотъ, Кумъ

сперва самъ началъ понемногу пробовать содержимое въ банкахъ и бутылкахъ, а потомъ, вошедши во вкусъ, началъ потчевать и канцелярскихъ, приходившихъ къ нему по ночамъ играть въ карты. Но вотъ приближается день страшнаго суда, а Кумъ все не кается и все глубже и глубже погрязаетъ въ своихъ продерзостяхъ: все молъ равно пропадать; мало ли, много ли выпито, вылизано—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ! Наконецъ Е. В.—діе изволили прибыть изъ путешествія. Кумъ, стоя на вытяжку, рапортуетъ, рассыпаясь мелкой дробью, подобно барабанщику. Онъ безъ запинки докладываетъ о своей неусыпной дѣятельности въ отсутствіе господъ: „какъ онъ холилъ лошадокъ, свинокъ, какіе дорожки продѣлалъ въ саду, ни разу не ложился въ постель, обходя дозоромъ весь домъ, какъ онъ вывѣтривалъ и перечищалъ платье и проч. и проч.; въ заключеніе же своей рѣчи просилъ за усердіе награды—представить его въ коллежскіе регистраторы за отличіе, такъ какъ до этого важнаго чина ему, какъ мѣщанину, слѣдовало прослужить 12 лѣтъ.

Тѣмъ временемъ г-жа директорша занялась осмотромъ кладовой и погреба и нашла значительный недочетъ. Директоръ взялъ подъ допросъ своего мажордома.

— А куда, Е. И., дѣвалось вино, наливка, варенье?

— Накажи мене Богъ, щобъ мени и руки и губы отсохли, коли я до чого небудь прикасався,—клянется окаянный Кумъ.

Но божба и клятвы не помогли и вмѣсто чина „за отличіе“ онъ получилъ такую встрепку, что даже не успѣлъ расплакаться. Его съ безчестіемъ выгнали изъ дому и запретили показываться на глаза. Повѣсилъ мой Кумъ носъ, тоскуетъ и скорбитъ, блуждая у воротъ директорской квартиры, какъ грѣшная душа въ чистилищѣ. Неразъ порывался онъ войти къ своему разгнѣванному идолу, пасть къ ногамъ его прахомъ, разрыдаться и вымолить себѣ прощеніе. Но едва онъ отворитъ калитку, его гонятъ какъ пса. Такъ прошла недѣля. Кумъ скорбитъ и ходитъ, понутивъ голову. Наконецъ, башку его

озарила гениальная мысль, и онъ немедленно приступилъ къ ея выполнению.

Квартира Кума была смежна съ директорской. Смотрить онъ изъ-за частокола: директоръ съ директоршей кушаютъ въ саду чай. Навалившись всѣмъ корпусомъ на частоколъ онъ раздвигаетъ его, сбрасываетъ сюртукъ и, схвативъ дубину, гонить въ отверстіе свинью. Черезъ гряды и клумбы онъ подгоняетъ ее къ бесѣдкѣ. Директоръ кричитъ, бѣснуется—Кумъ ничему не внимлетъ. Поровнявшись съ бесѣдкой, онъ бросилъ дубину и бухъ въ ноги директору. Г-жа директорша, при своей ангельской добротѣ, стала просить за кающагося грѣшника—и Кумъ прощенъ. Вскочивъ на ноги, онъ снова погнался за свиньей и выгналъ ее тѣмъ же самымъ отверстіемъ на свой дворъ. Хитроумная, подумаешь, выдумка!

Верстахъ въ пяти отъ мѣстечка у Е. Я—ча была пасѣка съ небольшимъ садикомъ. Сначала весны Кумъ превращался въ садовника и пасѣчника, отправляясь съ зарей на пасѣку и возвращаясь домой къ вечеру. Если ему удавалось „поймать рой“ онъ во всѣ лопатки бѣжалъ съ рапортомъ къ директору—хвалиться своимъ подвигомъ. Тогда вся гимназія знала объ этомъ событіи, потому что Кумъ каждому встрѣчному трубилъ въ уши: „сіюгодні я роя поймавъ“!

Кромѣ того, въ концѣ мѣстечка былъ вишневый садъ, подаренный графомъ гимназіи, находившійся, однакожь, въ пользованіи одного директора. Кумъ и тамъ поспѣвалъ бывать, гоня по всему саду воробьевъ, чтобъ не ѣли директорскихъ вишень. Какъ бы обилень ни былъ урожай, никогда никто изъ учителей и учениковъ не съѣлъ ни одной ягодки. Кумъ, бывало, продаетъ вишни жидамъ по копѣйкѣ ведро и вырученныя деньги относить директору, а даромъ никому не дастъ и понюхать.

Тому же фактору вмѣнялось въ обязанность ходить на базаръ. Неразъ приходилось мнѣ встрѣчать его съ живымъ поросенкомъ въ рукахъ или индѣйкой подъ мышкой. Ему же поручалась и продажа всего, что оставалось неизрасходованнымъ по части провизіи, доставляемой помѣщиками на продо-

вольствіе директорскихъ пансіонеровъ, самыхъ, конечно, достаточныхъ, за которыхъ родители платили по 1000 рублей сер., что по тогдашнимъ деньгамъ составляло громадную сумму. Сверхъ того, возами, бывало, везуть на директорскій дворъ всякіе деревенскіе продукты, такъ что Е. Я—чь легко могъ бы прокормить цѣлый разрядъ общей квартиры, да онъ таки излишекъ нерѣдко и продавалъ эконому, а чаще всего отправлялъ на базаръ, гдѣ тотъ же Кумъ продавалъ въ раздробь: муку, сыръ, масло, картофель, бураки и живность, а вырученныя деньги полностію представлялъ г-жѣ директоршѣ.

Для соблюденія экономіи при заготовленіи для заведеній дровъ, нѣсколько лѣтъ сряду они покупались на корню. Рубка и доставка обыкновенно производилась зимой. Слѣдить за рабочими поручалось тому же вездѣсущему Куму, который проживалъ въ лѣсу по цѣлымъ мѣсяцамъ, за 25 верстъ отъ мѣстечка.

Ученики прозвали Кума адъютантомъ директора, такъ какъ онъ постоянно сопровождалъ своего начальника на прогулку, какъ для вящей безопасности и въ огражденіе личности Е. В—дія отъ покушеній на оную со стороны неблагонамѣренныхъ людей, такъ и для преслѣдованія гимназистовъ.

Въ этомъ отношеніи Кумъ, обладая здоровенными кулаками и нестомчивыми ногами, какъ человекъ дикій, съ комплекціей первичной формациі, могъ быть и дѣйствительно былъ очень и очень полезенъ обожаемому начальнику. И съ того времени, какъ быстрыя ноги Кума вступили въ союзъ съ ястребиными глазами директора, бѣднымъ ученикамъ не стало спасенія, хоть бы за версту шли они отъ своихъ неутомимыхъ инстигаторовъ.

Шествовали однажды сіи два достойные мужа въ монастырскую рощу на прогулку. Это было въ концѣ октября. На разстояніи версты у опушки лѣса директоръ усмотрѣлъ нѣчто похожее на гимназиста.

— Е. И—чь! а вѣдь это ученикъ! обратился онъ къ своему спутнику: видите, видите, какъ будто и дымокъ показался! да, курить бездѣльникъ, курить! Узнайте-ка, кто это!

Молча кивнулъ головой быстроногій атлетъ и пустился въ путь. То былъ дѣйствительно гимназистъ. Какъ только юноша замѣтилъ, что его хотятъ поймать, потерявъ отъ страха всякое соображеніе, вмѣсто того чтобы повернуться къ лѣсу, бросился въ сторону, по направленію къ пруду. Какъ отлично выдрессированная собака, Кумъ, не давъ ему опомниться, отрѣзалъ несчастному отступленіе къ лѣсу и погнался за нимъ, какъ борзой за зайцемъ. Прибѣжалъ ученикъ къ пруду—что дѣлать? на дворѣ осень, погода вѣтреная—лѣзть въ воду не безопасно. Но сзади другая бѣда—въ двадцати шагахъ Кумъ. Нѣтъ, лучше броситься въ воду, чѣмъ попасться въ лапы директора. Не оборачиваясь, бѣглець вошелъ въ прудъ по грудь и накрылъ голову воротникомъ шинели, руководясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что не полѣзетъ же за нимъ въ воду при такомъ холодѣ надзиратель. Но какъ мало зналъ этотъ неопытный юнецъ, что значить долгъ, для такого служаки, какъ Кумъ, который, исполняя волю начальства, готовъ былъ не только полѣзть въ воду, но и въ огонь броситься? Не задумавшись ни на одну секунду, Кумъ вошелъ въ воду, поднялъ воротникъ шинели гимназиста, заглянулъ ему въ лицо и сказавъ только: „а, се ты!“ вылѣзъ изъ воды, отряхнулся, какъ пудель, и побѣжалъ съ донесеніемъ къ своему повелителю.

Въ награду за такое усердіе и чисто собачью преданность, Е. Я—чѣ страшно издѣвался надъ глупостію и простотою своего вѣрнаго раба. У него Кумъ исполнялъ всѣ низменныя работы по дому: смотрѣлъ за лошадьми, ѣздилъ за кучера, вытиралъ директорское тѣло губкою и т. п. Е. Я—чѣ такъ привыкъ къ его услугамъ, что, имѣя даже лакея, иногда посылалъ за Кумомъ¹⁾.

Отправляясь съ женой въ Одессу, директоръ взялъ съ собой Кума, вмѣсто лакея, на козлы. Соблазнившись дешевизной

¹⁾ Прислуга у З—кого долго не держалась. Онъ никого не издѣивалъ и даже не бранился, но своими ядовитыми насмѣшками и презрительнымъ обхожденіемъ всѣхъ отталкивалъ.

товаровъ, (тамъ было въ то время *porto franco*), онъ купилъ своей супругѣ великолѣпную шаль и хотѣлъ провезти ее, не заплативъ на таможенѣ пошлинъ. Кумъ вызвался спрятать покупку такъ, „що ніякій бисъ не знайде“. Разрѣзавъ подкладку шинели, онъ выбросилъ вату и вмѣсто нея засунулъ контрабанду, считая себя затѣмъ въ совершенной безопасности; но таможенные ищейки пронюхали добычу, уличили директора въ мошенничествѣ и вытащили изъ-за подкладки шинели „его челобѣка“ шаль, сорвавъ большой штрафъ.

Во время высочайшаго проѣзда императора Николая въ Винницу на смотръ войскъ, директоръ, не дождавшись на станціи прибытія Его Величества, отправился домой спать, оставивъ Кума для наблюденія за всѣмъ, что произойдетъ во время перемѣны лошадей; но не одинъ директоръ и попечитель Траскинъ, пріѣхавшій въ Немировъ за три дня до царскаго проѣзда, тоже проспалъ его, утомившись истребленіемъ обѣдовъ и завтраковъ, изготовляемыхъ на станціи графскимъ поваромъ на случай, если бы Государю благоугодно было откупать. Такимъ образомъ, встрѣтилъ царя одинъ графъ Потоцкій. Съ нимъ Государь, не выходя изъ экипажа, перекинулся нѣсколькими милостивыми словами, пригласивъ его пріѣхать въ Винницу съ дочерью. Затѣмъ, едва успѣли заложить свѣжій восмерикъ, раздался богатыйскій окрикъ:

„Пошелъ“!

Вотъ все, что произошло на станціи во время высочайшаго проѣзда.

На другой день рано по утру Кумъ стремительно ворвался въ квартиру директора и забилъ нескончаемую дробь на своемъ барабанѣ. И чего, чего не нагородилъ этотъ безтолковый болтунъ, изъ желанія показать свое усердіе, понимаемое имъ по своему. Онъ передалъ директору не только то, что дѣйствительно происходило, но и то, чего вовсе не было. Такъ, между прочимъ, онъ сообщилъ, что графъ приглашалъ государя въ палацъ и въ гимназію, что государь, якобы извинялся тѣмъ, что онъ спѣшитъ на смотръ и т. п. Утомившись слушать непрерыв-

ную дребедень своего повѣреннаго, Е. Я—чь неожиданно превралъ его вопросомъ: „ва какомъ языкѣ Государь изволилъ объясняться съ графомъ“?

— По французскому! отвѣтилъ безъ запинки Кумъ.

— Ахъ вы Бальзакъ, Е. И—чь! Да какъ же вы узнали, о чемъ говорилъ Государь съ графомъ, не понимая ни бельмеса?

Пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Кумъ на сей разъ почему то позволилъ себѣ даже обидѣться.

— Покорно васъ благодарю, Е. Я—чь! за мое усердіе вы ругаете меня такимъ словомъ, какого я ще зроду ни отъ кого не слыхалъ: Бальзакѡмъ мене ще никто не называлъ!

И не безъ причины почтенный куманекъ такъ сильно оскорбился прозвищемъ Бальзака. Хотя онъ рѣшительно не зналъ, что это за такое слово Бальзакъ, но инстинктивно догадывался, что оно должно быть французское, а къ французамъ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе. Ему не удавалось запомнить и произнести сколько-нибудь правильно ни одного иностраннаго слова, не исковеркавъ его на манеръ русскаго, какъ обыкновенно поступаютъ наши солдатики съ иноземными фамиліями своихъ остзейскихъ командировъ. Шареау слаке, напр., у него выходило клячо шляпъ, вентиляторъ—вентинаторъ, медальонъ—мандалонъ, Магбета—онъ назвалъ Бахметомъ и т. п.

Однажды за преферансомъ, рѣшаясь сыграть рискованную игру, Кумъ выразился такъ: „э, кинь на рискъ“!

— Вы, Е. И—чь, какъ будто наворачиваете на французскій языкъ? замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Такъ всегда говорить гр. Шуазель, когда играетъ не совсѣмъ вѣрную игру: „кинъ, говорить, на рискъ!“

Потомокъ знаменитыхъ въ исторіи Франціи Шуазелей Гуфье, проживая нѣкоторое время въ м. Немировѣ для воспитанія дѣтей, любилъ по вечерамъ перекинуться въ картишки. За немѣвнемъ лучшихъ партнеровъ, онъ иногда приглашалъ къ себѣ Кума. У него то Е. И—чь и поддѣпилъ эту передѣланную на свой ладъ французскую фразу: *qui ne risque n'a rien*.

Совершенною противоположностью Куму, всегда смѣлому и подвижному, представлялъ надзиратель средняго 2-го отдѣленія

общей квартиры *Ситенскій*, лысое, запуганное существо, всегда говорившее вполголоса, оглядываясь по сторонамъ, хотя бы съ нимъ случалось разговаривать гдѣ нибудь въ полѣ. Боясь, чтобы предательскій вѣтеръ не донесъ его словъ до ушей директора, онъ дѣлалъ изъ своей ладони щитокъ, закрывая имъ ротъ съ подвѣтренной стороны. 3—й страшно надъ нимъ издѣвался, говоря ему такія вещи, какихъ не вынесъ бы послѣдній гимназическій сторожъ, а онъ, какъ истуканъ, стоялъ и слушалъ, не обнаруживая ни малѣйшаго признака жизни; только холодный потъ градомъ катился по его лоснящейся лысинѣ. Разъ засталъ я его въ директорской передней за головою:

— Ну, что ему говорить? обратился ко мнѣ директоръ, уваживая на Ситенскаго: вѣдь его мѣдный лобъ все равно, что вотъ (при этомъ онъ щиколоткой указательнаго пальца постучалъ о стѣну); я, право, не понимаю, отчего надзирателей нельзя сѣчь?

И кто бы подумалъ, что въ этомъ униженномъ и оплеванномъ человѣкѣ, какъ въ могилѣ, схоронены были тайны, ему одному довѣренныя тѣмъ же самымъ начальникомъ, который собирался его высѣчь? Лежа на смертномъ одрѣ, послѣ исповѣди и причастія, Ситенскій сознался своему пріятелю Сошенку, что всѣ секретныя донесенія на имя генераль-губернатора Бибикова переписывалъ всегда онъ, будучи обязанъ этою великою честію красивому почерку и своему молчаливому, робкому характеру. Этого никто не могъ подозрѣвать до самой его смерти.

Надзиратель высшаго отдѣленія общей квартиры Филипъ Андр. *Госовскій*, по образованію и по развитію, стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ товарищей. Какъ человѣкъ гуманный, прямой и справедливый, онъ пользовался довѣріемъ и любовью воспитанниковъ; Зимовской же подобныхъ людей „*террррррть не могъ*“.

Пріятно остановиться на такой свѣтлой личности подольше. Но мы лучше предоставимъ ему самому говорить о себѣ, помѣстивъ здѣсь немногія выдержки изъ его дневника.

„Служба моя началась должностію, къ которой я былъ вовсе не приготовленъ, не предполагая даже служить по учебному вѣдомству. Но я былъ твердо увѣренъ, что всякая обя-

занность не страшна тому, кто желаетъ трудиться. О людяхъ я имѣлъ тогда самыя чистыя понятія и потому, прибывши въ Немировъ, я не заботился разспросить о личности моего будущаго начальника. Я вошелъ въ переднюю, и, не видя никого изъ прислуги, отправился въ слѣдующую комнату. Здѣсь встрѣтился я съ Зимовскимъ. Одѣтъ онъ былъ довольно неопрятно, такъ, что на первый разъ показался мнѣ лакеемъ, и я чуть былъ не спросилъ: дома ли баринъ? Но замѣтивъ его гордую и самолюбивую фізіономію, догадался, что личность эта—мой начальникъ, и тутъ же отрекомендовался ему, представивъ билетъ, выданный мнѣ изъ канцеляріи попечителя на проѣздъ изъ Кіева въ Немировъ. Онъ улыбнулся, но въ этой улыбкѣ было что-то язвительное.

— Въ билетѣ вашемъ, сказалъ онъ, есть поправка—не вы ли ее сдѣлали?

Дѣйствительно, въ билетѣ было написано: данъ по 20 іюня, но по неосторожности канцелярскаго, не высохшія чернила растерты такъ, что трудно было разобрать, какимъ числомъ выданъ билетъ.

Такое несправедливое подозрѣніе въ подлогѣ сильно меня обидѣло. На вопросъ его я только могъ сказать: нѣтъ,—и скрѣпя сердце, замолчалъ.

— Идите, сказалъ онъ мнѣ довольно сурово, къ инспектору и возьмите у него надзирательскую инструкцію, прочтите ее и выучите наизусть.

Я поклонился и вышелъ. Директоръ произвелъ на меня на первыхъ порахъ дурное впечатлѣніе. Мнѣ сдѣлалось грустно. Не такимъ я воображалъ себѣ начальника.

.....Были вакаціи. Послѣ представленія моего директору, я болѣе не видалъ его. Прошло нѣсколько дней. У меня бывали письмоводитель Смоленскій и надзиратели. Вдругъ однажды входитъ Зимовской. Я былъ въ халатѣ, сконфузился и хотѣлъ выйти въ другую комнату надѣть сюртукъ, но онъ меня оставилъ и осматривая стѣны и полъ, со злостію сказалъ:

— У васъ накурено, какъ въ кабакѣ. Это что? а это?

И пошелъ указывать на каждое пятнышко, на брошенный на полъ окурокъ и т. п.

— Да вы мнѣ домъ спалите, а? Какой вы надзиратель?

Дѣлая мнѣ замѣчаніе, онъ былъ похожъ на раздраженную собаку. Говорилъ еще много кой чего, но я ничего не помню. По выходѣ его я долго не могъ прійти въ себя. Мнѣ все казалось, что это сонъ, а не дѣйствительность. Я не зналъ, куда дѣваться отъ тоски. Я не могъ постигнуть, какъ человѣкъ, безъ всякой причины, могъ такъ жестоко оскорбить подобнаго себѣ. Я не получилъ еще никакого назначенія, не начиналъ даже службы, а онъ упрекаетъ меня, что я не знаю своихъ обязанностей.

Прошли каникулы. Я получилъ въ свое завѣдываніе 3 отдѣленіе общихъ квартиръ и сталъ изучать свою должность на практикѣ. Директоръ ежедневно посѣщалъ мое отдѣленіе, и всякій разъ мнѣ отъ него доставалось. Онъ искалъ всевозможныхъ случаевъ придратъся ко мнѣ: приставить лѣстницу къ печкѣ, заглянетъ туда, найдетъ какой-нибудь клочекъ бумажки или пыль—нахлобучка; возьметъ тарелку—хукнетъ, потретъ своимъ носовымъ платкомъ—нахлобучка, да какая! Преступника арестанта меньше истязаютъ. Всѣ мелочи, неимѣющія никакого значенія въ дѣлѣ воспитанія, были предлогомъ, чтобы придратъся ко мнѣ и распечь. Такъ прошло около года. Я страдалъ подъ тяжкимъ гнетомъ деспотизма и не зналъ, чѣмъ пособить своему горю. Присматривался я, какъ у другихъ надзирателей; кажется ничего, особеннаго, все то же, что и у меня; имъ ничего, а мнѣ нахлобучка. Безчеловѣчное обращеніе со мной не столько меня огорчало бы, еслибъ онъ не дѣлалъ своихъ извительныхъ выговоровъ въ виду учениковъ и прислуги. Нѣтъ, тутъ то онъ и торжествовалъ. Я падалъ духомъ. Служба мнѣ опротивѣла.

..... Разъ приходитъ ко мнѣ добрѣйшій—дай Богъ ему царство небесное!—инспекторъ Беккаревичъ. По его смущенному виду замѣтно было, что онъ хочетъ что-то сказать, но не рѣшается. Посидѣвъ въ моей комнатѣ, поговорилъ болѣе о постороннихъ предметахъ и уходя сказалъ:

— Какая причина тому, что Е. Я. такъ ожесточенъ противъ васъ? У васъ все исправно, вы успѣли расположить къ себѣ воспитанниковъ—странно. Онъ вамъ хочетъ зло сдѣлать, и я васъ предупреждаю: будьте осторожны въ словахъ—не всякому довѣряйтесь. Есть неблагонамѣренные люди, они то, кажется, и вредятъ вамъ. Что за мерзавецъ этотъ Зимовской, прощайте!

Послѣ этого посѣщенія, я началъ припоминать всѣ случаи гнѣва директора и оказалось, что всякій разъ онъ разражался надо мною вслѣдъ за посѣщеніемъ меня какимъ-либо изъ его агентовъ, которыхъ я считалъ добрыми людьми, которымъ я вѣрилъ, что они сочувствуютъ моему горю, и предъ которыми я не скрывалъ своего глубокаго презрѣнія къ дѣйствіямъ Зимовскаго. Инспекторъ навелъ меня на настоящую дорогу. Я пересталъ говорить о директорѣ. Я не зналъ прежде, что у него много шпионовъ, которые все, что видятъ и слышатъ, объ всемъ трубятъ въ уши директору. Я не скрывалъ передъ ними своего о немъ мнѣнія, а они, преувеличивъ вдвое все, что я говорилъ, передавали ему.

Другая причина негодованія 3-го—мое пренебреженіе къ его безмѣрному высокомѣрію, которому я не въ состояніи былъ удовлетворить съ перваго моего представленія. Онъ требовалъ униженія, низкопоклонства отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, а особенно отъ надзирателей, совершенно отъ него зависѣвшихъ. Онъ требовалъ, чтобы въ его присутствіи держали руки пошвамъ, вытягивались въ струнку, на каждое его приказаніе отвѣчали по солдатски: слушаю! стояли бы возлѣ самаго порога и дальше ни шагу, смѣялись подобострастно, если онъ надъ кѣмъ-нибудь издѣвается, хвалили бы безъ зазрѣнія совѣсти всѣ его дѣйствія, даже всѣ принадлежащія ему вещи, при встрѣчѣ стояли передъ нимъ безъ шапки. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, я сдѣлался осторожнѣе, уклоняясь, елико возможно, отъ лести и угодничества. При встрѣчѣ, напр., я снималъ шапку и тотчасъ покрывалъ ею голову. Онъ не разъ дѣлалъ мнѣ замѣчаніе или косвенные намеки въ родѣ такихъ: „вамъ, вѣроятно, солнце печетъ въ голову? Или: козырекъ вашей

фуражки, кажется, мѣшаетъ вамъ видѣть?" Но я прижидывался непонимающимъ этихъ вовсе не тонкихъ намековъ.

Директоръ никогда не наказывалъ учениковъ по донесеніямъ надзирателей, а призывалъ къ себѣ надзирателя и ученика, дѣлалъ очную ставку, заставляя при ученикѣ рассказать о его проступкѣ; ученикъ, разумѣется, оправдывался и всегда оставался правымъ, а надзиратель уходилъ съ носомъ. Если же и наказывалъ ученика, то всегда говорилъ ему: „вотъ видишь, надзиратель на тебя донесъ!“ Такими дѣйствіями онъ вооружалъ воспитанниковъ противъ надзирателей.

Шпіоны у Зимовского были не только между чиновниками и прислугой, но и между учениками всѣхъ возрастовъ. Попалъ онъ гдѣ-то бѣднаго сиротку, мальчика лѣтъ семи, взялъ его къ себѣ якобы изъ состраданія, а въ сущности для того, чтобы воспитать его по своему, т. е. сдѣлать изъ него покорнаго раба, готоваго на всякія низости. Скоро въ мальчикѣ обнаружился слѣды такого воспитанія. Его можно было видѣть подъ дверью, подъ окномъ, или найти спрятавшимся въ темный уголъ комнаты, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ квартирахъ. Высмотрѣвъ все, что тамъ происходило, онъ незамѣтно ускользалъ.

Учениковъ, преданныхъ себѣ, директоръ поддерживалъ всѣми правдами и неправдами во время экзаменовъ, а надѣясь на такую поддержку, даже способные переставали учиться и оставляли гимназію, дѣлаясь большими негодьями. До прибытія 3—го въ немировской гимназіи было 600 учениковъ; въ короткое же время его управленія половина учащихся уволилась, остались большею частію бездарные трусы. Составляя отчетъ за трехлѣтнее управленіе и ставя въ параллель прежніе порядки съ своими, онъ выставлялъ начальству свои заслуги самымъ безсовѣстнымъ образомъ: что онъ де искоренилъ взятки, возвысилъ нравственность учениковъ, улучшилъ методы преподаванія, и чего не написалъ онъ въ свою похвалу ¹⁾! Каждому

¹⁾ Историческая записка къ 50-лѣтнему юбилею немировской гимназіи 1887 г. объ управленія 3—го повторяетъ тоже самое, такъ какъ единственнымъ источникомъ для составленія записки служили автору ея годовые отчеты, самымъ 3—мъ сочиненные — хороша исторія!

встрѣчному кричалъ онъ, что для немировской гимназіи, съ его прїѣздомъ, началась новая эпоха, что старая закваска имъ уничтожена.

Зимовской хорошо зналъ, что ученики VII класса получаютъ медали и аттестаты не по истиннымъ заслугамъ, а съ его помощью, и потому онъ убѣждалъ ихъ не поступать въ университетъ св. Владиміра, а ѣхать въ Харьковъ, не будучи увѣренъ въ томъ, чтобы—при повѣрочныхъ экзаменахъ ихъ аттестація оказалась справедливою. Какъ ни хвасталъ онъ, что послѣ перечистки гимназіи у него остались одни „жемчуги и брилліанты“, но въ душѣ не могъ не сознавать, что успѣхи и нравственность учащихся не только повысились, но значительно понизились. Для исправленія этихъ „жемчужинъ и брилліантовъ“ въ общихъ квартирахъ были назначены экзекуціи, на которыя директоръ всегда приходилъ самъ и публично, въ общемъ собраніи всѣхъ учениковъ, дралъ розгами лѣнтяевъ и шалуновъ, начиная съ 10-лѣтняго мальчугана до 20-лѣтняго юноши отъ 1 до VI класса включительно. Разъ онъ хотѣлъ высѣчь и учениковъ VII класса; всѣ разбѣжались, остался только одинъ по трусости и сталъ молить о пощадѣ, вслѣдствіе чего ему досталось только розгами по спинѣ. Въ этотъ же разъ много было высѣчено взрослыхъ. Тутъ же чуть было не рѣшилась участь и самого Зимовского: ученики зашумѣли, вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились на него, но онъ улизнулъ *зане не приспе часъ ею*. Раздраженіе воспитаниковъ все усиливалось и привело къ роковому дню 14 ноября 1848 года“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.¹⁾

(1750—1784 г.).

69) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1774 г., 25 сентября.

М. г. братецъ, Григорій Андреевичъ Присилка къ вамъ дѣль и увѣдомленія о сроки, на какой срокъ зоветъ братъ Стефанъ суддей на очной разговоръ, умѣдлена потому, что я отъ Слюза на посыланное письмо нѣчего не получилъ, какъ толко то, что онъ самъ хотѣлъ быть въ Ромень на 11-е число сего сентября, и со мною, о чемъ надобно, поговорить; онъ самъ не былъ, а приѣхалъ Павелъ Михайловичъ Воротилякъ и объявилъ мнѣ, что они не требуются на очній разговоръ, а имѣють в получении указы зъ суда генералного во многомъ числѣ, по дѣламъ нашимъ полюбовнымъ, коими судъ генералный порознь требуетъ присилки репортовъ. Онихъ указовъ копиі всѣ ко усмотренію вашему присемъ прилагаются, и сочиненіе репорта по онымъ въ судъ генералный Павломъ Михайловичемъ термѣнами къ вамъ посылаются съ тѣмъ, чтобъ вы оніе пересмотрѣли порядочно, дабы немогло быть какой ошибки, и исправили, и какъ возможно найскорѣ сюда присилали ибо земскій судъ въ первыхъ числахъ октября розедется; а за присилкою оніе будутъ отправлены со всѣми дѣлами въ Глуховъ и вы будете о томъ чрезъ нарочного жъ увѣдомлены. Подлѣнніе компромисси—2, полюбовныхъ рѣшеній—2, постановленіе между нами или сказать со-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 4.

гласіе подлѣнное—1, справочніе копіи судей земскихъ рѣшеній—5, при семъ къ вамъ посылаются. Замѣтка руки Павла Михайловича посылается, который можетъ назваться честнымъ и добрымъ человѣкомъ, прилѣжнымъ его и неусыпнымъ рачеціемъ въ дѣлахъ нашихъ нѣтъ съ нимъ никакихъ заботъ, все что слѣдовало вамъ объявить о нужныхъ дѣлахъ, объявилъ. Теперь приступаю къ объявленіемъ о нашей коммерціи. Милостию Божіею наши фури всѣ сохранены отъ несчастнаго случая и непріятельскаго нападенія, и слѣдуютъ къ соли къ тарифѣ. Семень Ивановичъ уже былъ въ Ромнѣ и отправленъ отъ мене въ тарифу съ часточкою маленькою денегъ, а еще надобно денегъ, надо платить въ тарифу и заплатить круговымъ фурцикамъ двѣ тысячи рублей. Я уже сломя голову шатался, куда возможно, за денгами, но не могъ нѣкакимъ образомъ достать и затѣмъ къ вамъ адресуюсь съ тѣмъ, что естли вы означенныхъ денегъ двухъ тысячъ рублей, взявши оніе въ кого маете, хочайъ въ десятого процента, чрезъ восемь дней не пришлете, то я къ вамъ и ваше со мною обязательство на случай неприсилки вами денегъ, посылаю, которое вы при себѣ удержѣть и ненадѣйтесь нѣ соли, ни бариша, потому что я долженъ буду великую часть соли на своей цѣнѣ, за готовіе денги продать и денги визволить, чтобъ было чемъ заплатить въ тарифу и фурмапамъ, кои всего страшнѣе заидать, естли за поставкою ими соли заплатить будетъ имъ нѣчемъ. Я отъ Левандовскаго не получилъ ни одной копейки. Какъ знаете, такъ и добуйте денегъ, а я болѣе уже доставилъ денегъ. А впрочемъ не здивуйте: ябы вседушне радъ вамъ симъ не кучить, но истинно способу нѣтъ чзмъ кончить промисль, а и мнѣ, имѣющему на себѣ всю тягость онога промисля, убитка имѣть не слѣдуетъ, что объявивъ къ должнѣйшимъ моимъ почтеніемъ пребуду и есмь вашъ, милостиваго государя, братца, цокорнѣйшій слуга Андрей Полетика, Р. С. Надлежитъ ли подлинніе судніе рѣчи, сказанніе въ полюбовномъ судѣ, всѣми сторонами, къ репортамъ приложить и ежели надлежитъ, то откудова ихъ отискать, особливо сказанніе со стороны Ласкевичей и Телеснѣцкаго, понеже ихъ придѣлѣ нетъ; вѣрующее, давное отъ Стефана

Полетики, Пугачу на выслушаніе приговоровъ, надобно ли приложить и гдѣ оно: не въ васъ ли? естли въ васъ, пришлите.

70) *Адмирала Ивана Логиновича Кутузова, изъ С.-Петербурга, 1774 г., 5 ноября*¹⁾.

М. Г. мой, Григорій Андрѣвичъ! Дружеское, пріятнѣйшее писмо темъ болѣе меня обрадовало, что будучи о васъ въ неизвѣстности, приписывалъ молчаніе ваше или вашей или изъ любезнаго семтйства вашего, чьей либо болезни или другимъ какимъ непріятнымъ для васъ обстоятельствамъ, но нынѣ, къ крайнему моему удовольствію, отъ сего безпокойства я избавленъ. Благодарю васъ попримногу, любезный мой другъ, какъ за оное писмо, такъ и за гостинцы, но жаль, что изъ оныхъ бутылки съ розовою и земляничною водою разбиты. Такъ, мой другъ Григорій Андрѣвичъ, человекъ вездѣ человѣческому жребію подверженъ и въ городѣ, и за городомъ, какъ апостоль говоритъ: беды въ городѣ.... Однако одни болше, а другія менше. Въ городе, а паче въ службѣ, одна зависимость человѣческой свободѣ тягостна, а когда притомъ и угнетѣніе есть, то тягость становится сугуба. Матерія сия столь пространная, что много можно объ оной разсуждать, а я заключу „нѣтъ щастья на земли, на небесахъ оно, богамъ оставлено и смѣртнымъ не дано.“ Доздѣ Сумароковъ въ Гостомыслѣ. Новыя чада фортуны не толко лучшаго не привносятъ, но болѣе непрístupны и горды оказались. Кратко: терпеніе и спокойство духа потребно, кои я, благодаря Бога имѣю. Сверхъ того, внутрь моихъ домашнихъ заключаюсь, считая себя доселѣ благополучнымъ. Главное мое упражненіе нынѣ въ воспитаніи детей. всемъ извѣстный ко мне приехалъ. Но я не слѣдуя примѣру прочихъ отцовъ, не тоюмо собственнаго труда воспитаніе дѣтей почитаю, но ѣ прямою отеческою должностію, а особливо въ наставленіи сердца во благонаравіи и образѣ предначертанія въ продолженіи учения. Вотъ, мой любезный другъ, что тебѣ о себѣ сказать имѣлъ. Возвращусь паки къ фортуны:

¹⁾ Въ это время директора морскаго кадетскаго корпуса.

приключеніе Дионисиево (?) со старухою вамъ памятно, которую онъ нашель молящуюся о его благоденствіи. Изъ сего заключить вы можете легко, что послѣдняя становится горше первыхъ. Посылаю вамъ небольшой гостинецъ, ящикъ съ дюжиною бутылокъ разныхъ винишекъ, кои уже у меня дома случились. Примите сие за знакъ моего дружелюбія. После всего, осталось мне засвидетельствовать вамъ и дражайшему вашему семейству мое истинное и непремѣнное почтеніе. Я не сумнѣваюсь о вашей къ намъ дружбѣ, какъ и томъ, что вы любезную свою для меня и утешительную переписку продолжать не оставите. Наконецъ, пожелавъ вамъ отъ чиста сердца всехъ благъ отъ Бога на всю жизнь, называться не премину, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій и преданный слуга Иванъ Г. Кутузовъ ¹⁾.

За дружеское приписку принашу маю благодарность, продолжайте сие, для насъ утешительно ведать, что вы со всеми вашими здарови; весьма благодарю за участія, каторія вы примете въ нашихъ обстоятельствахъ, и еще разделаете наши прискорбности. Сколь не старалась я бодрствовать духомъ, но ударъ за ударомъ и притомъ не зря себе нигде ни малейшей надежды, все сие такъ стеснили мое сертце, что корпусъ мой великое чувствуетъ всебѣ растройку, и я часто бална бываю. Не стану васъ отягощать описаніемъ моихъ припатковъ, зная, что сие наведетъ вамъ прискорбнасть. За гостинцы васъ благодарю и сама посылаю. Верте мне, что я всехъ васъ помну и желаю вамъ спокойства, здоровья, долгій векъ и навсегда верная ко услугамъ Авдотья П. Кутузова.

71) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1774 г., 10 ноября.

М. Г. мой, братецъ Григорей Андреевичъ. Всю экспедицію къ вамъ посылаю, а репорти пойдутъ отъсюду въ Глуховъ сего ноября 12 числа; могли бы они послани быть и по пре-

¹⁾ Обозначенныя точками мѣста — не прочитаны вслѣдствіе неразборчивости почерка.

жней почтѣ, но поелику, какъ слыхалъ я, что въ Глуховѣ былъ братъ Стефанъ, съ посылкою онихъ поудержался для того, чтобъ къ вамъ прежде отправить, даби ви заразъ ехали въ Глуховъ. Что принадлежитъ до обширныхъ вашихъ по соляному промыслу мнѣ приписанныхъ репримандовъ и пороковъ, противу онихъ учиню вамъ возраженіе словесно, естли удатся мнѣ съ вами видѣтся въ Глуховѣ слѣдующой филиповки. Ви тамъ много де-чого пописали такого, что по всѣмъ правиламъ купеческому промыслу есть противно; денегъ я отъ вашего Даналченка не получилъ ни единой копейки и нинѣ что крученіи (?) за денгами ви много помогли въ семь промыслѣ и на соль сискали, по вашему обязательству, купца и денгами снабдѣли, а любитемете сотъ четыре или пять рублей взять барыша, чемъ перемѣн . . . я додержу моего слова, а впредь навчусь, какъ товаришить съ такими помочниками. Въпротчемъ зъ должнѣйшимъ почтеніемъ пребуду и есмь вашъ, милостиваго государя, моего братца покорнѣйшій слуга Андрей Полетика. Воротилыкъ посилаетъ къ вамъ письмо; помогѣть ему въ его прозбѣ, онъ и впредь намъ пригодится.

72) *Графа Ивана Григорьевича Чернышева* ¹⁾, изъ *Москвы*,
1775 г., 20 октября.

Государь мой Григорей Андреевичъ! Съ сердечнымъ удовольствіемъ получилъ, государь мой, ласковое ваше ко мнѣ письмо. Не могу я болѣе изъявить вамъ благодарности моей за неложныя желанія ваши о здоровье, щастіи моемъ, какъ такими же точно чистосердечными выраженіями, какими вы увѣрили меня о истиннѣ вашей ко мне любви. Чемъ пріятнѣе было мне видеть признаніе вашей благодарности за слабыя мои къ вамъ услуги, темъ болѣе обязываете вы меня по возможности моей, оказать вамъ новыя большія, и конечно почту великимъ удовольствиемъ, естли темъ сохраню таковыя ваши къ себѣ благородныя сентименты. Графиня Анна Александровна ²⁾ прино-

¹⁾ Президентъ адмиралтействъ-коллегіи. Р. 1726 + 1797.

²⁾ Вторая жена Чернышева, рожд. Исленева.

ситъ вамъ свою благодарность за присланныя ей отъ васъ конфеты, и мы оба просимъ васъ засвидѣтельствовать почтеніе наше любезной вашей сожительницѣ, и быть увѣреннымъ, что ничего не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ при всякомъ случаѣ доказать вамъ особое почтеніе, съ которымъ пребываю, государь мой, покорный слуга гр. И. Чернышевъ.

73) *Адмирала Ивана Логиновича Кутузова, изъ С.-Петербурга, 1775 г. 8 ноября.*

М. Г. мой, Григорій Андрѣевичъ! За дружеское ваше письмо съ челобѣнкомъ вашимъ, покорно благодарствую; вы увѣрены, что письма ваши великое удовольствіе мнѣ приносятъ, и я истинно сердцемъ жалѣю, что не имѣемъ случая такъ часто писать другъ ко другу, какъ бы того желалось. Благодарю васъ за дружескій совѣтъ о поведѣніи съ извѣстными господиномъ, но къ сожаленію не всѣгда оному слѣдовать можно, иногда не бываетъ времени даже и одуматься, для того, что въ дѣлахъ часто или согласится или несогласится надлежить, и я конечно сколько можно слѣдовать буду, и досѣле слѣдовалъ; наважнѣйшее дѣло настоятъ мнѣ съ вами, любезный другъ, бесѣдовать: време наступаетъ мыслить мнѣ о ученіи сыновей моихъ. То васъ прошу дать мнѣ дружескій свой совѣтъ. Они теперь учатся по руски и по французки, географіи и частію исторіи, а отъ васъ требую, чтобъ вы мнѣ сообщили планъ разположенія ихъ предбудущаго ученія: 1-е, чему ихъ учить, 2-е, чему за темъ слѣдовать должно и 3-е, образъ или методъ ученія. Разсуждаю, что они не назначаются, собственно въ ученые люди но . . . въ известное состояніе, то есть, никуда или всюды. Вы, чаю, мѣня понимаетете, что я разумѣю чрезъ никуда или всюды; у насъ, вамъ извѣстно, нетъ ничего определеннаго: всякъ долженъ быть все, то есть и военный, и штатскій, и ученый, а для того большую часть, суть ничто, то есть за все взявшись, ничего не знаютъ. Вы знаете впротчемъ, мой другъ, что дворянское ремесло есть шпага, по этому надобно быть имъ у (гвардію?), но мнѣ хочется, чтобъ они и во всѣмъ прочемъ

не были невѣжи; сего то я отъ вашей дружбы ожидаю, не надѣясь получить отказа. Вы знаете, я думаю, что я перемѣненъ чиномъ и пожалованъ вице-адмираломъ. Я знаю, что сие васъ много порадовало. Сие послѣдовало въ торжество мира; и такъ теперь что до мѣне касается, то я въ мѣсто свое вошелъ, и хотя поздно, но мнѣ обиды мои удовлѣтворены; мнѣ неостается болше чести желать, толко бѣдное состояніе мое, а особливо въ разсужденіи дѣтей, мѣня тревожить; да надѣюсь на Бога, что и въ томъ когда живъ буду, оставлѣнъ не буду. Вотъ, мой любезный другъ, все вамъ сообщилъ о себѣ и о своемъ. Изъ него вы видитѣ, сколь много я васъ почитаю и люблю. Прошу покорно сообщить о вашихъ обстоятельствахъ, то есть каковы вы въ здоровье и о любезныхъ дѣтяхъ вашихъ, которые я уповаю успѣхами своими во ученіи достойны васъ. Скажите мнѣ куда вы ихъ опредѣляете или назначаете. Я во всемъ касательномъ васъ приемлю истинное участие, и отмѣнно почелъ бы себя щастливымъ, когдабъ могъ хотя мало въ чемъ либо способствовать, но чего дѣломъ исполнить немогу, то хотя желаниемъ и усердиемъ. Приятное и любезное для мѣня съ вами, (?) окончаю, сказавъ вамъ, что я съ истиннымъ почтениемъ, преданностію и непремѣннымъ дружелюбиемъ навсѣгда останусь, м. г. мой, вашъ покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Г. Кутузовъ Р. С. Сообщаю вамъ переводъ сына моего Павла, въ которомъ ничего чужаго нѣтъ, но то самое какъ онъ сказывалъ кромѣ двухъ словъ воевѣмъ, которые онъ не в разумѣ Авдотья Ильинишна свидѣтельствуя вамъ и Алѣнѣ Ивановнѣ свое почтение, покорно благодарить за гостинцы и просить простить, что на сей разъ не нашла ничего семейнаго взаимно послать.

74) Адмирала Ивана Кутузова, изъ С.-Петербурга 1776 г.,
26 іюля.

М. Г. мой, Григорій Андрѣевичъ! Давно уже не имѣлъ я удовольствія получить дружеское ваше писаніе, но не жалуюся на то потому что инако нельзя писать, какъ съ нарочнымъ; я очень часто ищу случая къ пересылкѣ къ вамъ писемъ; труд-

но оный нахожу, какъ и теперь насилу посредствомъ г. Леви-
ница (?) тотъ могъ сыскать. Главное дѣло о чемъ къ вамъ пи-
сать имѣю, есть то, чтобъ дать знать вамъ, какъ моему другу
любезному, участвующему въ моемъ состояніи, о себе и изъ-
явить всѣгдашнѣе и нелицемерное мое къ вамъ почтеніе и дру-
желюбие. И такъ доношу, что я со всѣми моими, благодаря
Бога, здоровъ; почитаю васъ и люблю, какъ всѣгда то было,
ибо знакомство и дружелюбие, основанное на добродѣтели и
почтеніи, укрѣпленное долгимъ временемъ и опытами, есть не-
изменно. Что до моихъ обстоятельствъ касается, то они всѣгда
одинаковы, то есть ни худы, ни хороши, а держу себя единою
службою и трудами, и неимѣю никакого вида къ полученію чего-
нибудь къ поправленію моей участи, а паче къ поправленію
участи детѣй. За новость вамъ донесу, что ея императорское
величество удостоила своимъ присутствиемъ флотъ, стоявшей на
Кронштатской рейдѣ, чему и описаніе прилагаю. Вы увидите
награждени за прошедшую войну, а притомъ и темъ кои здѣсь
были за особливья труды, но мои видно что малы, а сие всѣ
работа нашего главнаго. Князь Потемкинъ недавно отсюда ѣз-
дилъ, и сказываютъ, что будетъ жить в своемъ домѣ, которой и
купленъ у графа Разумовскаго, тотъ что известѣнъ подъ име-
немъ Аничковскаго. Вашъ землякъ Петръ Васильевичъ Заво-
довской пожалованъ генераль маіоромъ о чемъ вы, я чаю, уже
свѣдомы. Мнѣ онъ несколько знакомъ по Муромцовѣ, моемъ
двоюродномъ шуринѣ, которой губернаторомъ въ Тверской гу-
берніи; онъ мнѣ сказывалъ, что онъ вамъ и свой. Прошу васъ,
какъ моего друга, ежели можете ознакомте ему мѣня и реко-
мендуйте, какъ добраго человѣка, онъ васъ очень почитаетъ.
Внутитѣ ему о моемъ состояніи и о моемъ прямотушии и прав-
долюбіи; онъ бы не погрѣшилъ, здѣлавъ мнѣ какое нибудь
добро. Я сие къ вамъ пишу, полагаю, что ежели вамъ то мож-
но и статно вразсужденіи вашихъ съ нимъ обстоятельствъ, и
надѣюсь, что вы мнѣ въ томъ помочь не откажетесь, дѣлая то
не какъ стороннимъ отъ себя образомъ, чтобы (?) вниманіе и
знакомство его заслуживаю, однакожъ повторяю, когда то вамъ
способно и прилично. Изъ земляковъ вашихъ г-да Коневскіе

отмѣнны, а особливо меншой, которой по наукамъ и поведѣнію теперь первой и сержантомъ, а г. Лобyseвичъ¹⁾ въ корпусѣ подпоручикомъ. Теперь осталось въ заключеніе испросить у васъ увѣдомленія, какъ вы съ любезными своими домашними обретаетесь и весело ли свое время и спокойно ли проводить, чемъ мнѣ великое удовольствіе покажите. Окончу мое писмотѣмъ, что съ истиннымъ и непремѣннымъ почитавіемъ и дружелюбіемъ навсѣгда пребуду, м. г. мой, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Г. Кутузовъ.

75) *Адмирала Ивана Логиновича Кутузова, изъ С.-Петербурга, 1776 г., 29 октября.*

М. Г. мой, и любезный другъ Григорій Андрѣевичъ! Случилось мнѣ быть у Петра Васильевича Заводовскаго, гдѣ я видѣлъ шурина вашего и съ великимъ удовольствіемъ отъ него услышалъ, что вы предъидущю зимою сюда быть намѣрены; но удовольствіе мое и радость несравнѣнно умножило дружеское ваше письмо, подтверждающее тожь самое. Приезжайте, мой дражайшій другъ, приезжайтѣ и утештѣ человѣка, истинно васъ почитающаго! Незнаю я получили ли вы отъ мѣня письмо, отправленіе отъ мѣня съ бунчуковымъ товарищемъ Тимоеемъ Левенецѣмъ,²⁾ который записалъ ко мнѣ сына, и поѣхавъ отсюда, взялся вѣрно оное къ вамъ доставить. Я разумѣю не получили ли вы послѣ отправленія сюда человѣка вашего. Больше писать неразпространяю, ласкаясь надѣждою васъ самолично увидѣть и бесѣдою вашею насладится. Во ожиданіи сего воз-

¹⁾ Говорится о Степанѣ Павловичѣ Лобyseвичѣ (род. въ 1754 г. въ с. Гримачемъ, подъ Погаромъ, а въ 1813 г.—отставн. капитанъ-лейтенантъ), который въ литературѣ извѣстенъ какъ переводчикъ книжки „Любовь Палирія и Дирфія“ (Спб. 1774, 24 д., 149 стр.), посвященной „его пр—ву генералу казначею, госуд. адмирал. коллегіи члену и морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса директору Ивану Логиновичу Г. Кутузову.“ Въ посвященіи читаемъ: „превосходительный господинъ! М. Г. Я имѣя честь быть изъ числа воспитанниковъ вашего пр—ва и имѣя щастіе пользоваться отеческими вашими благодѣяніями, поставляю заботѣ мой принести вамъ, м. г., первый сей опытъ упражненія моего, яко плоды труждающемуся дѣтелю, въ знакъ найпривзательнѣйшей благодарности....“

²⁾ Левенецъ?

дѣлѣннаго для меня случая, смѣю васъ увѣрить, что я навсѣгда останусь съ нелѣпѣмѣрнымъ къ вамъ почитаніемъ и дружелоубиємъ, м. г. мой, вашъ покорный слуга Иванъ Г. Кутузовъ. Р. S. Человѣку вашему, по прозвѣ ево, даль я 30 р. дѣнегъ, потому что онъ въ другихъ мѣстѣхъ, гдѣ ему отъ васъ взять приказано, не могъ получить.

Я вамъ обеимъ, моимъ любезнымъ друзьямъ, приписую истинное почтение; благодарю за гостинци; любезной Алене Ивановне взнакъ памяти посылаю на платьѣ остннчкой (sic) матеріи, желаю насыть на здаровья! Детемъ вашимъ желаю всехъ благъ отъ Бога, пребуду вамъ всегда верная ко услугамъ Аг. К.

76) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1777 г., 25 октября.

М. Г. мой, братецъ Григорей Андрѣевичъ! Сего октября 22-го арсинагогъ (?)¹⁾ пріездилъ въ Коровинцѣ зъ двумя возними, четирма шляхами, в лисицѣ одѣтеми, для полученія опеки и описиванія братнихъ имѣній, но получа отъ мене нѣсколько фигъ, отъехалъ обратно. До безъконечности мене безпокоить, ругаетъ мене и васъ, какъ можно болѣе, и въ одномъ мѣстѣ говорилъ: пускай де панъ Григорій мудрствуетъ, я всѣ дѣла въ нивочто оберну! И весьма скоро будетъ к вамъ въ Петербургъ. Такъ надѣется беззаконнымъ образомъ надъ нами побѣду получить, хочай би и в сенатѣ дѣла конченни, надѣется на не отмѣнную помощь случайнаго человѣка З²⁾. Онъ, сказуютъ, ему знакомъ коротко. И такъ, я васъ увѣдомляю и предостерегаю употребить средство познакомится и преодолѣть козненніе хитрости, даби вслучаи, по отъездѣ вашемъ съ Петербурга, не надѣлано пакостей. Петръ Василіевичъ отвизается въ Штербургѣ къ мѣсту, вѣрно васъ увѣдомляю, пребывая въ протчемъ зъ неотмѣннымъ и должнимъ почтеніемъ, вашъ м. г. братца покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

¹⁾ Левандовскій.

²⁾ П. В. Заводовскаго.

77) *Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1777 г., 15 ноября.*

М. Г. мой, братецъ Григорей Андрѣевичъ. Въ прежнемъ писмѣ моемъ писалъ я къ вамъ, что беззаконій нашъ земскій судъ приговорилъ опеку Левандовскому, почему онъ зъ возними и шляхтою приехалъ въ Коровинцѣ, для отбору отъ мене опеки, но получивъ отъ мене самага болшого сорту дулю, возвратився вспять во Иудею. Имѣлъ желаніе къ опеки, аки елень на источники водния, имѣя жадность, устремляется; но получивъ отъ суда генералнаго уничтоженіе самое кепское опредѣленія земскаго суда, которое по моему старанію опрокинуто, жадности своей не утолил; нинѣже, в самомъ скоромъ времени, устремляется къ С. Пѣтербургу и хочетъ вестъ дѣтей туда, увѣряя всѣхъ, что онъ старшую здѣлаетъ при дворѣ фрелъною, имѣя при томъ неотмѣнную надежду на Семена Гавриловича, что и опеку у мене вирветъ зъ рукъ; и дѣла хочай би и в сенатѣ и въ нашу ползу кончились, онъ опрокинетъ; онъ сіе торжественно пророчествуетъ, о чемъ васъ увѣдомляю, наискорѣйшаго и благополучнѣйшаго ожидая вашего прибытія, пребываю зъ должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ м. г. моего покорнѣйшій слуга Андрей Полетика. Послѣ карети, привезите, на щетъ мой, хочай на десять трубокъ курителнаго табаку, а носового самого найпревосходительнѣйшаго, фунтовъ съ 5. А съ Москви не можете ли доставить хочай полъ коляски, за вашими цруками, что какъ скоро оная будетъ въ Ромень привезена, то денги чрезъ здешняго купца Сидора Петровича Хаврина, которой въ Москвѣ многимъ купцамъ извѣстенъ, будутъ послани в тожь время, ибо онъ въ Москвѣ всякой годъ разовъ четыре и шесть биваетъ; отнюдь нѣчемъ в городѣ виехать зъ двора, а иначе и вамъ приехавши въ Ромень, нѣ начемъ будетъ виежать.

78) *Гр. Ивана Григорьевича Чернышева, 1778 г., 11 апрѣля.*

Государь мой Григорей Андрѣевичъ! Благодарствую, государь мой, за увѣдомленіе мѣня о приездѣ вашемъ въ жилище свое; благодарствую много такжѣ за себя и за свою жену, о присылки конфектовъ, которыя очень хороши. Радуюсь много

удовольствію вашему, которое въ деревенской жизни находить и завидуя тому, и прося о продолженіи ко мнѣ вашей дружбы, увѣряю, о искренности моихъ извѣстныхъ вамъ сентиментовъ, съ которыми и пребуду, государь мой, всегдашній слуга гр. Чернышевъ. Г-ну Полетикъ.

79) Брата Ивана Андреевича,¹⁾ 1779 г., 8 января.

М. Г. мой, братецъ Григорей Андреевичъ. Посылаю к вамъ заказанные отъ васъ заедки, на которыя вы и сахару тридцать пять фунтовъ и пудъ прислали, за работу которыхъ доводитца шестнатцать рублей четвертью; я оныя здѣсь заплатилъ, а вы пожалуйста, тамъ прикажите заплатить Ивану Матвѣвичу, а сверхъ того посылаю вамъ отъ себя одинъ пудъ заедковъ, которые я вамъ долженъ. О коровинскихъ нашихъ делахъ я никакого извѣстія не имею, какъ они до зимы остались, и не могу ни у Андрея Андреича, ни Ивана Матвѣвича допроситца, чтобъ они меня о томъ уведомили, и для того, ежели оказія будетъ, пожалуйста меня о томъ уведомить неоставаяе и когда весною потребенъ будетъ нашъ съѣздъ, впротчемъ съ истиннымъ моимъ к вамъ усердіемъ остаюсь вашъ, м. г., вседоброжелательный братъ и слуга И. Полетика.

80) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1779 г., 24 іюля—4 августа.

М. Г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Тому уже пятый мѣсяцъ, какъ я собираюсь писать къ вамъ, получа въ началѣ марта письмо ваше отъ 28 декабря прошедшаго года, а потомъ въ апрѣлѣ, другое отъ 23-го февраля нынѣшняго года; но разныя обстоятельства, хлопоты, и безпокойства не токмо политическія, но и мои собственныя, о которыхъ чаятельно вамъ уже извѣстно, и которыя понынѣ еще не совсѣмъ миновались,

¹⁾ Иванъ Андреевичъ Полетика, 1724—1783, докторъ медицины; женатъ на плѣвннй турчанкѣ Фатъмѣ; оставилъ сына Петра (членъ государственнаго совѣта, — 1845) и двухъ дочерей Катерину (фрейлину) и Марью. См. о немъ Киевская Стар. 1893 г., № 5, май, 287—291.

по сіе время препятствовали мнѣ исполнить и долгъ мой передъ вами, и требованіе ваше. Теперь-же, получа чрезъ прибывшаго сюда на сихъ дняхъ, нѣжинскаго купца Дмитрія Муранта, третіе письмо ваше, писанное изъ Ромна, маія 12-го числа, принужденъ я принятъся за отвѣтъ на оныя писма; но прежде всего я долженъ вамъ, м. г. мой братецъ, вкратцѣ примѣтить, что сперва извѣстныя вамъ политическія наши хлопоты, и происшедшія отъ оныхъ весьма сумнительныя о здѣшнемъ пребываніи нашемъ обстоятельства, причиною были моего предъ вами молчанія, а потомъ оказались собственныя для меня безпокойства, въ которыхъ находясь и по нынѣ, я обойтись, чтобы со дня на день не откладывать отвѣта моего на выше означенныя ваши писма, ожидая рѣшенія жеребію моему, о которомъ еще и теперь не могу ничего сказать вамъ подлиннаго; въ чемъ же состоитъ дѣло, о томъ не премину я въ концѣ сего писма учинить вамъ нѣкоторое изъясненіе. А между тѣмъ приступимъ къ отвѣту, котораго вы отъ меня ожидаете, съ октября мѣсяца прошедшаго года и которымъ однакожь я съ моей стороны долженъ вамъ только съ марта мѣсяца сего года, ибо первыя два писма, кои отъ васъ въ октябрѣ и въ ноябрѣ мѣсяцахъ отправлены были, совсѣмъ до меня не дошли, о чемъ вы, уповаю, уже и отъ Василя Александровича Шарапова имѣете увѣдомленіе. По запискѣ, данной вами г. Кудрявскому, здѣлана отъ меня чрезъ г. Коха справка, которую желали вы имѣть о Презбургскихъ школахъ и о прочемъ. Сію справку съ достаточнымъ увѣдомленіемъ обо всемъ, чего по оной запискѣ хотѣлося вамъ знать, найдете вы, м. г. мой братецъ, въ приложенномъ при семъ оригинальномъ писмѣ, которое г. Кохъ предъ нѣкоторымъ временемъ получилъ отъ ректора Презбургскихъ школъ, такожь и въ запискѣ, которая отъ конректора тѣхъ же школъ присовокуплена къ оному писму, изъ коего вы усмотрите, что едвали вамъ можно будетъ успѣть привезти или прислать дѣтей вашихъ сюда къ тому времени, въ которое въ реченныхъ школахъ начнутся годовыя лекціи, то есть къ 1 числу будущаго ноября по новому стилю, а по старому къ 21 октября. Когда вы совсѣмъ рѣшитесь, чтобы дѣти ваши привезены сюда были

(въ чемъ однакожь я съ моей стороны совѣтовалъ бы вамъ обождать до весны или до осени слѣдующаго года, какъ по предъидущему, такъ и по другому, а именно до меня касающемуся резону, о которомъ ниже сего рѣчь будетъ) въ такомъ случаѣ, кажется мнѣ, что лучше будетъ везти ихъ отъ Кіева, или по меньшей мѣрѣ отъ Бродовъ, на наемныхъ, нежели на своихъ лошадяхъ, естли почта несходна съ вашими экономическими распоряженіями; ибо я не думаю, чтобы собственныя лошади, сверхъ неминуемыхъ съ ними хлопотъ, дешевле наемныхъ могли обойтись, а особливо, ежели здѣсь хотъ только недѣли съ двѣ покормить ихъ; я жъ еще и о томъ гораздо сумнѣваюсь, что бы почта, особливо же польская отъ Кіева до Бродовъ, больше наемныхъ лошадей коштвала. При всемъ томъ нѣжинскіе купцы лучшее и обстоятельнѣйшее о семъ артикулѣ могутъ вамъ здѣлать изъясненіе, по которому и вамъ легче будетъ принять ваши мѣры. Снабдѣть дѣтей платьемъ и бѣлемъ самымъ только нужнымъ на первый случай, было бы мое мнѣніе, а по пріѣздѣ ихъ сюда можно будетъ рассмотреть оное и въ чемъ окажется недостатокъ или неисправность, то здѣлать или поправить. Слуга національный, который бы вѣренъ, надеженъ, постояненъ, неглупъ, не пьяница и не изъ молодыхъ людей былъ, не безнуженъ въ чужой сторонѣ для присмотру за молодыми людьми и для лучшаго вещей ихъ сбереженія; естли же такого человѣка не можно сыскать, то лучше и не брать никакого. О спекуляціи вашей, касающейся до привозу сюда решетиловскихъ овчинокъ и зеленаго чаю, скажу я вамъ м. г. мой братецъ, не обинуясь, что я будучи на вашемъ мѣстѣ, оставилъ бы оную, потому что вамъ не надобно и думать, чтобы въ скоромъ времени и съ хорошимъ барышомъ могли вы сбыть съ рукъ товарцы ваши, ибо мы уже довольно примѣровъ видѣли и теперь видимъ, съ какою медлѣнностію и съ какою неудачею по большой части продаются здѣсь таковыя товары, для которыхъ надобно времени, случая, купческаго промысла и проворства. Объ Афанасіѣ Емельяновичѣ Кудрявскомъ извольте быть увѣрены, что онъ не имѣлъ такого прямаго и точнаго намѣренія, какъ вамъ объ ономъ насаказано, и что и впредь не вдругъ, и не такъ

легко прійметса онъ за преселеніе отсюда въ свое отечество, какъ о томъ можетъ быть кому нибудь въ Ромнѣ и въ другихъ тамошнихъ сосѣднихъ мѣстахъ воображается по тѣмъ его разговорамъ, кои онъ тамо съ нѣкоторыми людьми о сей матеріи имѣлъ въ генеральныхъ терминахъ и которые однакожь ни къ какому серіозному намѣренію не кленилися. О произведеніи четырехъ человекъ изъ родни нашей я долженъ вамъ, м. г. мой братецъ, здѣлать примѣчаніе, что одинъ только г. Коноваловъ не тѣмъ чиномъ пожалованъ, о которомъ отсюда писано, ибо для него чинъ вакансоваго сотника, а не войсковаго товарища, отъ насъ требованъ; но мнѣ кажется, что и въ томъ нѣтъ большой разности, что ему данъ чинъ войсковаго товарища, а не вакансоваго сотника; чтожь касается до дяди моего Степана Яковлевича Лукьяновича и до сына его Льва Степановича, то они грѣшатъ, естли увѣряютъ другихъ, будтото они не знаютъ отъ чего произошло произведеніе послѣдняго изъ нихъ въ войсковые товариши, ибо онъ не можетъ запретса, что отъ г. Кудрявскаго дана ему копія съ того писма, которое чрезъ него отъ князя Дмитрія Михайловича Голицына отправлено было къ г. фельдмаршалу,¹⁾ и въ которомъ прозьба объ немъ г-нѣ Лукьяновичѣ между прочими здѣлана была въ такой силѣ, чтобы ему пристойное повышеніе чина учинено было; они жъ оба, какъ отецъ, такъ и сынъ, не могутъ запретса и въ томъ, что они просили меня, дабы я сына при случаѣ рекомендовалъ графу для доставленія ему другаго чина; а что они не довольны войсковымъ товариществомъ, въ томъ конечно я ни мало не виноватъ, когда они сами ни извѣстно, ни въ писмѣ, которое мнѣ вручено было отъ дяди, въ день самаго отъѣзда моего изъ Ромна въ здѣшнія стороны, не извѣстлися, какого имъ хотѣлося чина. Впрочемъ, напрасно въ вашихъ мѣстахъ толкуютъ, да и вы сами, м. г. мой братецъ, (съ позволенія вашего сказать) напрасно думаете, будтото графъ недоволенъ былъ тѣмъ, что я самъ въ бытность мою у него не просилъ его ни о чемъ. Въ опроверженіе такого общаго ваше-

¹⁾ Гр. П. А. Румянцеву.

го мѣнїя довольно одно только то сказать вамъ, что Кудрявскій конечно могъ бы хотя мало что нибудь примѣтить и услышать въ Вишенькахъ и въ Парафѣевкѣ, если бы оное на какой либо истиннѣ основано было. Къ сему можно присовокупить еще одно примѣчаніе, состоящее въ томъ, что г. фельд-маршалъ не здѣлалъ бы ничего по рекомендаціи нашей, буде бы онъ противъ меня имѣлъ нѣкоторое неудовольствіе. Въ заключеніе всего сего скажу вамъ не обинуясь, что я никакой не признаю ошибки моей въ томъ, что самъ я ни о чемъ не просилъ графа, бывши у него въ Вишенькахъ; а въ доказательство того есть у меня еще и другіе резоны, о которыхъ однакожь я уже за излишнее почитаю болѣе тутъ распространять мою диссертацию, а предоставляю изустно съ вами объ оныхъ побесѣдовать, если дасть мнѣ Богъ видѣться съ вами здѣсь или въ другомъ мѣстѣ. За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, какъ вышепомянутый нѣжинскій купецъ Дмитрій Мурантъ вручилъ мнѣ послѣднее письмо ваше, поѣхалъ отсюда въ г. Грацъ за косами, а оттуда обратно поѣдетъ въ Малороссію, города Рыльска купецъ Иванъ Федотовъ сынъ Филимоновъ тотъ самый, чрезъ котораго въ прошломъ году отправленъ къ вамъ былъ отъ меня ящичекъ съ дипломомъ вашимъ. Нынѣ вновь чрезъ него жъ послалъ я два пакета, одинъ побольше, а другой поменьше; обажь они адресованы сперва на имя ваше, а потомъ на имя Петра Степановича Милорадовича; а что въ нихъ послано, о томъ вы усмотрите изъ приложенной при семъ записки. Остается мнѣ теперь прежде, нежели окончу я сіе письмо, касающагося до меня повѣстію, просить васъ, м. г., мой братецъ, чтобъ вы пожаловали дали знать Ивану Андреевичу (Полетикѣ), что я не могу выстряпать для него извѣстнаго диплома¹⁾ безъ денегъ, коими я съ моей стороны весьма скуденъ, какъ по причинѣ бывшаго моего путешествія, которое лѣтъ на шесть разстроило казенныя мои дѣла, такъ и по другому обстоятельству, о которомъ тотъ часъ рѣчь будетъ; сколько же всѣхъ денегъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о покупке австрійскаго дворянства, которое было куплено Григоріемъ Ивановичемъ для Григорія Андреевича.

надобно будетъ на полученіе помянутаго диплома, о томъ чрезъ г. Кудрявскаго посылалъ я къ Ивану Андреевичу данную мнѣ изъ имперской канцеляріи записку, съ которой оставилъ онъ у себя копію, и по которой доведется ему употребить на свой дипломъ до четырехъ сотъ пятидесяти рублей на наши денги. Естьли жъ бы оба братья, то есть Иванъ Андреевичъ и Андрей Андреевичъ, согласилися вмѣстѣ искать имперскаго дворянства отъ котораго послѣдній изъ нихъ къ сожалѣнію моему, не знаю, по чьему то совѣту отрывается, въ такомъ случаѣ не болѣе, какъ по триста рублей довелось бы каждому изъ нихъ издержать на два диплома. Весь сей артикулъ можете вы сообщить Ивану Андреевичу между тѣмъ, пока я самъ къ нему писать буду при отправленіи серебра его, которое онъ около новаго года получить. Теперь пора мнѣ удовлетворить любопытство ваше, касающееся до собственной нашего высокородія персоны, о которой можетъ быть вы уже и сами, естьли не все, то по крайней мѣрѣ сіе слышали, что въ 5-й день прошедшаго маія между прочими пожалованъ въ канцеляріи совѣтники, однако съ тѣмъ, дабы я по сему чину помѣщенъ былъ въ коллегіи; но какъ статья можетъ, что прочія мои отъ того происшедшія обстоятельства еще вамъ не совсѣмъ извѣстны, то долженъ я сказать вамъ вкратцѣ, что князь мой отнюдь не желая отпустить меня отъ себя, адресовался къ разнымъ персонамъ съ просьбою, дабы я при немъ попрежнему оставленъ былъ; и хотя на сіе и не получилъ онъ еще точной резолюціи, однако между тѣмъ имѣеть уже чрезъ другихъ отъ графа Никиты Ивановича (Панина) обнадеживаніе, что я столь долго могу здѣсь остаться, сколь долго возможно ему будетъ меня оставить. Сего, кажется, нѣкоторымъ образомъ и довольно было бы на первый случай для успокоенія моего князя и меня самаго, но напротивъ того, есть еще другое обстоятельство, которое теперь обоихъ насъ тревожить, и приводитъ въ немалое сумнѣніе о желаемомъ рѣшеніи моего жребія: а состоитъ оно въ томъ, что учрежденнаго нынѣ при коллегіи особливаго департамента директоръ, статскій совѣтникъ г. Сухаревъ, (который хотя и принадлежитъ до коллегіи, однако имѣеть право не слушаться шефовъ ея въ дѣлахъ,

касающихся до его департамента, когда онъ нынѣшнему ея штату и указамъ противны) пользуясь такимъ правомъ, и будучи весьма исправенъ въ своей должности, не переводить сюда моего жалованья, да и весьма не надежно, чтобъ онъ безъ особливаго указа согласился переводить оное. Изъ чего вы, м. г., мой братецъ, видите, въ какомъ я критическомъ состояніи нахожуся и сколь трудно поправить оное; развѣ Иванъ Ивановичъ Бецкой, по учиненной къ нему отсюда усиленной прозвѣ, не постарается ли здѣлать въ немъ перемѣну, употребля заступление свое предъ самую государынею. Мѣсяца чрезъ два надѣмся мы получить, естли не совсѣмъ рѣшительное, то по крайней мѣрѣ къ большей и точнѣйшей ясности простиряющеся увѣдомленіе о семъ, не меньше для меня, какъ и для князя моего, неприятномъ дѣлѣ. Впрочемъ пребуду я всегда съ непремѣнною къ вамъ преданностію и истиннымъ почтеніемъ вашъ, м. г. моего, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій братъ и слуга Григорій Полѣтика. P. S. При семъ посылаю вамъ, м. г., мой братецъ, рецептъ на испытанное здѣсь нѣкоторыми людьми съ хорошимъ успѣхомъ лѣкарство отъ подагры, усерднѣйше желая, чтобъ оное помогло вамъ на всю жизнь вашу совершенно избавиться отъ сей болѣзни. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, которой, равно, какъ и вамъ самимъ, просилъ меня г. Кудрявской изъявить отъ него тоже почтеніе. При семъ же прилагаю пакетецъ на имя Петра Афанасіевича Шкляревича, прося васъ доставить ему оной вѣрнымъ и надежнымъ образомъ.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО¹⁾.

(1813—1862 г.).

(ОКОНЧАНІЕ).

ГЛАВА XIII.

Я опять въ Харьковѣ. Новая квартира и новыя знакомства. Университетскія занятія. Я мечтаю о славѣ, о товариществѣ.

Мы приѣхали въ Харьковъ на старую квартиру, которую нанимали только 1½ мѣсяца; но она была занята уже другими постояльцами, а потому—кое-какъ переночевавши вмѣстѣ съ хозяевами, намъ нужно было позаботиться о приисканіи себѣ жилища. На другой же день, встрѣтившись съ однимъ изъ своихъ товарищей (впрочемъ уже 2-го курса), я изъяснилъ ему сожалѣніе о потерѣ квартиры; но въ немъ же нашелъ и облегченіе своего горя, ибо онъ предложилъ мнѣ прійти къ нему и договориться съ его хозяйкой, у которой есть свободная комната. Разумѣется, я тотчасъ же отправился, и дѣло было слажено въ ½ часа; я долженъ былъ платить за 1 комнату со столомъ, т. е. обѣдомъ и ужиномъ, 40 р. асс. за себя и брата Андрея. Кромѣ выгоды дешевизны, даже въ то время поразительной, эта квартира представляла для меня и ту еще выгоду, что была на Троицкой улицѣ (возлѣ самой церкви) и слѣдовательно недалеко отъ университета, и тутъ же былъ прекрасный товарищъ Бутовскій, и притомъ много другихъ товарищей, хотя

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1894 г., № 4.

не прекрасныхъ, но все таки товарищей. Знакомство съ Бутовскимъ имѣло на меня благодѣтельное вліяніе: онъ былъ человѣкъ нравственный, благородный и умный, отличный студентъ, прекрасно рисовалъ и былъ охотникъ танцовать. Узнавши, что я вовсе не умѣю танцовать и не имѣю даже къ тому никакой охоты, онъ рѣшился убѣдить меня, что это необходимо и что нужно даже природное отвращеніе побѣдить силою ума—такъ необходимо было, по его мнѣнію, танцовать въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Поколебавши мое убѣжденіе, онъ тотчасъ же отправился со мною къ знакомому своему танцмейстеру Лесевицкому, и мы договорились по 1 р. ас. за урокъ; съ слѣдующаго же дня началось и ученіе... Это было состояніе для меня новое и неожиданное! Чтожь? Взявши уроковъ 10, я уже могъ кое-какъ протанцовать франц. кадрили и, посѣтивши общій танцклассъ, бывавшій каждое воскресенье, я рѣшился даже ангажировать какую-то дѣвочку, тоже изъ ученицъ Лесевицкаго: во всѣхъ 6 фигурахъ кадрили я ошибся не болѣе 5 разъ, успѣхъ неслыханный! Успѣхъ, заронившій въ голову мою дерзновенную мысль учиться даже воздушнымъ па, которые были тогда въ большой модѣ, и модные танцоры выдѣлывали ихъ въ балльныхъ танцахъ. Бутовскій былъ безъ ума отъ этихъ воздушныхъ па, и смѣшно было смотрѣть, какъ онъ въ своей комнатѣ, взявшись за спинку стула, выплясывалъ какое-нибудь *pas des pigeons*, *pas des zephyrs* и т. п. Признаюсь, какъ-то сдѣлалось веселѣе, когда я началъ учиться танцовать,—въ особенности на танцклассахъ, гдѣ я не преминулъ вскорѣ же и влюбиться. Первый предметъ моей страсти была дѣвица М., купеческая дочь, довольно милостивая и при томъ молоденькая—лѣтъ 16 не болѣе. Разумѣется, эта страсть была довольно идеальна и не повела ровно ни къ какому, съ моей стороны, искательству: все ограничилось только тѣмъ, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ воскреснаго общаго танцкласса, гдѣ я могъ съ нею видѣться, говорить и танцовать. вмѣстѣ съ окончаніемъ курса моего танцовальнаго искусства окончилась и любовь. Ни танцы, ни любовь не отвлекали, впрочемъ, меня отъ занятій университетскихъ: я очень прилежно посѣщала лекціи, готовился къ каждой изъ нихъ, составлялъ лекціи, читалъ

ученыя книги и весьма часто отправлялся на лекціи въ другіе факультеты—даже въ медицинскій; но это—разумѣется—было только любопытство съ небольшою примѣсью любознательности. Мой, т. е. юридическій, факультетъ состоялъ тогда изъ профессоровъ, которыхъ учености и искусству передать познанія слушателямъ никто тогда не удивлялся, а надо многими даже явно смѣялись, за исключеніемъ впрочемъ 2-хъ, именно: Цыха—занимавшаго кѣедрѹ всеобщей исторіи послѣ смерти Филомафитскаго, и Артемовскаго-Гулака, читавшаго намъ Рос. Исторію и статистику. Цыхъ былъ идоломъ студентовъ: это былъ въ полномъ смыслѣ европейскій профессоръ по глубинѣ своихъ познаній, мастерскому изложенію лекцій и удивительной памяти; онъ читалъ всегда безъ тетради, что у насъ въ Харьковѣ теперь ¹⁾ рѣдкость, такъ какъ теперь не по тетрадямъ читаютъ, а по книгамъ... Слово читаютъ—надобно принимать въ буквальный смыслѣ. Артемовскій-Гулакъ хотя большой учености и не выказывалъ на своихъ лекціяхъ, но былъ большой мастеръ читать—настоящій ораторъ. У него всегда была полна аудиторія слушателями—не только ех officіо, но и аматерами.

Этихъ 2 профессоровъ только и можно было слушать съ пользой и удовольствіемъ. Что же сказать о прочихъ? Пауловичъ, Криворотовъ, Бабичевъ и нѣкоторые другіе—все это не стоило мѣднаго гроша! И время, употребленное на выслушаніе глупостей, ими рассказываемыхъ, гораздо лучше было отдать чтенію книгъ. Но дѣлать нечего—надобно было ходить на лекціи. Прошелъ первый академическій годъ—и я перешелъ во 2-й курсъ; это очень порадовало моего отца, который, по пріѣздѣ моемъ домой, выразилъ эту радость въ самыхъ лестныхъ для меня словахъ, и при томъ высказалъ свое намѣреніе—отправить меня въ Петербургъ на службу по окончаніи курса въ университетѣ. Это намѣреніе заронило въ душу мою мечту о славѣ, которая не оставляла меня почти 2 года: Петербургъ съ своими заманчивыми благами, о которыхъ я успѣлъ уже слышавъ, представлялся мнѣ во снѣ и на яву.

¹⁾ Это писано въ 1849 г.

Даже отецъ мой, который вообще отличался умѣренностію своихъ мнѣній и предположеній, много способствовалъ къ тому, чтобы мечты мои развивались болѣе и болѣе: онъ представлялъ мнѣ множество примѣровъ выслужившихся изъ бѣднаго состоянія знаменитостей... Я все это слушалъ съ восторгомъ и—имѣя порядочное о себѣ мнѣніе—мѣтилъ въ министры, а уже на крайность въ губернаторы. Кромѣ того, Петербургъ представлялся мнѣ въ радужномъ свѣтѣ и съ другой стороны: тамъ открывалось мнѣ литературное поприще, на которомъ я думалъ подвизаться и стяжать себѣ безсмертную славу! Для этой послѣдней цѣли я началъ прилежно заниматься языками латинскимъ, французскимъ и польскимъ—и два послѣдніе изучилъ въ такой степени, что могъ уже читать книги, совершенно понимая, а по французски немножко даже говорилъ; польскимъ я началъ заниматься только въ университетѣ и занимался оффициально: въ это время была даже кафедра этого языка и лекторомъ былъ Артемовскій-Гулакъ, проф. исторіи и статистики. Воспоминаніе объ этихъ прекрасно проведенныхъ годахъ занятій и теперь наполняютъ душу мою удовольствіемъ, ибо хотя мечты мои о славѣ разсѣялись, какъ дымъ, но познанія, приобрѣтенныя въ то время, остались для меня навсегда и, какъ увидимъ впоследствии, послужили даже къ приобрѣтенію насущнаго куска хлѣба.

Кромѣ Бутовскаго, близкаго ко мнѣ по сердцу и нравственному направленію, у меня было еще нѣсколько знакомыхъ въ словесномъ факультетѣ, съ которыми я познакомился, бывая очень часто на словесныхъ лекціяхъ: въ числѣ ихъ въ особенности отличалъ я Авдіева и Кованьку, того самого Кованьку, который былъ нѣкогда моимъ товарищемъ въ гимназій и отличался поэтическимъ своимъ талантомъ. Мы очень часто трактовали съ нимъ о дѣлахъ разнаго рода и не забывали также, какъ выражается А. С. Пушкинъ, поговорить:

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Авдіевъ воспитывался въ семинаріи (въ Бѣлгородѣ), потомъ въ университетѣ уже былъ приглашенъ въ дядьки помѣщикомъ Карповымъ къ своему сыну студенту же, который—мимоходомъ

говоря—столько же тогда нуждался въ дьялькѣ, какъ я теперь; кромѣ того, Авдіеву было тогда лѣтъ 25 или около того: онъ былъ хорошимъ студентомъ, хотя вовсе не имѣлъ въ себѣ ничего особеннаго. Кованько, напротивъ того, отличался въ университетѣ если не бѣльшимъ увлеченіемъ, какъ въ гимназіи, то не меньшимъ; былъ поэтъ, любилъ читать свои стихи встрѣчному и поперечному, и какъ Авдіевъ ихъ слушалъ терпѣливо, то этого и было достаточно для того, чтобы между ними завязалась вѣчная дружба. Я, какъ товарищъ Кованьки по гимназіи, продолжалъ свое знакомство съ нимъ въ университетѣ и очень часто тоже долженъ былъ выслушивать разныя стихотворенія, на которыя авторъ никогда не скупился.

У насъ было положено за правило—непремѣнно каждый вечеръ гулять, а потому предъ началомъ этихъ ежедневныхъ гуляній Авдіевъ и Кованько заходили ко мнѣ, пили у меня чай, курили трубки, и послѣ мы отправлялись на бульваръ, а иногда и въ садъ.

Впрочемъ, очень скоро Кованько ушелъ изъ нашего круга. У помѣщика Карпова было 2 воспитанницы; однажды на праздникахъ Р. Х. студентъ Карповъ пригласилъ Кованьку къ себѣ въ деревню; молодой поэтъ нашелъ свой идеалъ въ одной изъ воспитанницъ и—не долго думая—тамъ же и тогда же женился. Такъ какъ права нашихъ университетовъ вовсе не права университетовъ нѣмецкихъ, то Кованько долженъ былъ выбратъ изъ университета, а какъ у молодой супруги его не было ровно ничего, кромѣ—можетъ быть—необходимаго бѣлья и пары двухъ ситцевыхъ платьевъ, то надобно было выбратъ изъ Харькова: такъ и уѣхалъ отъ насъ въ одно прекрасное утро Кованько. О дальнѣйшихъ его подвигахъ на поприщѣ жизни, словесности и служебной дѣятельности я буду имѣть случай не разъ еще вспоминать въ свое время.

Потерянный на время товарищъ замѣненъ былъ 2 другими—студентами I курса Шидловскимъ Ив. Ник. и Панковымъ. Къ первому изъ нихъ я чувствовалъ нѣчто болѣе приятельской расположенности. И въ самомъ дѣлѣ, невозможно было не любить этого прекраснаго въ полномъ смыслѣ моло-

дого человѣка съ цвѣтущимъ лицомъ, съ поэтическимъ воодушевленіемъ, съ способностями почти геніальными—немножко только взбалмошнаго, чему весьма способствовало состояніе его родителей, и въ особенности любовь бабушки, которая души въ немъ не чаяла, и потому присылала ему денегъ столько, что для него, меня, Панкова и еще кого-нибудь посторонняго доставало для кондитерскихъ вдоволь. Мы кутили препорядочно; но — къ чести нашей надобно замѣтить—кутили только въ кондитерскихъ, изрѣдка только посѣщая monsieur Montesquieu, т. е. по просту трактиръ Мотузка, который теперь принадлежит Собкину и К^о.

О способностяхъ Шидловскаго можно было бы написать много, но какъ здѣсь рѣчь собственно обо мнѣ, а не о немъ, то замѣчу, что онъ прекрасно говорилъ по французски, писалъ стихи и прозу, говорилъ, не заминаясь, о чемъ угодно, читалъ много—однимъ словомъ былъ comme il faut тогдашняго студенческаго общества; но что всего удивительнѣе, онъ не любилъ общества студентовъ аристократовъ—всегда бездушнаго, мелочнаго и пустаго, и чаще искалъ случая быть вмѣстѣ съ нами, гдѣ—какъ онъ говорилъ—можно было побесѣдовать не о пустыхъ забавахъ свѣта, а о дѣлѣ, а въ заключеніе и подурачиться. Я—съ своей стороны—весьма интересовался имъ не какъ человѣкомъ болѣе меня образованнымъ для свѣта и аристократомъ, но какъ товарищемъ, съ которымъ можно было и поговорить о наукѣ и пріятно погулять и пр. и пр. Боже мой! Чего мы не переговорили и не перемыслили!.. Какихъ плановъ не создали мы! И все какіе возвышенные планы!—Не знаю, помнитъ ли онъ меня теперь, живъ-ли въ своей богатой деревнѣ; знаетъ-ли, что я служу учителемъ? Но все прошло... мечты, планы, надежды! Sic transit gloria mundi.

ГЛАВА XIV.

Я въ послѣднемъ курсѣ. Высокій посѣтитель въ Харьковѣ. Смерть моего отца. Отъѣздъ на родину. Дѣла. Возвращеніе въ Харьковъ. Опять мечты!

Боже мой! Я въ послѣднемъ курсѣ—время проходитъ быстро... желанный берегъ недалеко! Впрочемъ я тогда мало

заботился о томъ, что будетъ, будущее меня вовсе не тревожило—мнѣ казалось, что судьба должна позаботиться о моемъ счастіи—и перспектива жизни представлялась мнѣ въ радужныхъ, очаровательныхъ цвѣтахъ! Настоящее же мое было прекрасно. Я былъ въ полномъ сознаниіи ума и достоинствъ своихъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, довольный тѣмъ, что незабвенный отецъ доставлялъ мнѣ, преданный наукѣ и поэзіи со всею силою юношескаго стремленія.. Чего я не читалъ, чему не учился я тогда? Знанія мои во французскомъ языкѣ, вынесенныя изъ гимназіи, были весьма недостаточны, и я трудомъ и прилежаніемъ достигъ того, что могъ читать свободно французскихъ писателей; Мицкевичъ заставилъ меня выучиться польскому языку—и я съ жаромъ принялся за эту работу: черезъ $\frac{1}{2}$ года я не только читалъ его *Dziady* и *Wallenroda*, но переводилъ сонеты стихами и даже дерзнулъ передать на русскомъ языкѣ огромный отрывокъ изъ *Dziadow!* Романы, журналы, философскія книги, исторія, богословіе—все занимало, все увлекало меня,—и между тѣмъ каждый день я бывалъ въ обществѣ товарищей, каковы во всей полнотѣ были: Панковъ, Авдѣевъ, Кованько и др. Прогулка въ саду или на бульварѣ была необходимымъ условіемъ каждаго дня,—иногда съ Шидловскимъ и Панковымъ мы заходили и въ кондиторскія, но это бывало весьма не часто, и тамъ, кромѣ шоколаду, конфетовъ и пирожнаго мы ничего не требовали,—при томъ же читали газету.

Отношенія мои къ университету были такого рода, что я посѣщалъ лекціи весьма исправно, слушалъ внимательно (хотя признаться, кромѣ Цыха и Степанова, и нечего было слушать); но какъ я въ глаза профессоровъ, за слабостью зрѣнія, смотрѣть не могъ, того, что они читали, не записывалъ, надѣясь на свою память, и на поклоны къ нимъ не только не ходилъ, но даже не зналъ, гдѣ и живутъ они—считая это низостью, то само собою разумѣется, что я не могъ пользоваться особеннымъ ихъ расположеніемъ... Объ этомъ я не очень то и заботился, забравши себѣ въ голову, что кандидатомъ мнѣ не бывать, а въ степени дѣйствительнаго студента отказать мнѣ не

смѣють! И такъ, жизнь моя въ университетѣ была прекрасна: объ ней можно вспомнить съ удовольствіемъ.

Между тѣмъ какъ все это было такъ хорошо, въ довершенію полного удовольствія моего и всѣхъ прочихъ студентовъ разнеслась молва, что Государь Императоръ будетъ въ Харьковѣ. Мысль увидѣть Монарха въ первый разъ въ жизни такъ заняла меня, что я оставилъ даже на нѣкоторое время любимыя мои занятія и прогулки—къ нему одному стремились всѣ мечты мои и желанія! Слухъ оказался достовѣрнымъ и сентября 12-го въ 7 ч. утра Императоръ былъ въ Харьковѣ (1832). Намъ велѣно было собраться въ 10 ч. въ университетской залѣ. Заботы и хлопоты мои по этому дѣлу были велики: я осматривалъ свою амуніцію, какъ на смотрѣ. Въ назначенное время болѣе 300 студентовъ ожидали въ залѣ съ нетерпѣніемъ привѣтствовать громогласнымъ ура великаго царя Русскаго. Что за минуты, что за ожиданіе!

Мы, наконецъ, увидѣли царя, мы услышали его голосъ, въ сердцахъ нашихъ загорѣлось (можетъ быть, у нѣкоторыхъ въ первый разъ) чувство народной любви и славы... и все кончилось, все исчезло, какъ сонъ,—Государь ушелъ и исчезъ въ толпахъ народа, его окружавшаго. Насъ распустили по домамъ уже часу въ 3-мъ по полудни... Упоенный восторгомъ, я летѣлъ въ квартиру свою на Троицкой улицѣ, вошелъ во дворъ, но... кто опишетъ мое удивленіе, когда я, не думая, не гадая, увидѣлъ нашего кучера Матвѣя, покойно и машинально распрягающаго тройку лошадей, запряженную въ простую повозку. Первый мой вопросъ былъ: зачѣмъ ты пріѣхалъ?—А за тѣмъ, отвѣчалъ онъ: що треба йтихати домой,—барыня дуже нездоровъ, такъ барыня послала, щобъ вы яко-мога поспішали—колыбъ сегодня хочъ надъ вечеръ выйхати“.

Такъ мой отецъ, мой драгоценный папенька уже вѣрно не существуетъ!... Такъ я не увижу его болѣе! Это были мысли, какъ молнія, мелькнувшія въ головѣ моей, и слезы навернулись на глаза...

— Та не лякайтесь! може Богъ дасть, що ище застанемо живого, сказаль Матвѣй, вѣроятно догадавшись о моихъ мысляхъ,—и самъ прослезился.

Я понялъ, что все кончено, что на землѣ нѣтъ уже у меня отца—и тотчасъ же бросился въ инспектору. Увидѣвши меня сильно встревоженнаго, ничего не могущаго сказать, онъ спросилъ меня: что вамъ угодно? Я кое-какъ собрался съ силами и объяснилъ ему, что мнѣ сегодня же нужно ѣхать домой... черезъ часъ я уже былъ въ квартирѣ съ отпускнымъ билетомъ, и засталъ братьевъ моихъ Андрея и Алешу рыдающихъ—они также догадались изъ словъ кучера, что отца нашего нѣтъ на свѣтѣ, хотя онъ ясно и опредѣлительно не сказалъ имъ этого. Я плакалъ и утѣшалъ ихъ, какъ могъ. Они должны были остаться въ Харьковѣ, не смотря на все желаніе взглянуть по крайней мѣрѣ на родную могилу; но я представилъ имъ всю невозможность исполненія ихъ желанія, и они согласились.

Передъ вечеромъ я выѣхалъ.

Какова была эта дорога, описывать не стану. При всемъ убѣжденіи Матвѣй все таки не сказалъ, что отецъ мой умеръ, и мнѣ, какъ утопленнику, хватающему соломенку для своего спасенія, часто приходило на мысль, что можетъ быть папенька живъ еще, можетъ быть я еще увижу его... Мысль о смерти его до такой степени казалась мнѣ страшною, что я—при всей видимости—не хотѣлъ допускать ее къ себѣ... На дорогѣ нѣсколько разъ я такъ забывался, что былъ совершенно веселъ, шутилъ и смѣялся... Матвѣй искоса на меня поглядывалъ при этихъ случаяхъ.

Вотъ ужъ и хуторъ нашъ недалеко; вотъ уже синѣть вдали лѣсъ, стоящій въ концѣ хутора—ближе, ближе, ближе... Что жъ это двѣ могилы? Тамъ была одна? Спросилъ я кучера, какъ бы совершенно забывши все прошлое, что и безъ отвѣта Матвѣя могло быть яснымъ... Въ это время мы уже подѣхали къ могилѣ—остановились,—слезы брызнули изъ глазъ моихъ, кучеръ также плакалъ. Все понято, все ясно, какъ было ясно тогда солнце на небѣ... Я сирота: у меня нѣтъ болѣе отца—и какого отца! Много-ли такихъ отцовъ на свѣтѣ! Я провелъ полчаса близъ могилы моего друга-отца... Это были минуты—слезъ, сожалѣнія, благоговѣнія, тоски невыразимой!... Свиданіе мое

съ матерью было столько же плачевно: завидя меня издали бѣдущаго, всѣ уже были настроены къ тому, чтобы встрѣтить меня слезами... Долго не говорили мы ни слова—но я изъ выраженія фізіономіи маменьки ясно увидѣлъ, что она, наконецъ, поняла, что лишилась человѣка, который былъ основнымъ камнемъ ея и нашего благополучія, и чего лишились дѣти ея въ нравственномъ смыслѣ!

Я плакалъ горько, неутѣшно... Я не въ состояніи былъ слушать и понимать подробностей страшной катастрофы, происшедшей въ нашемъ семействѣ, и изъ всего, что говорили мнѣ, только и понялъ, что причиною внезапнаго удара былъ сосѣдъ нашъ, который разсердилъ какъ-то папеньку; что вечеромъ покойникъ пошелъ проходиться въ поле, что тамъ съ нимъ и сдѣлался обморокъ, что его привели или принесли домой почти безчувственнаго, что черезъ нѣсколько часовъ ему сдѣлалось какъ будто лучше, что ночью онъ не ложился спать, а все ходилъ и что утромъ 8 сентября часу въ 7 онъ упалъ и испустилъ духъ... Все это очень сильно трогало меня; я конечно, не смѣлъ роптать на промыслъ Божій, но мнѣ прискорбно было, отчего не подано было ему пособія; ибо такіе обмороки и прежде съ нимъ очень часто случались, и онъ спасенъ былъ кровопусканіемъ. Но судьбѣ угодно было лишить насъ отца—и такъ или иначе мы должны были остаться сиротами! Его святая воля...

Что-же намъ нужно было предпринять дальше? какъ начать новую жизнь? Маменька тогчасъ же предложила мнѣ остаться дома и приняться за хозяйство! Я съ ужасомъ выслушалъ это предложеніе и съ тайнымъ негодованіемъ его отвергнулъ. Милосердное Провидѣніе, которое въ эту минуту не совершенно оставило меня, внушило эту мысль... Мнѣ было 18 лѣтъ, я былъ студентъ въ послѣднемъ курсѣ, въ полномъ сознаніи ума и дарованій своихъ, съ надеждами на лучшее будущее, съ свѣтлыми еще предположеніями на счетъ моего папеньки—и мнѣ погребсти себя заживо въ могилѣ! Оставить университетъ, такъ сказать, при самомъ выходѣ! Быть помыкачемъ у маменьки въ то время, когда черезъ годъ я могъ имѣть свой собствен-

ный кусокъ хлѣба... все это было для меня дѣломъ неслыханнымъ, выше невозможнаго, и я отказался, отказался на отрѣзъ, не смотря на слезы маменьки, на усиленные просьбы ея, на самую кажущуюся необходимость этого.—Имѣніе наше, хотя порядочное, могло давать доходъ только при такомъ хозяйствѣ, каковъ былъ папенька.

Я далъ, впрочемъ, обѣщаніе пробить цѣлый мѣсяцъ и по возможности уладить кое-что по дѣламъ и хозяйству; ибо я, хотя былъ и молодъ, смыслилъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, научившись всему заблаговременно отъ отца моего. Къ счастью моему, на другой день пріѣхалъ зять нашъ Радіонъ Осиповичъ Филоновъ, который—казалось—сначала изумился моему отказу оставаться дома (вѣроятно, понимая меня за школяра, которому всегда пріятно избавиться училища); но впослѣдствіи, увѣрившись въ искренности моихъ чувствъ и намѣреній, вмѣстѣ же со мною сталъ доказывать, что мнѣ необходимо кончить курсъ въ университетѣ, а „тамъ уже, прибавилъ онъ: можетъ быть Ст. Лук. захочетъ служить въ зѣньковскомъ уѣздномъ или земскомъ судѣ и будетъ помогать вамъ, маменька!“ Я благодарилъ его за участіе, и дѣло уладилось по моему желанію. Уладивши кое какія дѣла и получивши отъ маменьки 100 р. ас., я уѣхалъ въ Харьковъ, сомнѣваясь немножко, зная маменьку, чтобы жизнь моя и братьевъ моихъ въ Харьковѣ не была подорвана тяжкими обстоятельствами безденежья. Я видѣлъ ясно, что хозяйство наше должно погибнуть, доходы были сомнительны, а безъ денегъ—что же можно сдѣлать? Но однакожь я, нагрустившись довольно о смерти отца, погоревавши о дѣлахъ своихъ, уѣхалъ въ Харьковъ...

На свободномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ исчезли мои вздохи, и я—не доѣзжая даже Харькова, началъ мечтать уже опять, какъ прежде.

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви!

Но не о войнѣ, потому что я никогда, даже въ молодости, не отличался воинственнымъ духомъ.

Первымъ долгомъ моимъ по пріѣздѣ въ Харьковъ было, конечно, явиться къ инспектору и оттуда прямо на лекціи.

Послѣ дразгъ житейскихъ, для души моей, еще не охладѣвшей въ возвышеннымъ стремленіямъ, пріятно было приобрѣсти себѣ въ атмосферѣ науки и поэзіи, которыхъ хотя и очень мало было тогда въ Харьковскомъ университетѣ, но за то слишкомъ много было въ моей квартирѣ, въ книгахъ и товарищахъ, меня окружавшихъ! Съ какою радостію встрѣтилъ я друзей своихъ Шидловскаго, Мелецка, Панкова и др.! Съ какимъ неописаннымъ восторгомъ принялся я за Мицкевича, Мильвуа, Парни, Ламартина, естественное право, политическую экономію; съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я лекцій Цыха и Степанова! Даже лекціи Артемоскаго-Гулака въ 5 ч. вечера, т. е. при свѣчахъ, въ огромной аудиторіи, при блескѣ брилліантовыхъ перстней которыми унизаны были всѣ пальцы лѣвой и правой руки его, съ торжественной его дикціей—нравились мнѣ, если не по внутреннему содержанию, то, по крайней мѣрѣ, по наружной обстановкѣ, по тому эффекту, который производили онѣ на большое число слушателей.

Въ ноябрѣ, кажется, прибито было на университетской доскѣ объявленіе о темахъ на полученіе медалей. По юридическому факультету красовалась слѣдующая: показать въ главныхъ и существенныхъ очеркахъ, какимъ образомъ политическая экономія, какъ наука, раскрывалась до нынѣшняго времени. Я съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ это объявленіе, и въ умѣ моемъ тотчасъ же образовалась идея: нельзя-ли, эдакъ, захватить въ свои руки золотую или серебряную медаль! Зачатки этой благой идеи тотчасъ же и начали свое воплощеніе, которое на другой день достигло такого развитія, что я, чего никогда прежде не бывало, рѣшился идти къ проф. Степанову попросить книгъ, какъ источниковъ, для исполненія моего намѣренія. Принять я былъ радушно. Книги получены разныя: французскія и рускія. Я съ жаромъ принялся за чтеніе и обдумываніе. Черезъ 2 недѣли уже было исписано листа 3 сѣрой бумаги—это было вступленіе; оно такъ мнѣ нравилось, что я чаялъ непременно получить золотую медаль... И съ тѣхъ поръ я совершенно забылъ все, погрузившись въ свою диссертацию! Мечтамъ моимъ не было конца, пока я—перебравши

всѣхъ меркантилистовъ, фізіократовъ, Адама Смита, Се, Тюрго, Ривардо, Мальтуса—не увѣрилъ себя, что можно уже подписать благословенный конецъ.

ГЛАВА XV.

Первый припадокъ безденежья. Диссертация одобряется и подается. Окончательный университетскій экзамень. Я дѣйствительный студентъ. Ура! Увы! Еще ура!

Но сладкія мечты—все таки мечты; а горькая существенность—все таки существенность! Это я испыталъ на самомъ дѣлѣ, да еще какъ испыталъ! На диссертации своей я написалъ конецъ, но и кошелекъ мой тоже засвидѣтельствовалъ, что и въ немъ прозвенѣли послѣдніе 2 гривеника. При жизни отца моего это обстоятельство нисколько не устрашило бы меня, но теперь—дѣло другое... Я таки съ первой же почтой и написалъ къ маменькѣ, что финансы наши находятся въ дурномъ состояніи, но это только для утѣшенія себя, чтобы имѣть какую нибудь надежду въ будущемъ. Признаюсь, мнѣ было очень совѣстно писать противъ собственныхъ своихъ мнѣній, что нужны деньги, что безъ денегъ жить нельзя, что хозяйка требуетъ денегъ, что въ лавкѣ не даютъ сахару и чаю безъ денегъ и т. п. Совѣстно было писать къ маменькѣ это потому, что въ диссертации моей въ статьѣ о меркантилистахъ я энергически доказывалъ противное, что деньги вздоръ, что безъ денегъ могутъ существовать даже государства, не только индивидуумы (я таки и философскими терминами умѣлъ щегольнуть); что трудъ составляетъ богатство и т. п.

Такое страшное разногласіе между счастливо оконченной диссертацией и письмомъ, которое послалъ на почту, поставило меня въ совершенный тупикъ... Я началъ сомнѣваться не врутъ ли всѣ теоріи, не вздоръ-ли вся философія и даже поэзія, и рѣшилъ на томъ, что меркантилисты чуть-ли не правы,—и вслѣдствіе этого рѣшился продать серебряные часы свои, чтобы купить сахару и табаку, такъ какъ за трудъ мой (по системѣ

Адама Смита) не давали мнѣ ничего, и одинъ купецъ, у котораго я—по дѣтской легкомысленности—пытался взять въ долгъ 3 ф. сахару и $\frac{1}{8}$ чаю, сказалъ совершенно вопреки Адаму Смиту и всѣмъ фізіократамъ, что „безъ денегъ отпустить нельзя“. Я хотѣлъ было доказать, что онъ глупый меркантилистъ; но, догадавшись изъ первыхъ словъ, что для него слова меркантилистъ и маркитантъ—синонимы, отправился во свояси безъ сахару и чаю.

Какъ и можно было ожидать, получено было письмо отъ маменьки, въ которомъ прямо сказано, что денегъ нѣтъ и взять негдѣ; а въ заключеніе слѣдовалъ совѣтъ: какъ можно скорѣе ѣхать домой, ибо хозяйство приходитъ въ упадокъ. Дѣлать было нечего: прозѣтъ о продажѣ часовъ надобно было осуществить! Онъ былъ осуществленъ весьма не блистательнымъ образомъ, ибо вся выручка заключалась въ 20 р. асс. Уплата хозяйкѣ изъ такой ничтожной суммы была невозможна, а потому вся она поступила къ купцу, который и снабдилъ меня чаемъ, сахаромъ и табакомъ! Я радъ былъ несказанно и, напившись чаю, накурившись табаку, принялся переписывать свою диссертацию. Работа шла такъ быстро, что недѣли за три до назначеннаго срока все было переписано самымъ изящнымъ образомъ и я на радостяхъ рѣшился подѣлиться своимъ твореніемъ съ профес. политической экономіи Степановымъ.

Этотъ профессоръ былъ въ то время самый ретивый фізіократъ и смитистъ (это было тотчасъ по полученіи имъ каеѳдры): онъ трудился до поту, исписывалъ горы бумаги; но презиралъ деньги и былъ бѣденъ, какъ Аристидъ. Я явился къ нему съ моей диссертациею въ то время, когда онъ былъ еще не женатъ, не имѣлъ ни гроша денегъ и занималъ квартиру всю въ 2 комнаты. Сочиненіе мое произвело совершенный fu-gog—я былъ тутъ же поздравленъ съ золотой медалью и въ восторгѣ побѣжалъ домой принскывать приличный девизъ, утѣшаясь сладостной мечтою о золотой медали, которая по всѣмъ моимъ соображеніямъ стоила не менѣе 200 р. асс. И я уже въ это время послѣ сцены съ купцомъ и хозяйкой былъ въ душѣ немножко меркантилистъ. Девизъ найденъ у Цицерона самый за-

мысловатый: *justitiae primum munus est, ut ne cui quis poseat, nisi lacessitas injuriae* и т. д. Этотъ девизъ былъ написанъ и на диссертациі, и на конвертѣ, въ которомъ закупорено было мое имя,—и на другой день братъ Андрей отнесъ къ декану юридическаго факультета отъ неизвѣстнаго.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я подалъ свою диссертацию, начались въ университетѣ экзамены: для меня это былъ окончательный экзамень... но я объ немъ вовсе не думалъ и приготовляться не имѣлъ никакой охоты—хотя впрочемъ совершенно былъ готовъ по всѣмъ предметамъ; но какъ приготовленіе мое произведено было не по профессорскимъ тетрадкамъ и сверхъ того—я ничего не зазубривалъ, то и опасно стало нѣсколько пускаться на скользкое поприще—тамъ могли встрѣтить меня бойцы, съ ногъ до головы вооруженные всѣми броненосными снарядами фѣрулы и педантизма, я только и могъ надѣяться на Степанова, который, кажется, по прочтеніи моего сочиненія, возъмѣлъ обо мнѣ хорошее мнѣніе. Но вооруженный мнѣніемъ, что кандидатомъ мнѣ не бывать, а въ степени дѣйствительнаго студента отказать мнѣ не посмѣютъ, я смѣло пошелъ на экзамены... Экзаменовали меня и въ философіи, и въ богословіи, и въ римскомъ, и въ русскомъ правѣ, и въ политической экономіи и во всемъ этомъ я получилъ по 3 и по 4, но ни одного 5 и ни одной 1. Послѣдній экзамень былъ изъ всеобщей исторіи, и не смотря на то, что на меня смотрѣли какъ на человѣка, котораго только что пропустить слѣдуетъ, нѣкоторые похвалили мои отвѣты и, кажется совѣщались о томъ, не написать-ли мнѣ 5, но посмотрѣли на шары мои, рѣшили что будетъ 4—и написали 4. Такимъ образомъ степень дѣйствительнаго студента была за мною! мнѣ только этого и нужно было!... Въ душѣ моей, не чуждой благороднымъ побужденіямъ, родилась было мысль: идти благодарить профессоровъ; но разсудокъ возсталъ противъ этого, а опытъ такими аргументами подтвердилъ, что все это вовсе не стоитъ благодарности, что я рѣшился поскорѣе уѣхать изъ Харькова домой, ибо нечѣмъ было вовсе жить въ Харьковѣ.—Послѣ часовъ пошелъ въ продажу и лексиконъ французскій Ольдекопа, который только что вышелъ и достав-

лялъ мнѣ неизвѣстное наслажденіе. Я разстался съ нимъ не безъ сожалѣнія—но что-же дѣлать было?

Въ тѣ времена студенты, по окончаніи экзаменовъ, около половины іюня, обыкновенно уѣзжали, кто куда хотѣлъ, не дожидаясь аттестатовъ, которые были выдаваемы всегда послѣ акта, т. е. въ сентябрѣ. Такъ и я долженъ былъ сдѣлать тѣмъ болѣе, что оставаться въ Харьковѣ рѣшительно не было никакой цѣли.

Въ концѣ іюня я и братья мои были уже дома, и тутъ же началось разнообразное поприще моей дѣятельности.

Записныхъ друзей моихъ Панкова и Шидловскаго просилъ я, между прочимъ, не забывать справляться о моей диссертаци и въ письмахъ своихъ извѣщать меня. Они писали ко мнѣ довольно часто,—но о диссертаци изъ писемъ ихъ я могъ тояко вѣдать, что она еще не разсмотрѣна. Наконецъ, въ началѣ сентября я, къ ужасу моему, читаю, что нѣтъ надежды получить медаль—не потому, впрочемъ, чтобы она не была того достойна, а единственно по проискамъ секретаря нашего факультета профессора Г., который задержалъ ее до 27 августа, когда уже совѣтъ университета вовсе не имѣлъ времени заняться разсмотрѣніемъ ея, ибо до акта оставалось всего только 3 дня. Извѣстіе это какъ громомъ меня поразило... И такъ: труды мои, мое авторское самолюбіе, мой первый опытъ на поприщѣ умственной дѣятельности, наконецъ самыя сладостныя мечты и надежды мои не будутъ удовлетворены! И почему же? Потому только, что человѣкъ рѣшился причинить зло человѣку, нисколько передъ нимъ невинному? О Боже! это была первая минута въ моей жизни, когда въ душѣ моей заговорило адское чувство ненависти къ человѣку, который такимъ чернымъ поступкомъ убилъ, уничтожилъ мой бѣдный умъ, мое чувствительное сердце!.. Но это были вспышки юношескаго сердца, которое—до вѣряя людямъ и вѣря въ добро на землѣ, въ первый разъ разочаровалось и такъ страшно, мучительно страшно!.. Черезъ нѣсколько дней я совершенно уопокоился—только въ душу заронилось тяжелое сомнѣніе: не начало-ли это камней преткновенія на пути моей жизни, не суждено-ли мнѣ судьбой идти

по пути, усѣянному въ изобиліи этими камнями?.. Я, говорю, совершенно успокоился, тѣмъ болѣе, что милосердіе послало мнѣ утѣшеніе въ собственномъ сознаніи, что все только случайность, обстоятельства,—а я таки стою вниманія и сочиненіе мое заслуживаетъ медали: это сознаніе, этотъ таинственный голосъ души для всей послѣдующей моей жизни былъ символомъ примиренія съ людьми и міромъ, безъ него—при всѣхъ послѣдовавшихъ бѣдствіяхъ жизни—я десять разъ уже могъ попасть въ домъ сумасшедшихъ!

Но Богъ съ ними—и съ людьми и съ міромъ: міръ прекрасенъ, люди... какъ люди!

Я думалъ пособить горю тѣмъ, что, оставивши все, поѣхалъ въ Харьковъ и здѣсь узналъ только то, что сочиненіе мое отъ Г. въ совѣтъ не представлено, и слѣдовательно на актѣ 30 августа получить медали я не могу. Проф. Степановъ, который такъ блистательно утѣшалъ меня золотою медалью, сказалъ только, что на Г. мнѣ можно жаловаться ректору. Я и отправился къ ректору И. Я. Кронбергу, который—разумѣется—весьма удивился этому пожалѣвъ и сказалъ, что онъ потребуетъ мое сочиненіе на разсмотрѣніе, и обнадежилъ, что если оно заслуживаетъ, то я могу воспользоваться медалью, хотя и прошелъ срокъ. Очарованный ласковымъ приѣмомъ достойнаго ученаго, я утѣшился и началъ хлопотать объ аттестатѣ на званіе дѣйствительнаго студента. Въ полученіи этого документа не представлялось большихъ затрудненій: только и оказалъ нѣчто въ родѣ притѣсненія столоначальникъ, который завѣдывалъ тогда выдачею дипломовъ; но какъ мнѣ извѣстенъ уже былъ тогда этотъ сортъ людей, то я—не откладывая дѣла—тотчасъ-же далъ ему красную ассигнацію, и онъ сказалъ мнѣ, что черезъ 3 дня все будетъ готово; и въ самомъ дѣлѣ, на третій день я уже имѣлъ въ рукахъ аттестатъ весьма порядочный, т. е. совершенно занимающій середину между превосходнымъ и дурнымъ—въ немъ всѣ были отмѣчены хорошіе да очень хорошіе успѣхи. Но всего удивительнѣе въ этомъ аттестатѣ показалась мнѣ отмѣтка въ поведеніи тоже хорошая; въ продолженіи 3-хъ лѣтъ пребыванія моего въ университетѣ я не только не былъ замѣ-

ченъ въ какихъ либо дурныхъ поступкахъ или ослушаніи противъ начальства; но не пропускалъ лекцій даже Чанова, Приворотова и Бабичева, кланялся своимъ профессорамъ и педелямъ и всего только одинъ разъ за 3 года сидѣлъ въ карцерѣ 6 часовъ за просрочку 6 дней послѣ праздниковъ Р. Х.,—тогда помѣшала мнѣ явиться въ срокъ страшная мятель. Я всегда былъ строжайшимъ исполнителемъ обязанностей, даже сознавая иногда всю недѣльность требованій—и только къ одному лазарничеству не могъ принудить себя, что и помѣшало мнѣ крѣпко въ жизни. Такое хорошее поведеніе отмѣтилъ мнѣ новый инспекторъ (послѣ Банкова) Венедиктовъ, который едва-ли зналъ меня и въ глаза. Это обстоятельство сильно озадачило меня, ибо объ отмѣткахъ въ моихъ успѣхахъ я зналъ впередъ, а о поведеніи своемъ былъ всегда высокаго мнѣнія и всегда ожидалъ, что въ аттестатѣ дадутъ мнѣ примѣрное.

Съ этимъ вовсе не блистательнымъ аттестатомъ, я былъ брошенъ въ свѣтъ безъ денегъ, безъ протекціи, даже безъ самоувѣренности, или лучше сказать—безъ дерзости, которая очень часто пролагаетъ путь дуракамъ, не смыслящимъ ни аза въ глаза. Но я былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, молодъ и дѣятеленъ, не жаденъ къ яствамъ и питіямъ, и—что всего важнѣе—не слишкомъ оскорблялся неудачами.

Но прежде нежели въ самомъ дѣлѣ выйти мнѣ на арену свѣта, я долженъ былъ отправиться домой, гдѣ мнѣ хотѣлось опочить на лаврахъ нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ посмотреть: не спадетъ ли съ неба какое либо сѣдалище, на которомъ можно было бы мнѣ примоститься. Въ душѣ моей такъ мало было честолюбія въ это время, что я вовсе не предполагалъ разбирать, какое будетъ это сѣдалище: трехногій-ли стулъ въ уѣздномъ училищѣ, или скамейка въ какомъ-либо присутственномъ мѣстѣ—я готовъ былъ тогда даже поѣхать въ деревню учителемъ какихъ-нибудь маленькихъ сыновъ и дочекъ, или даже управителемъ надъ имѣніемъ—если бы это могло избавить отъ униженія кланяться и искать, но судьба устроила жизнь мою по своему. Въ концѣ сентября я былъ уже въ де-

ревнѣ. Осень была во всей красѣ и прелести своей, а потому я предался всей беззаботности деревенской жизни, которой рѣшительно никакое горе не тревожило и не нарушало. Напротивъ, друзья и пріятели непрерывно писали ко мнѣ письма, въ которыхъ сердечныя изліянія были во всей силѣ, и я—пользуясь юношескимъ настроеніемъ души—разумѣется принималъ ихъ за чистую монету.

Въ это время я читалъ и писалъ много; бывалъ въ обществахъ, хотя впрочемъ этого послѣдняго обстоятельства ни тогда, ни теперь не считалъ очень важнымъ.

Такъ мирно и прекрасно протекала жизнь моя въ деревнѣ. Казалось, я готовъ былъ весь погрузиться въ созерцаніе природы, заняться хозяйствомъ и не думать вовсе о суетѣ міра сего. Но мечты, навѣяныя поэтической жизнью въ Харьковѣ, непрерывный рядъ писемъ отъ моихъ университетскихъ друзей и товарищей о томъ, чтобы я поскорѣе пріѣзжалъ въ Харьковъ,—начало побуждать меня къ отъѣзду. Наконецъ, письмо Панкова—въ которомъ онъ, между прочимъ, увѣдомлялъ меня, что меня ждетъ въ Харьковѣ толико вождельнная медаль, окончательно уже заставила меня оставить деревню, и я около половины января 1834 г. пріѣхалъ опять въ Харьковъ. Въ Харьковѣ встрѣтила меня дружба съ распростертыми объятіями, въ карманѣ моемъ было до 300 р. ас. денегъ, надежда получить медаль, льстившая моему самолюбію, книги,—все это, конечно, могло на нѣкоторое время усладить горечь жизни вдали отъ роднаго крова, гдѣ я оставилъ такъ много сладостныхъ воспоминаній. Какое-то тяжелое предчувствіе тяготило мою душу: это былъ первый шагъ мой въ свѣтъ! Служба? Гдѣ искать ее?... Кто поможетъ, кто замолвитъ за меня слово, подастъ руку помощи облегчить душу совѣтомъ и участіемъ?

О, воспоминаніе объ этомъ тяжкомъ январѣ 1834 года такъ страшно для меня, что и теперь, черезъ 15 почти лѣтъ, оно леденитъ кровь въ моихъ жилахъ...

ГЛАВА XVI.

Послѣднее свиданіе съ университетомъ. Я ищу службу.

Приѣхавши въ Харьковъ, я имѣлъ въ карманѣ своемъ около 300 р. ас.: это былъ весь капиталъ, которымъ я долженъ былъ сдѣлать свою карьеру, т. е. одѣться, заплатить квартиру и искать службу!

Одежды у меня почти никакой не было, кромѣ студентской, въ которой я щеголялъ въ Зѣньковѣ; но здѣсь уже нельзя было пользоваться этой привилегіей: нужно было партикулярное платье. При моихъ ограниченныхъ средствахъ, я создалъ для себя слѣдующій скромный костюмъ: черный фракъ десятирублевого сукна со всѣми къ нему принадлежностями, шинель теплую съ тюленьимъ воротникомъ, а изъ вицмундира (сюртука) студентскаго—однобортный сюртукъ, да еще кое-что необходимое. Между тѣмъ какъ я ожидалъ съ нетерпѣніемъ новаго платья, которое—разумѣется—считалъ только франтовскимъ, получено мною объявленіе изъ университета: явиться 19 января въ 11 ч. утра въ залу университетскаго совѣта для полученія медали. Такое радостное извѣщеніе, о которомъ я зналъ и прежде, заставило меня забыть на нѣкоторое время все,— а когда въ назначенное время я явился и отъ проректора въ полномъ собраніи профессоровъ получилъ серебряную медаль, то восторгу моему не было предѣловъ: мнѣ казалось, что послѣ этого мнѣ легко будетъ получить самое выгодное мѣсто. Надпись на медали: *Auspiciis Nicolai primi Universitatis Charkoviensis ingenio et moribus* и лавровый вѣнокъ, окружающій эту надпись, казалось, были живы, приняли образъ и душу въ моемъ воображеніи! Въ полномъ чувствѣ, я забылъ, что университетъ страшнымъ образомъ обидѣлъ меня, не только не отличивши, но даже не замѣтивши ревности моей къ наукамъ,—что Г. страшнымъ образомъ притѣснилъ меня, задержавши мою диссертацию и проч. проч., и—отложивши одинъ изъ немногихъ полтинниковъ, оставшихся мнѣ на пропитаніе—рѣшился нанять извозчика и ѣхать благодарить профессоровъ. За что? Теперь это смѣшно, но тогда именно съ искреннимъ чувствомъ

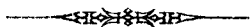
благодарилъ я каждаго профессора и вѣроятно довольно краснорѣчиво выражалъ свою благодарность, потому что нѣкоторые изъ нихъ готовы были, кажется, прослезиться и обѣщали мнѣ покровительство, которое—впрочемъ—принесло мнѣ не больше пользы, какъ и ихъ лекціи. Къ одному только Г. я не могъ себя заставить поѣхать.

Раздѣлавшись такимъ образомъ окончательно съ университетомъ, я рѣшился заняться пріисканіемъ какой нибудь службы, потому что въ карманѣ моемъ едва-ли было и на двѣ недѣли пропитанія. Но гдѣ же искать эту службу? Къ кому обратиться мнѣ, человѣку бѣдному, безъ денегъ, безъ протекціи? Это стоглавое чудовище, называемое службой, для которой—говорятъ—нужны только способности, рвеніе, дѣятельность, усердіе, представлялось мнѣ теперь—на первомъ шагу—совершенно въ другомъ видѣ, съ другими атрибутами.

О мѣстѣ вѣклассномъ, которое бы сколько-нибудь соответствовало моимъ способностямъ и образоваію, и думать было невозможно: я отъ всѣхъ слышалъ, что надобно послужить прежде писцомъ, и потомъ уже, когда начальство увидитъ мои способности и усердіе, искать большаго.

Это вовсе неутѣшительное извѣстіе до такой степени озадачило меня, что я подумывалъ было: нельзя-ли занять мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ, только чтобы непремѣнно въ Зѣньковѣ. Но и тутъ опять неудача: въ Зѣньковѣ такового мѣста не оказалось.

Между тѣмъ, какъ я рѣшительно недоумѣвалъ, какъ пристроить себя, одинъ изъ моихъ знакомыхъ сказалъ мнѣ, что вновь назначенный въ Харьковъ губернаторъ князь Грубецкой весьма желаетъ, чтобы у него въ канцеляріи служили люди образованные, и что я—вѣроятно—получу тамъ какое-нибудь мѣсто.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Историческія мелочи. I. *Договоръ присожанъ съ священникомъ о размѣрахъ платы за требы.* „Року 1705 г., мѣс. януарія 20 дня. Ми, громада села Краснослободскіи и Видилскіи, ставши предъ превелебнымъ г. чеснымъ отцемъ Селивестромъ, городничимъ (управляющимъ) Пакулскимъ Томоневичомъ съ честнымъ отцемъ Евстафіемъ, священникомъ своимъ новоосвященнымъ, которій у насъ упоминается датеу рокового, гдижъ ми всѣ ему поступаемъ громадою таковой датею: съ каждого пахара по четверику жита чернѣговской мѣри, ако тежъ давали отцу Тимофею, презвитеру пакулскому, такъ тежъ и ему; а кто жъ однимъ воломъ оре, съ таковыхъ по повчетверика, съ огородниковъ чеховъ по пять, съ сусѣдовъ—по шагу; зъ шлюбу младенческаго—по повзолотого, зъ удовця—повкопи; а зъ челадника нашего повиненъ болше узяти за шлюбъ; за похоронъ великій—повзолотого, за малій—чеховъ пять, за столи (т. е. за поминанье) аще дома становлятся, чеховъ пять, а роковіи—повзолотого; въ церевѣ поминати—повиненъ копу дати; за субутникъ (за субботнее поминанье) що впишетъ,—копу. И абы не было зъ насъ ни съ кого какой змаги; доходи, якіе поступилисмо, абы не вымагалъ зъ насъ болшей, що тежъ мы даемо ему писаніе сіе вѣвнустое ему и лѣтемъ его, абы за насъ Господа Бога благалъ до конца живота своего, а по смерти его повиненъ и сынъ его на томъ же престолѣ zostавати. Тое ему предложивши, симъ нашимъ писаніемъ его жъ святымъ молитвамъ отдаемося назавше. Ми, громада, подписуемся руками своими напродь Антонъ Дудка, войтъ краснослободскій, Θεодоръ Котлубай, Петро Жолобецкій, Кирило Жабчинець, Павелъ Шинваръ и вся гро-

мада. Такъ тежъ и Видилская: Стефанъ Гетманъ, войтъ, Василь Бойченко, Кирѣй Курдукъ, Корнѣй Шапаръ и вся громада. Дѣялося въ замку Пакулскомъ року и дня вишеписанномъ“. (Арх. Черниг. Казенной Палаты, акты Печерской лавры).

С. Пакуль, Черниговскаго уѣзда, было центромъ одной изъ волостей, принадлежавшихъ Печерской лаврѣ, почему въ актѣ значится, что онъ написанъ *въ замкѣ*. Къ пакульской волости принадлежали с. Видѣльцы и с. Краснослободка, теперь, кажется, несуществующая.

II. *Универсалъ гетмана Скоропадскаго объ учрежденіи въ Глуховѣ богадѣльни.* „Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ всей обще старшинѣ и чернѣ и каждому зособна, кому бы колвекъ о томъ теперъ и ѡ потомніе часи вѣдати надлежало, а мевовите п. сотниковѣ глуховскому, атамановѣ городовому и войтовѣ тамошнему съ протчїими урядовими, ижъ, устроивши, мы, гетманъ, въ городѣ Глуховѣ власнимъ нашимъ коштомъ болницу, ради промешчаня престарѣлихъ, такожъ разними немощи и калѣствами обдержимыхъ людей, а также для нихъ поблизу церковь теплую, до которой священникъ съ протчїими церковными жъ служителми, даби въ ней во умноженіе хвали Божїя всегдашня не уставала отправа святой литоргїи и инихъ надлежащихъ церемонїй, установленъ, а хотячи, жебы за житїя нашего и въ будущїе понасъ времена, такъ помянутому священнику съ служителми, яко и самимъ въ той болницѣ мешкающимъ таковымъ немощнимъ, въ цици, въ одѣянїи и въ инихъ нужнихъ потребахъ не било оскудѣнїя, зъ горливости христіанской, опредѣляемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ до той же церкви и болници, приселокъ подѣ Глуховомъ, именуемїй Новая-Гребля и клѣтку одну млива о трехъ колахъ, подѣ самимъ городомъ на греблѣ мѣской, на рецѣ Есманѣ обрѣтающюся. Вѣдаючи прето о таковой волѣ нашей всякъ, абы нѣхто зъ старшины и чернѣ войсковихъ и посполитихъ людей жадной священникамъ съ служителми при церквѣ той и въ болницѣ теперъ живущимъ и впредь жити мѣющимъ немощнымъ людямъ, во владѣнїи помянутого приселка и вишевыраженного млина, такожъ въ отбиранию приходячихъ зъ него размѣровнихъ, обоей, мелницкой и войсковой части, пожитковъ перешкоди, насилїя и трудности чинити не важился; посполитїе зась тогожъ приселка Новой-Греблѣ жители, должны суть и будутъ до помянутой церкви и болницы обивлое, въ чомъ указуватиметь потреба, отдавати послушенство, мѣти хочемъ и реймен-

тарско приказуемъ. Домъ въ кашцеляріи нашей воинской, въ Глуховѣ, генваря 9 дня, року 1718. Звишменованній гетманъ рукою власною». (Арх. генер. канц., № 6304).

Въ 1734 г. въ этой богадѣльнѣ находилось богадѣльниковъ: 18 мужчинъ и 14 женщинъ.

III. *Къ исторіи налётовъ саранчи въ Малороссію.* Въ одной изъ книгъ нашего дѣда встрѣтилась записанная имъ слѣдующая любопытная замѣтка о саранчѣ, остававшейся на поляхъ (въ Малороссіи) *семь лѣтъ*. „Саранча въ Малой Россіи укоренившаяся, дѣйствовала въ болшомъ количествѣ съ 1798 по 1806 годъ; а въ семь году зима была такъ гнилая, что и хлѣбъ въ землѣ вездѣ повипрѣвалъ и сѣмена саранчи также погнили. Отъ таковой непостоянной зимы, а весною отъ безпрестанныхъ ливнихъ дождей, которіе простирались даже до августа мѣсяца, здѣлался неурожай хлѣба и было въ продажѣ въ Конотопѣ жито по 75 коп., а гречи и протчая ярина по 50 коп. за пудъ“. Къ этой замѣткѣ можно прибавить другое свѣдѣніе о той же саранчѣ, записанное въ одной церковной книгѣ м. Ични, (Борзенск. уѣзда) мѣстнымъ священникомъ. — „Въ 1799 г., августа 5 дня, съ юго-востока шла чрезъ Ичень саранча въ такомъ множествѣ, что собою закрывала солнце. Начала ити въ 10 ч. утра, а кончила шествіе въ три часа пополудни. Ночевала всѣми своими силами за Ичнею, занявъ мѣста для ночлега двѣ версты въ длину и больше двухъ въ ширину. Толща слоя ея, покрывшая землю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была болѣе аршина. Пашнямъ здѣсь причинила мало вреда, но лѣсъ в. тов. С. Булыги совсѣмъ поломада...“.

(Опис. Черниг. Епарх. VI, 521).

IV. *Письмо кievскаго коменданта Андр. А. Аракчеева къ брату его гр. Ал. А. Аракчееву, 1825 г., объ открытіи фундамента древней Десятинной церкви.* «М. г., батюшка-братецъ Алексѣй Андреевичъ. Иностранные наряды въ отечественныхъ земляхъ своихъ будучи побуждаемы благороднымъ тщеславіемъ, въ доказательство ихъ древняго рода, происхожденія и что ихъ предки были люди образованные, съ познаніемъ ученыхъ искусствъ и художествъ, стараются ясными доказательствами, чрезъ открытіе древнихъ памятниковъ, сообщать потомству существующему славу ихъ предковъ. Городъ Кіевъ есть мѣсто отечества любезныя Россіи! Городъ Кіевъ есть фундаментъ вѣры Христа Спасителя нашего! Городъ Кіевъ есть источ-

никъ нравственности, наукъ и художествъ нашихъ! Какъ же не гордиться и не уважать сей памятникъ бытія нашего, нынѣ существующаго подѣ благословенною сѣнію благочестивѣйшаго нашего монарха и отца! Сими изъясненными причинами будучи побуждаемъ, почтеннѣйшій архипастырь нашъ митрополитъ Евгеній, обративъ вниманіе на древній памятникъ по исторіи и преданіямъ извѣстной бывшаго храма пресв. Богоматери, сооруженной въ 996 году всероссійскимъ великимъ княземъ Владиміромъ, подѣ названіемъ Десятинныя церкви, которая по нашествіи враговъ отечества татаръ за 600 лѣтъ была разрушена и приведена въ ничтожность и неизвѣстность. Принявъ сіе благочестивое намѣреніе высокопреосвященный сообщилъ о семъ людямъ имъ избраннымъ, изъ коихъ одинъ, чиновникъ 5 класса морскаго департамента Лохвицкій, побуждаемый единымъ усердіемъ, принялъ на себя трудъ исполнителя, коимъ нынѣ въ короткое время открытъ фундаментъ онаго храма, огромность онаго строенія, основанная на гранитныхъ большихъ разнаго рода камняхъ, отъ разрушенія остатки найдены карнизовъ и колонъ восточнаго бѣлаго мрамора, части красокъ алфреско на цементѣ, непотерявшій (шихъ?) цвѣта чрезъ 600 лѣтъ, мѣлкой стеклянкой разноцветный мазонхъ (sic), какъ должно полагать бывшимъ украшеніемъ стѣнъ храма, коего подобныя остатки украшенія еще существуютъ въ Софійскомъ соборѣ, полъ въ главномъ олтарѣ изъ разноцвѣтнаго мрамора и граната (sic); всѣ сіи достопамятныя древности, любезныя для всякаго сына отечества, прошедшей осени, сколько позволяло время, означены, а для яснаго соображенія и нужнаго понятія отраженнымъ отъ меня чиновникомъ инженеровъ снятъ планъ онаго храма сообразно помѣстному открытію фундамента означеннаго. Объяснивъ все оное согласно съ желаніемъ высокопреосвященнаго м. Евгенія, я посылаю къ вамъ, батюшка-братецъ, планъ и образчики древнимъ вещамъ найденнымъ, увѣренъ будучи, что вы не откажетесь въ полезномъ быть помощникомъ нашимъ и что такое древнее и рѣдкое открытіе доведете до свѣдѣнія всемілостивѣйшаго государя императора, коего мнѣніе подастъ болѣе силы и способовъ къ открытію и описанію сего достопамятнаго памятника вѣры нашей. Былъ, есмь и пребуду по гробъ вѣрно любящимъ братомъ и слугою....» «Г. Кіевъ. Генваря 15 дня, 1825 года».

Настоящее письмо найдено, въ копіи, между бумагами Ив. Ром. Мартоса († 1831), жившаго въ это время въ Кіевѣ.

V. *Батуринскій заводъ восковыхъ свѣчей гетмана Разумовскаго* славился качествомъ выдѣлываемыхъ въ немъ свѣчей; свѣчи эти выписывались даже въ Кіевъ. Одинъ изъ усердныхъ богомольцевъ пещерской лавры, въ ней прожившій болѣе десяти лѣтъ, бывшій директоръ департамента министерства юстиціи Ив. Ром. Мартосъ, писалъ въ 1827 г. изъ лавры, конотопскому своему пріятелю: «прошу привезти для меня два пуда батуринскихъ восковыхъ свѣчей, на коихъ съ-подо бывають печати или штемпели. Я знаю что они дорого покупаются, въ чемъ не извольте и сомнѣваться, лишь бы только свѣчи были хорошіе, до сихъ поръ я платилъ за сія произведенія гетманской экономіи по сто рублей за пудъ».

Свѣчной заводъ въ Батуринѣ былъ устроенъ въ концѣ XVIII в., поселившимся въ это время тамъ на покой гр. К. Гр. Разумовскимъ.

А. Л.

Леопардовская колленція въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. Почетный членъ церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи, д. с. с. Н. А. Леопардовъ окончилъ передачу въ церковно-археологическій Музей своихъ коллекцій археологическихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныхъ имъ сему музею на вѣчныя времена. Въ этихъ коллекціяхъ числятся 8366 №№, на сумму 31,261 р. 50 коп. серебромъ, а именно 730 №№ археологическихъ предметовъ на сумму 5641 р. 50 к. сер., и 7636 монетъ, медалей, жетоновъ и т. п. на сумму 25,620 р. сер.

Археологическіе предметы раздѣляются на слѣдующіе разряды: а) священныхъ предметовъ и образовъ 65; б) картинъ, портретовъ и нѣкоторыхъ бытовыхъ предметовъ 16; в) образковъ, преимущественно металлическихъ 143; г) шейныхъ крестиковъ, образковъ, энколпионовъ и медальоновъ 236; д) предметовъ домашняго быта изъ великокняжеской эпохи 45; е) предметовъ первобытной эпохи и греко-римскихъ колониальныхъ, полученныхъ изъ раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ юго-западной Россіи и изъ случайныхъ находокъ 200; ж) предметовъ русской исторической эпохи 25. Большая часть этихъ предметовъ собрана на юго-западѣ Россіи и потому имѣеть мѣстный

археологическій интересъ. Археологическіе предметы этого рода пріобрѣтались преимущественно въ Кіевѣ изъ находокъ въ самомъ Кіевѣ, а также изъ раскопокъ и находокъ въ кіевской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ черниговской, полтавской, екатеринославской, херсонской, таврической, подольской, волынской, гродненской, минской и моголевской. Къ такимъ предметамъ относятся предметы первобытной эпохи, древнихъ греческихъ колоній въ южной Россіи, бытовые предметы изъ русской великокняжеской эпохи и многіе изъ металлических образковъ, медальоновъ, крестиковъ и энколпіоновъ. Особенное значеніе для церковной археологіи имѣютъ христіанскіе священные предметы, назначавшіеся для домашняго употребленія и чтуванія, т. е. металлические образки, крестики и энколпіоны. Представляя полную картину историческаго развитія этого рода памятниковъ въ Россіи отъ начала христіанства въ ней и до настоящаго времени, этотъ отдѣлъ коллекціи г. Леопардова особенно интересенъ по тѣмъ немалочисленнымъ представителямъ своимъ, которые носятъ на себѣ несомнѣнную печать византійскаго производства, или же сдѣланы русскими мастерами въ великокняжескую эпоху южнорусской исторіи.

Монеты, медали и жетоны раздѣляются на слѣдующіе разряды: а) монетъ средняго міра автономныхъ и колоніальныхъ, преимущественно греческихъ и древневосточныхъ 466; б) римскихъ 801; в) византійскихъ 285; г) босфорскихъ 940; д) восточныхъ и татарскихъ 196; е) русскихъ 4655; ж) медалей, наградныхъ знаковъ, жетоновъ и проч. 293.—По металлу, онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 173 золотыхъ, 10 копій съ золотыхъ монетъ, 3 электро-выхъ, 4 платиновыхъ, 2729 серебряныхъ, 4633 бронзовыхъ и мѣдныхъ, и 84 свинцовыхъ, чугунныхъ и т. п. Изъ перечисленныхъ нумизматическихъ разрядовъ, монеты древняго міра автономныя и колоніальныя, римскія, византійскія, босфорскія и восточныя съ татарскими имѣютъ прежде всего самостоятельное историко-археологическое значеніе. Всѣ вообще эти монеты служатъ иллюстраціею и дополненіемъ всеобщей гражданской исторіи; а монеты древняго греко-римскаго міра вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко изображаютъ языческихъ боговъ и героевъ, языческіе храмы, святилища и принадлежности богослуженія, и въ этомъ отношеніи представляютъ богатый матеріалъ для изученія греко-римской міеологіи и религій; византійскія же монеты, по находящимся на нихъ христіанскимъ священнымъ изображеніямъ, представляютъ незамѣнимое пособіе къ изуче-

нію византійской иконографіи. Но большая часть монетныхъ собраній Н. А. Леопардова, кромѣ самостоятельнаго, имѣеть и другое, еще болѣе важное значеніе,—служебное или вспомогательное по отношенію къ русской исторіи и къ русской нумизматикѣ. Собиратель обращалъ свое вниманіе преимущественно на собраніе монетъ такихъ народовъ и государствъ, которые или жили и находились въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, какъ напр.: греческіе колонисты по берегамъ Чернаго моря и Босфорцы, или оказывали могущественное и продолжительное вліяніе на судьбы и просвѣщеніе Россіи, какъ напр. Византія, непосредственно и чрезъ свои черноморскія колоніи, или же имѣли извѣстную долю вліянія на монетное дѣло въ Россіи, какъ напр. та же Византія и восточный мусульманскій міръ. Въяцпомъ же нумизматическихъ коллекцій у собирателя является коллекція русскихъ монетъ, и самая многочисленная по количеству монетъ (4655), и самая цѣнная въ матеріальномъ отношеніи (16,910 р. сер.). При составленіи этой коллекціи, Н. А. Леопардовъ собиралъ и аналогичныя русскимъ монеты другихъ народовъ, для объясненія монетнаго дѣла въ Россіи, какъ напр. куфическія монеты, пражскіе и саксонскіе широкіе гроши, шведскія, литовско-русскія и другія монеты, и нерѣдко помѣщалъ ихъ въ той же русской коллекціи.

Важнѣйшіе изъ предметовъ и монетъ коллекціи г. Леопардова изданы самимъ собирателемъ въ издававшемся имъ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ» Кіевъ, 1890—1893 г. г. Въ шести вышедшихъ доселѣ выпускахъ этого «Сборника» издано изъ коллекцій г. Леопардова 135 археологическихъ предметовъ и 30 монетъ, а всего 165 №№.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о вечерницахъ, кулачныхъ бояхъ, сборищахъ подъ Ивана Купала и проч. 1719 года.

(Списокъ съ копій, снятой съ документовъ бывшаго Стародубскаго магистрата).

Универсалъ рейментарскій о вечерницахъ, кулачкахъ и протчихъ зборахъ, абы выкоренити. Пресвѣтлѣйшого и дер-

жавнѣйшого великого государя нашего его царского священѣйшого величества войскъ запорожскихъ обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Іоаннъ Скоропадскій пану полковниковѣ стародубовскому, всей старшинѣ его полковой: сотникамъ, атаманамъ, войтамъ городовимъ и сѣлскимъ, такожъ пп. державцамъ духовнимъ и свѣцкимъ, в томъ полку маестности своей мѣючимъ, и прочимъ всѣмъ войскового и посполитого чину, од старшого до найменшого, полчанамъ тамошнимъ, зъ особы зась каждому, кому колвекъ въ томъ надлежатиметь видати, симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ,—и жъ не од теперъ доносѣтся намъ вѣдати з рознихъ мѣсць, что в полкахъ рейменту нашего по городахъ, городкахъ и селахъ многіе од полу мужеска и женска молодіе и своевольніе люде, барзѣй неповстагливіе од родителей своихъ дѣтей, вимисливши себѣ безчинное гулянье вечерницѣ, нанимають у подобнихъ собѣ жъ легкомыслиниковъ на тое мѣсца, и збираючись туда по ночахъ, купали справують, игри, танци и пяттики, з якихъ бивають галаси и зачепки до звадокъ; послѣдователно зась з того уростають забойства, а ктому розніе под часъ таковихъ зборовъ чинятся ексцессы, яко то: грихи блудніе, раслѣвнїя дѣвства, беззаконное дѣтей прижитіе; з того потомъ чрезъ тихже безчинниковъ, закриваючихъ свое нерадное дѣло, стаються дѣтогубства, якъ з рознихъ мѣсць не разъ мѣлисмо въ томъ извѣстіе. За яковое безчинїя видимъ гнѣвъ Божїй на всѣхъ насъ зрится, ибо не од теперъ тилко лѣтніе неурожаи хлѣба, многіе надежи скотовъ, а що болшей и моровіе язви и другіе тяжкіе въ людяхъ болѣзни Малая Россїи понесла и прочіе поносятъ злочюченїя. За чимъ, хотячи мы тое въ народѣ нашомъ злонравное, заповѣди Божой и христьянскому званїю противное вивести и ускромити безчиннїе, яко въ томъ в иншіе рейменту нашего полки послалисмо грозніе указы, такъ и полкъ стародубовскїй ординуючися сей унѣверсалъ, цилно впоминаемъ и приказуемъ, абы панъ полковникъ тамошней старшинѣ своей полковой: сотникамъ, атаманамъ и войтамъ городовимъ и сѣлскимъ, а п: п: державцѣ духовніе и свѣцкіе дозорцамъ маестностей своихъ повелѣли накрѣпко того постерѣгати, жебы од сего часу в городахъ, в городкахъ и селахъ на помянутіе по вечерницяхъ сборы, а ктому на богомерзкіе купальніе игриска въ Петровъ постъ звикли и на кулачніе бои, чрезъ которое многіе здоровья, а иншіе лишаются и житїя, що все зъ образою Божою дѣтсся, ни хто нѣвогда и нѣгде сходиться и жадною безчинїя, галасовъ и звадокъ, барзѣй з контентуьчими великороссѣйскими жолнѣрами, чрезъ

що намъ особлива дѣется трудность, затѣвати не важился; прочіе же для тих безчинних сборовъ господъ своихъ нанимати такожби отнюдъ не держали. Кто би засъ упорне противъ заповиди Божой и сего нашего указу поступуючи, вивед не мѣлъ таковихъ поперестати експессовъ, то не тилко всякого, выполняючого оное, старшинамъ городовимъ и сѣлскимъ вязанемъ без пощаждѣнія траити и кіовимъ боемъ наказовати позволяемъ, лечъ и то, хто би з легкомыслности якового ради себѣ скверно прибитчества важился для тих нерадныхъ сходовъ нанѣмати господи, карати злизвѣщеніем (?) ся на горлѣ роскажем; того и духовніе власти постерѣгати и таковихъ безчинниковъ кришко истязовати, а преслушнихъ м од церкви одлагати мѣют. Жеби теди кождей з обивателей полку стар. о таковой волѣ и указу нашом вѣдали і оный содержали неприминно, должен панъ полковникъ тамошній сей унѣверсалъ всѣде (?) в полку своемъ, розславши оного списка, по городах і селахъ оголошѣти и заставніе торговіе и народом читовати пилно і рейментарско приказуемъ. Данъ в Глухови іануар. року 1741.

Вишменованным гетманъ рукою власною.

Сообщ. Ф. Николайчикъ.

Про вовкулакивъ.

(Записала отъ своей бабы Анна Сахонова, дѣвочка 13 лѣтъ, въ м. Беркѣевкѣ, пѣжинск. у.).

Годивъ за тридцать тому назадъ у моего дѣда кошелевци ¹⁾ робы были комору. Дидъ тоди живъ надъ полемъ. Майстри посадали снитать. На городи бигало козеня; а вовѣ якось пидерався, ухватывъ и побигъ, тутъ кинулись доганять, да куды тамъ доженешъ. А одынъ

¹⁾ Беркѣевка въ 12 верстахъ отъ Нѣжина; Кошелевка въ 10 в. отъ Беркѣевки. Кошелевцы — плотники и пильщики.

майстеръ каже: «Не доганяйте, то вже ёму Богъ показавъ; уже Богъ якъ покаже, що ему зъисты, дакъ ёму вже тее, що думаетъ зъисты, буде показувать красне. Я и самъ бувъ воввулакою». Тутъ наши люде стали пытать: «Роскажить якъ було». — «Да от-же якъ. Я любывъ дивку; да такъ прыйшло, що взявъ другую. У неділю я пишовъ изъ жинкою до церкви; жинка пишла попереду, а я трохи подождавъ да и соби пишовъ; треба було йти крузь тоєи дивки двірѣ, що я любывъ да не взявъ».

Тилько що я поривнявся зъ дворомъ, дивка тая выбигла дай каже. «На тоби ленту, що ты мени купывъ», дай кинула на мене, а сама засміялась дай побигла. Тутъ я ставъ минутьца и вже не пишовъ до церкви, а пишовъ изъ села, да тамъ за селомъ пидъ клунею лигъ дай лежу; а вже въ мене и шкура вовча выросла. Отъ приходять тры вовки, дай кажуть мени: «Чи ты будешъ намъ служыть, а не кочешъ, дакъ мы тебе зъймо». — «Ни, буду вже лучче вамъ служыть». — «Ну добре», кажуть вовки: «иды за нами». Я пишовъ. Идемъ—гуси пасутся; отъ вовки кажуть: «Дывысь, котора гуска тоби показується красна, ту й ловы». Я вловывъ, давъ имъ. Вони кажуть: «Ижъ же й ты». Довго я не хотивъ исты сырого мяса; да вже якъ привыкъ, тоди вже й не розбирывъ. Такъ я имъ прослужывъ симъ годъ. Наставъ срокъ, дакъ вони мене й отпустилы до дому. Я прыйшовъ да ухливи й лигъ. Батько у ранци прыйшовъ до хлива одчынивъ двери, да якъ закрычыть, побачивши мене: «Вовкъ, вовкъ!» Да скорийши двери зачынивъ. Люде збиглысь. Тутъ я бачу що не перелывки, давай лизгы на тынъ, щобъ утикты, да якось зачепывъ за ломаку, прорвавъ вовчу шкуру, да й вылизъ изъ шкуры. Отчынылы вони двери, дывляться—я стою. Маты тоди якъ заголосыть: «Иванъ! Иванъ, сыночокъ мій, де ты скитався». Я давай и соби плакаты. Мене повелы въ хату, роздигнулы, далы билу сорочку, штаны и посадылы исты. Добрый мыни показався хлибъ послп сырого мяса; а вони все мене пытають: «Роскажи-бо намъ, де ты бувъ». Я хочу сказать имъ слово, дакъ вовкомъ и зареву. Диты крычать, боятсь; дакъ я вже и мовчу.

Цілый тыждень я усе ревивъ вовкомъ; а у неділю я пишовъ у ранци на двірѣ, саме до церкви благовистыло; я увишовъ у хату

дай кажу батьку: «Уже, тату, до церкви благовистять». Наши вси зрадили, що я гомоню; батько пійшовъ до попа, дакъ мене высновидали и причастылы. Одъ того дня я вже й ставъ говорѣть.

Отакее-то! щобъ вонѣ до мене й неворочалось!»!

1894 года 3-го апрѣля.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріали по археології Росіи, издаваніе Императорскою Археологическою Комиссією. № 12. Древности Южной Росіи. Раскопки Херсонеса. Изслѣдованіе А. А. Бертье-Делагардь. Съ 7 таблицами и 2 политипажами. Спб. 1893.—№ 14. Древности Сѣверо-Западнаю края. Т. I, выт. 2. Люцинскій могильникъ. Съ XV таблицами рисунковъ и 36 политипажами. Спб. 1893.

До сихъ поръ еще пользуется довѣріемъ мѣнѣе, пущенное въ ходъ академикомъ Палласомъ и путешественникомъ Кларкомъ, будто развалины Херсонеса уничтожены русскими матросами при постройкѣ Севастополя. Г. Бертье-Делагардь фактически доказываетъ, что еще до этого времени онѣ находились въ жалкомъ состояніи, и что русскимъ немного оставалось и расчищать: Херсонесъ прекратилъ свое существованіе послѣ долгой агоніи, нѣсколько разъ подвергался разрушенію и снова создавался изъ развалинъ и, такимъ образомъ, самъ себя расхитилъ; съ другой стороны авторъ не обольщается и вообще культурой Херсонеса, а видитъ въ немъ не что иное, какъ «полуварварскій городъ, о которомъ упоминается большею частью только потому, что онъ былъ мѣстомъ ссылки».

Разсматриваемый нами трудъ посвященъ исторіи херсонесскихъ раскопокъ и научной оцѣнкѣ результатовъ ихъ, при чемъ почтенный авторъ избираетъ область, ближайшую къ его коренной спеціальности—остатки архитектуры. Передавъ исторію раскопокъ, г. Бертье-Делагардь приходитъ къ заключенію, весьма не выгодному для Херсонеса. «Вышеуказанныя раскопки, говоритъ онъ, вскрыли весьма большую часть города, около 10.000 кв. сажень, въ разныхъ, но преимущественно самыхъ населенныхъ и богатыхъ его частяхъ, и я конечно, не найду словъ для выраженія той жалкой нищеты, того

глубокаго архитектурнаго невѣжества и безграмотности, которыя съ непререкаемою ясностью встаютъ изъ раскопокъ Херсонеса; развалины нашихъ самыхъ бѣдныхъ слободъ покажутся совершенствомъ по сравненію съ херсонесскими». Основываясь на мѣстныхъ условіяхъ и на результатахъ произведенныхъ доселѣ раскопокъ, г. Бертье-Делагардъ относится съ рѣшительнымъ недоувѣріемъ къ возможности открытія высокохудожественныхъ древнѣйшихъ развалинъ. Однако, относясь къ дѣлу съ совершенной трезвостью, онъ придаетъ большое значеніе раскопкамъ Херсонеса и въ частности—находкамъ не классическаго, а византійскаго періода, такъ какъ послѣдній мало имѣетъ такихъ представителей, какъ Херсонесъ; значеніе это становится еще болѣе важнымъ для насъ, по связи Херсонеса съ нашей исторіей—политической и церковной.

Описавъ въ краткихъ словахъ различныя археологическія находки, сдѣланныя въ Херсонесѣ, авторъ переходитъ къ остаткамъ архитектурнымъ, о которыхъ и говоритъ съ большою обстоятельностью. Касаясь весьма немногочисленныхъ остатковъ классическаго періода, послужившихъ матеріаломъ для позднѣйшихъ построекъ, онъ дѣлаетъ интересное наблюденіе, что въ Херсонесѣ, который, какъ извѣстно, былъ заселенъ дорійцами, находимы были фрагменты многихъ разновременныхъ зданій, почти исключительно іоническаго ордера; авторъ видитъ въ этомъ указаніе на вліяніе родины іоническаго ордера—Малой Азіи. Обращаясь затѣмъ къ описанію остатковъ позднѣйшаго, византійскаго города, онъ касается общаго характера его, при чемъ обращаетъ вниманіе на необыкновенную правильность въ расположеніи улицъ, происшедшую, вѣроятно, въ позднѣйшее время, послѣ какого-нибудь погрома, отъ котораго въ городѣ мало что уцѣлѣло;—говоритъ о частныхъ домахъ, которые представляютъ собою жалкія лачужки, о прославленномъ херсонесскомъ водопроводѣ, который, по словамъ г. Бертье-Делагарда, оказывается поразительно плохимъ, и наконецъ переходитъ къ описанію церквей, которымъ и посвящаетъ большую часть своего труда.

По причинѣ весьма понятной мы не можемъ слѣдовать за авторомъ въ его подробномъ описаніи херсонскихъ церквей. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя общія замѣчанія его, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи и древностямъ южной Россіи. Извѣстно, что въ Херсонесѣ открыты церкви двухъ типовъ: базилики и купольныя церкви. Въ наукѣ держится мнѣніе, что съ VIII вѣка церкви перваго типа на востокѣ исчезли, поэтому и херсонесскія базилики при-

ходилось считать принадлежащими ко времени не позднѣе этого столѣтія, а онѣ тамъ преобладаютъ. На основаніи изслѣдованныхъ имъ фактовъ, г. Бертъе-Делагардъ оспариваетъ это положеніе для Херсонеса, полагая, что тамъ онѣ не вывелись даже послѣ XII вѣка, по той причинѣ, что купольныя постройки въ такомъ «безграмотномъ» городѣ, какъ Херсонесъ, представляли непобѣдимыя техническія трудности, сравнительно съ базиликами, которыя, наоборотъ, по простотѣ своей, могутъ быть приравнены къ сараю.

Съ большой подробностью останавливается авторъ на развалинахъ церкви, въ которой, какъ предполагали раньше, крестился Владиміръ святой, и на мѣстѣ которой, въ воспоминаніе этого событія, сооруженъ теперь храмъ св. Владиміра; г. Бертъе-Делагардъ, на ряду съ нѣкоторыми другими изслѣдователями, не находитъ для такого предположенія никакихъ основаній; онъ полагаетъ, что если св. Владиміръ крестился въ Херсонесѣ, то вѣроятно всего — въ особой, открытой въ 1877 году, крещальнѣ (IX—X в.), находящейся рядомъ съ большой базиликой, открытой гр. Уваровымъ и признаваемой авторомъ за соборную церковь.

Замѣчательно, что всѣ херсонесскія церкви обращены алтарями на сѣверо-востокъ, чего не наблюдается въ восточныхъ церквяхъ другихъ городовъ, даже и крымскихъ; но то же самое замѣчается въ кіевской св. Софін, Десятинной и Михайловской церквяхъ, что служитъ указаніемъ на херсонесское вліяніе. Откуда взялся этотъ обычай въ самомъ Херсонесѣ—вопросъ открытый; авторъ предполагаетъ, что изъ Малой Азіи.

Въ недавнее время была заподозрѣна достовѣрность показанія Страбона о положеніи древняго, языческаго города. Г. Бертъе-Делагардъ становится въ этомъ вопросѣ на сторону греческаго историка, основываясь на необыкновенной точности его описанія и на передаваемыхъ имъ подробностяхъ осады города скинами, и ищетъ древнѣйшаго Херсонеса въ глубинѣ Козачьей бухты. Произведенныя имъ здѣсь въ 1890 году раскопки обнаружили крѣпостныя стѣны съ башнями и дали несомнѣнные остатки древне-эллинскаго города, какъ-то: монеты, черепки черно-лаковой посуды, зданія и ни малѣйшихъ слѣдовъ христіанскаго времени. Къ этой раскопкѣ была у автора и другая побудительная причина. Занимаясь обслѣдованіемъ Инкермана, онъ пришелъ къ заключенію о невозможности обычно-допускаемаго пребыванія тамъ св. Климента, папы римскаго, и нѣкоторыя данныя привели его и по этому поводу къ мѣстности древнѣйшаго Херсо-

неса. Въ частности, онъ обратилъ вниманіе на находящійся здѣсь островокъ, искусственно сооруженный еще въ древности, для того чтобы выдвинуть стѣну укрѣпленія въ воду, для защиты города отъ обхода непріателемъ по мелкому мѣсту. На островкѣ и ранѣе извѣстны были остатки церкви съ нѣсколькими жилыми помѣщеніями. Раскопки, произведенныя здѣсь г. Бертъе-Делагардомъ, подтвердили вѣроятность его предположенія, что мощи св. Климента найдены были здѣсь. А именно: онъ открылъ здѣсь остатки по всей вѣроятности монастыря, съ небольшою церковью; въ этой послѣдней нашлась крѣпта, доступная извнѣ церкви по особому ходу, который, по его мнѣнію, продѣланъ изъ желанія сдѣлать доступною могилу, въ коей найдены мощи.

Могильникъ, доставившій матеріалъ для XIV выпуска «Матеріаловъ», открытъ совершенно случайно на вершинѣ Комаровой горы, близъ гор. Люцина витебской губ. Въ 1890 и 1891 г. онъ былъ изслѣдованъ Е. Р. Романовымъ и В. И. Сизовымъ, при чемъ первый открылъ 293 погребенія, а второй 45, и все-таки окончательно не исчерпанъ.

Въ рассматриваемый выпускъ «Матеріаловъ по археологiи Россіи» вошли дневники обоихъ изслѣдователей, рисунки найденныхъ ими древностей и описаніе могильника, которое составлено членомъ Археологической Комиссіи А. А. Спицынымъ на основаніи дневниковъ раскопокъ и изученія собранныхъ при раскопкахъ коллекцій.

Преобладающимъ способомъ хороненія въ Люцинскомъ могильникѣ является погребеніе трупа. Глубина могилъ большею частію не превышала 1½ аршина. Изрѣдка встрѣчались остатки деревянныхъ гробовъ, обыкновенно же дно могилы, а иногда и бока ея прокладывались досками, а трупы покрывались берестой или досками тоже; при нѣкоторыхъ скелетахъ найдены остатки деревянныхъ изголовій, отчасти орнаментированныхъ. Почти всѣ скелеты найдены лежащими на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, но положеніе рукъ оказывалось различнымъ; голова лежала большею частію лицомъ вверхъ. Относительно ориентаціи скелетовъ г. Спицынъ сдѣлалъ наблюденіе, что мужчины полагались головою почти всегда на востокъ, а женщины на западъ, чего, сколько намъ извѣстно, не замѣчалось въ другихъ могильникахъ; но самая классификація могилъ на мужескія и женскія не достаточно имъ мотивирована, и потому открытіе его возбуждаетъ сомнѣнія; факты, и на его взглядъ противорѣчащіе его обобщенію, г. Спицынъ объясняетъ возможными, по его мнѣнію,

описками въ дневникѣ г. Заманова, что кажется намъ нѣсколько опрометчивымъ.

Другую, менѣе распространенную, формою похоронъ въ Люцинскомъ могильникѣ является трупосожженіе. По мнѣнію г. Спицына, обрядъ трупосожженія совершался гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ могилы; но окончаніи обряда, остатки костей собирали и погребали въ сравнительно не глубокой ямѣ, положивъ на доскѣ, или на берестѣ, или на кускѣ ткани, изрѣдка — въ ящикѣ; сверхъ костей клали вещи, принадлежавшія покойному. Иногда остатки сожженія труповъ наблюдались въ самихъ могилахъ.

Наконецъ, бывали случаи находенія въ могильникѣ вещей безъ костей. Такія находки г. Спицынъ признаетъ «погребеніями однихъ вещей безъ костяковъ», на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ означенныхъ случаяхъ вещи находимы были въ испорченномъ видѣ, 2) онѣ помѣщались, по его выраженію, «съ видимою заботливостью», т. е. на подстилкѣ, а иногда и прикрывались сверху, и 3) подобные случаи находенія костей безъ вещей бывали и въ нѣкоторыхъ другихъ могильникахъ, въ тамбовской, рязанской и вятской губерніяхъ. Авторъ считаетъ почему-то «изысканнымъ» предположеніе, что такія находки представляютъ остатки трупосожженій; но гораздо изысканнѣе кажется намъ его собственное мнѣніе объ отдѣльномъ погребеніи вещей въ томъ случаѣ, если трупъ не могъ быть доставленъ въ руки родственниковъ покойнаго ¹⁾; во всякомъ случаѣ, оно не подтверждается ни историческими свидѣтельствами, ни этнографическими данными. По столько же неожиданному съ его стороны, сколько справедливому сознанію самого г. Спицына, подобныя объясненія создавать не трудно (стр. 14).

Порча вещей, наблюдавшаяся — къ слову сказать — и въ могилахъ съ трупосожженіемъ, могла происходить отъ различныхъ причинъ, какъ то: отъ удара киркой или лопатой при копаніи новой могилы и при грабительскихъ раскопкахъ, отъ дѣйствія почвенной сырости и огня при трупосожженіи, наконецъ вещь могла быть повреждена еще при жизни погребеннаго. Что касается подстилки и покрытія, то они-то и сближаютъ разсматриваемыя находки вещей съ могилами въ собственномъ смыслѣ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, являлся вещью весьма обыкновенною. Наконецъ, наличность таковыхъ

¹⁾ Въ болѣе положительной формѣ мнѣніе это высказано г. Спицынымъ въ Отчетѣ Имп. Археол. Комм. за 1891 г., стр. 104.

находокъ въ «различныхъ, очень отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ Россіи» можетъ быть объяснена вполне удовлетворительно, если поискать условій, общихъ этимъ мѣстностямъ: г. Спицынъ упустилъ изъ виду, что всѣ указанные имъ могильники, изъ числа которыхъ и Люцинскій не представляетъ исключенія, отличаются песчаной почвой и глинистой подпочвой,—обстоятельство, какъ нельзя болѣе благоприятствовавшее разрушенію и полному уничтоженію костей и образованію водомоинъ, которыя нарушали порядокъ погребеній.

Переходя къ обзорѣню древностей Люцинскаго могильника, г. Спицынъ, указывая на рисунокъ, сдѣланный г. Сизовымъ и напечатанный въ текстѣ, дѣлаетъ замѣчаніе относительно того, что одежда женщинъ была необыкновенно коротка. Это возможно, но кайма, изображенная на рисункѣ, съ меньшей вѣроятностью могла принадлежать и переднику.

Въ Люцинскомъ могильникѣ найдены остатки шерстяныхъ и холщевыхъ матерій; матеріи перваго сорта оказывались иногда затканными бронзовыми колечками и въ такомъ видѣ, по мнѣнію г. Спицына, служили оборкой у платья и нарукавниками. Ноги обертывались полоской шерстяной ткани, которая скрѣплялась шнуромъ.

Общераспространенными украшеніями головы служили шерстяные круглые жгуты, унизанные мѣдными кольцами и снабженные привѣсками въ видѣ пучковъ изъ жгутовъ-же. Незначительность діаметра этихъ круговъ (43—52 сант.) авторъ отказывается объяснить «естественнѣе» и иначе, какъ малымъ размѣромъ головъ покойницъ, для чего, однако, не приведено фактическихъ основаній, хотя въ книгѣ есть спеціальная глава, посвященная антропологическимъ наблюденіямъ. Относительно происхожденія этого головного убора авторъ высказываетъ правдоподобное и законное въ методологическомъ отношеніи предположеніе, что уборъ этотъ является подражаніемъ убору косы, своего рода—фальшивой косой, но дѣлаетъ какъ-то случайно, вскользь, «въ видѣ догадки,—по его словамъ—почти ни на чемъ не основанной». Намъ думается, что основаній для него можно бы поискать не безъ успѣха съ помощью сравнительнаго изученія древнихъ уборовъ. Кромѣ жгутовъ, головнымъ уборомъ служили бронзовые вѣнки въ видѣ повязокъ, которые попадались также въ могильникахъ другихъ мѣстностей Россіи. Обыкновеннымъ украшеніемъ шеи служили гривны жгутообразныя и пластинчатыя, также хорошо знакомыя; рѣже попадаются ожерелья изъ раковинъ, бусъ и мѣдныхъ спиралей и подвѣски въ видѣ уточекъ и собачекъ. Грудь

украшалась сложной системой цѣпочекъ, которыя прикрѣплялись къ дужкѣ, обхватывавшей сзади шею. Были употребительны фибулы весьма распространеннаго кольцеобразнаго типа; между ними найдены экземпляры съ интересной орнаментацией скандинавскаго пошиба; встрѣчались также арбалетообразныя фибулы. На рис. 13 въ текстѣ (стр. 31) изображенъ еще предметъ весьма оригинальной формы, названный также фибулой, но ни рисунокъ, ни описаніе его не даютъ понятія о его дѣйствительномъ назначеніи. Попадались въ могильникѣ ременные пояса, украшенные металлическими узорчатыми бляшками и снабженные такими же наконечниками; послѣдніе служили для того, чтобы облегчить продѣваніе ремня въ пряжку. Къ пазамъ привѣшивались иногда украшенія, а чаще ножи. Въ большомъ количествѣ находимы были браслеты—спиральные, цилиндрическіе, обрубевидные, иногда покрытые красивымъ узоромъ, также перстни въ видѣ кокошника и витые, и кольца—спиральныя и простыя. Изъ предметовъ вооруженія въ могильникѣ найдены два желѣзныхъ меча; то, что въ текстѣ названо саблею (стр. 45), на рисунокѣ (Табл. XIV, рис. 13) не похоже на саблю; формы копіи однообразны; далѣе, встрѣчались топоры двухъ типовъ: узкіе и длинныя—и широкіе. Кромѣ того, попадались серпы, остроги, костяной гребень, вѣсы, бронзовая булавка (вѣрнѣе—шилька), украшенная плетеніемъ и схематическими изображеніями конскихъ головокъ; наконецъ, при одномъ трупосожженіи найдены два креста, несомнѣнно—христіанскіе. Общее впечатлѣніе, оставляемое древностями Люцинскаго могильника, сравнительно съ родственными имъ древностями средней и восточной Россіи—бѣдность формъ и недостатокъ оригинальности ихъ; за рѣдкими исключеніями, почти всѣ типы предметовъ, изображенные на 15 таблицахъ и 36 политипажахъ, были извѣстны уже по древностямъ сѣверо-западнаго края, изданнымъ Крузе, Беромъ и самой Археологической Коммиссіей.

Г. Спицынъ относитъ могильникъ къ X—XI ст., но научно не обосновываетъ этого положенія, о чемъ надо пожалѣть тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя формы люцинскихъ древностей могутъ найти себѣ аналогіи даже въ эпохѣ, ближайшей къ переселенію народовъ (напр. — арбалетообразныя фибулы).

Въ общемъ, описаніе могильника сдѣлано г. Спицынымъ чрезвычайно старательно. Забота о точности обобщеній простирается у него, напр., до того, что онъ, не довольствуясь ссылками на номера денника г. Романова, послѣ описанія каждой подробности погре-

бальнаго обряда и каждаго рода древности, приводить статистическія вычисленія относительно того, напр., сколько процентов даютъ могилы, заключающія по одной гривнѣ, сколько—по двѣ, сколько—по три и т. д.; мало того,—приводить въ извлеченіи еще и соотвѣтствующія мѣста изъ дневника раскопокъ. Все это безъ особенной нужды загромождаетъ текстъ и ни мало не остерегаетъ автора отъ неосторожныхъ заключеній. Изложеніе его не свободно отъ шероховатостей. Такъ, на первыхъ же двухъ строкахъ предисловія мы встрѣчаемъ такую, не вполне понятную фразу: «Описываемый могильникъ находится близъ самаго г. Люцина, витебской губ., на землѣ примыкающей къ городу дер. Юриздика»; въ началѣ самаго описанія находимъ не вполне удачное заглавіе: «Погребеніе въ могилѣ (sic!) неповрежденнаго (слѣдуетъ разумѣть—не сожженнаго) трупа»; вмѣсто «въ Люцинскомъ могильникѣ», авторъ почему-то почти вездѣ пишетъ «на Люцинскомъ могильникѣ»: «этотъ способъ погребенія на Люцинскомъ могильникѣ является преобладающимъ», «на Люцинскомъ могильникѣ при мужскихъ костякахъ не обнаружено никакихъ шейныхъ украшеній», «фибулы на Люцинскомъ могильникѣ встрѣчены, въ видѣ большой рѣдкости, лишь при нѣсколькихъ мужскихъ костякахъ» и пр.; описанія предметовъ не свободны отъ повтореній неясностей и неточностей, чему иногда способствуютъ и стилистическіе промахи, вродѣ замѣченнаго нами на стр. 17: «*Жутомъ* мы называемъ женскій головной уборъ, состоящій изъ плотнаго круглаго шерстянаго *жута*, сплошь унизаннаго мѣдными кольцами», или на стр. 28: «*цѣпочки* перваго типа представляютъ собою украшеніе, составленное изъ нѣсколькихъ мелкихъ и длинныхъ *цѣпочекъ*», или «лучевидныя *фибулы*» на 33 и др. стр.; неологизмы, вродѣ слова *снбень* также ни мало не помогаютъ дѣлу. Вотъ какъ, на примѣръ, нескладно и неладно описываетъ г. Спицынъ общеизвѣстную арбалетообразную *фибулу*: «длинная, болѣе четверти аршина, основная пластинка, украшенная (sic!) по верху острою выпуклостью, скобочкой въ концѣ и двумя штифтами посрединѣ, круглая поперечная палочка, обвитая проволокой, и наконецъ полукруглая пластинчатая перемычка, также съ выпуклостью поверхъ». Объ опечаткахъ, пожалуй, можно бы и умолчать, если бы г. Спицынъ былъ также строгъ къ себѣ, какъ и къ г. Романову, въ дневникѣ котораго онъ заповѣрилъ описки, безъ всякаго при томъ повода. Самыя досадныя опечатки въ трудѣ г. Спицына замѣчаются въ ссылкахъ на рисунки,

начиная съ стр. 7-й и далѣе. Ихъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, оговорить въ концѣ книги.

Дневники гг. Романова и Сизова, напечатанные въ приложеніи, составлены подробно и внимательно. Къ сожалѣнію, г. Спицынъ въ дневникѣ г. Романова измѣнилъ названія и описанія нѣкоторыхъ предметовъ. По нашему мнѣнію, удобнѣе было бы сдѣлать это въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Спицынъ иногда даетъ названія и описываетъ предметы не вполне удачно, въ чемъ мы могли убѣдиться изъ собственнаго его труда.

В. Ястребовъ.

Отчетъ Императорской Археологической Коммисіи за 1891 годъ. Съ 200 полититажей. СПб. 1893.

По установившейся традиціи, въ своихъ раскопкахъ Археологическая Коммисія и въ 1891 году оказывала предпочтительное вниманіе югу Россіи.

Въ Херсонесѣ сотрудникъ Археологической Коммисіи К. К. Костюшко-Валюжиничъ продолжалъ изслѣдованіе городища, чему, однако, не мало мѣшало то обстоятельство, что почти третья часть городища безъ особенной надобности занята монастырскими постройками. Изъ находокъ, сдѣланныхъ во время раскопокъ, слѣдуетъ упомянуть о мраморной четырехугольной купели съ отверстіемъ для стока воды и съ изображеніемъ креста на узкихъ сторонахъ, о бронзовомъ замкѣ въ видѣ какого-то фантастическаго звѣря, съ птичками вмѣсто ушей, объ остаткахъ шелковой ткани съ изображеніемъ всадника, о бронзовомъ идолѣ съ волосами, заплетенными въ косу, какъ на каменныхъ бабахъ, о фрагментахъ прекрасныхъ терракотъ; изъ остатковъ архитектурныхъ—о развалинахъ нѣсколькихъ храмовъ, въ одномъ изъ коихъ оказался мозаичный полъ. Кромѣ самого городища, изслѣдованію подвергнуты также катакомбы и другія могилы, заключающія остатки обыкновеннаго погребенія и остатки трупо-сожженія. Черепа нѣкоторыхъ скелетовъ оказывались сильно деформированными. Кромѣ г. Костюшко-Валюжинича, предсѣдатель археологической коммисіи г. А. А. Бобринской проѣздомъ въ Керчь изслѣдовалъ въ Херсонесѣ двѣ катакомбы и гробницу, но онѣ оказались ограбленными.

Близъ гор. Ялты гр. Бобринской изслѣдовалъ 11 древнихъ могилъ, устроенныхъ въ видѣ каменныхъ ящиковъ; изъ нихъ только двѣ оказались нетронутыми и заключали остатки скелетовъ, лежащихъ, насколько можно было судить, головами къ В; изъ находокъ въ этихъ могилахъ любопытны раковины сургаеа moneta, добываемыя, какъ извѣстно, въ Индійскомъ океанѣ.

Въ то же лѣто гр. Бобринской производилъ обширныя раскопки въ Керчи и ея окрестностяхъ. При раскопкахъ горы Матрадатъ онъ нашелъ, между прочимъ, черенки панаѳнейскихъ амфоръ, служившихъ наградой побѣдителей при состязаніяхъ на панаѳнейскихъ празднествахъ, фрагменты разныхъ другихъ расписныхъ вазъ, надписи, золотыя украшенія и пр. Любопытна также каменная статуя, отдаленно напоминающая каменныя бабы (рисунокъ см. на стр. 40-й отчета). И въ Керчи также, какъ и во многихъ другихъ, различныхъ мѣстахъ, были находимы остатки погребенія и трупосоженія.

Проф. Ю. А. Кулаковскій при раскопкахъ въ Керчи въ 1891 году преслѣдовалъ главнымъ образомъ открытіе катакомбъ, имѣя въ виду собрать матеріалъ для составленія археологической карты. Имъ открыто 11 катакомбъ, при чемъ, хотя онѣ обыкновенно оказывались ограбленными, г-ну Кулаковскому удавалось находить иногда интересные предметы, не замѣченные или брошенные грабителями, а въ одной изъ нихъ посчастливилось найти также и фрески. Небольшія раскопки въ Керчи производилъ также директоръ керченскаго музея К. Е. Думбергъ.

Въ уѣздахъ мелитопольскомъ, евпаторійскомъ и симферопольскомъ продолжалъ раскопки проф. Н. И. Веселовскій. Въ большомъ курганѣ въ с. Шульговкѣ мелитопольскаго уѣзда въ разграбленной могилѣ ему посчастливилось найти весьма много золотыхъ украшеній, принадлежащихъ къ тому типу, который извѣстенъ по другимъ, т. н. скиѣскимъ, могиламъ, а въ курганѣ на землѣ М. Д. Талаевой въ симферопольскомъ уѣздѣ, въ нетронутой могилѣ онъ нашелъ бронзовую точилку въ золотой оправѣ съ изящнымъ орнаментомъ съ эмалью и большое золотое ожерелье съ лъвиными головками на концахъ.

Въ Области Войска Донскаго Н. Е. Бранденбургъ занимался раскопкой кургановъ съ цѣлью изслѣдованія вопроса о каменныхъ бабахъ. По его мнѣнію, составившемуся на основаніи его раскопокъ 1891 года, связь между постановкой на курганахъ каменныхъ бабъ и культурнымъ содержаніемъ тѣхъ же кургановъ, а равно и погре-

бальными обрядами, наблюдаемыми въ послѣднихъ, можетъ быть признана во многихъ случаяхъ очевидною.

Проф. О. И. Кнауеръ продолжалъ свои курганныя раскопки въ аккерманскомъ уѣздѣ бессарабской губ., при чемъ нашель, между прочимъ, бронзовый кельтъ и бронзовую чашку съ ручкой и замѣчалъ слѣды окраски костей.

Въ александровскомъ уѣздѣ екатериносл. губ. Д. И. Эварницкій раскопалъ одинъ небольшой курганъ, въ которомъ отыскалъ мѣдную орнаментированную серьгу, фибулу и просверленные зубы какого-то животнаго.

Къ херсонской губерніи одинъ курганъ раскопанъ В. Н. Ястребовымъ; въ ограбленной могилѣ найдены: разбитая амфора съ клеймомъ, черепки черно-лаковой посуды, бронзовые наконечники стрѣлъ, желѣзный наконечникъ копья, фрагменты серебряныхъ браслетъ.

Въ кievской губ. производили раскопки Н. Е. Бранденбургъ и проф. В. Б. Антоновичъ. Первый занимался изслѣдованіемъ кургановъ въ кievскомъ у., близъ с. Витичева и въ м. Кагарлыкъ. Въ витичевскихъ курганахъ скелеты лежали въ дубовыхъ колодахъ, головою на З. или на Ю. З., погребенія оказались очень бѣдными: при нѣкоторыхъ скелетахъ найдены только бронзовыя кольца, да попались бронзовая пуговка, глиняный дискъ и остатки кожи. Положеніе скелетовъ въ кагарлыкскихъ курганахъ преимущественно на З. или на В., иногда они находились въ деревянныхъ гробахъ; въ головахъ всегда стоялъ простой глиняный горшокъ; кромѣ горшковъ, найдены только мѣдный браслетъ и бусы; въ насыпи одного кургана найдено погребеніе челоуѣка съ конемъ. Прежняя раскопка одного изъ кагарлыкскихъ кургановъ заводскими рабочими привела къ открытію интереснаго бронзоваго ковша съ латинскою надписью на ручкѣ.

Проф. В. Б. Антоновичъ копалъ курганы въ липовецкомъ уѣздѣ, около с. Кальника, по близости городищъ, называемыхъ въ народѣ «майданами». Въ одномъ изъ кургановъ, на грунтѣ оказался деревянный помостъ, на серединѣ котораго сооруженъ былъ шатрообразный костеръ, а подъ нимъ оказалась яма, передѣленная дубовыми столбами на три квадратныя части. Изъ вещей въ раскопанныхъ имъ курганахъ г. Антоновичъ нашель желѣзныя удила, бронзовыя бляшки, остатки деревяннаго колчана съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ, желѣзный ножъ, амфору, желѣзные наконечники копій и черепки терракотовой мисочки.

Въ витебской губ. Е. Р. Романовъ и В. И. Сизовъ производили слѣдованіе люцинскаго могильника. Описаніе его и дневники раскопокъ напечатаны въ 14 выпускѣ издаваемыхъ археологической комиссіей «Матеріаловъ по археологiи Россiи».

Кромѣ свѣдѣній о раскопкахъ, отчетъ содержитъ перечень случайныхъ находокъ, частныхъ приношеній и пріобрѣтеній, съ указаниемъ, гдѣ были сдѣланы находки.

Въ приложеніи помѣщены дневники раскопокъ гр. Бобринскаго и гг. Кнауера и Антоновича и таблицы распредѣленія древностей, поступившихъ въ Комиссію въ отчетномъ году.

В. Я.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 годъ. Изданіе Курскаго Статистическаго комитета. Составлена Секретаремъ Комитета Т. I. Вержбицкимъ. Цѣна 1 р. 30 коп.

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1892 годъ былъ сдѣланъ лестный отзывъ о Памятной книжкѣ Курской губерніи на 1892 годъ. Такого же отзыва по всей справедливости заслуживаетъ и недавно изданная «Памятная книжка» курской губерніи на 1893 годъ. Честь составленія ея принадлежитъ Т. I. Вержбицкому, одному изъ весьма усердныхъ и неутомимыхъ изслѣдователей Курской старины.

«Памятная книжка» состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ (стр. 3—34), послѣ краткаго замѣчанія о лѣтосчисленіи, содержатся мѣсяцесловъ святыхъ и статьи: «Чудотворныя иконы, находящіяся въ курской губерніи», «Монастыри курской губерніи» и «Императорскій Россійскій Домъ». Что касается замѣтки о лѣтосчисленіи, то она видимо составлена на основаніи какого-то популярнаго сочиненія и потому не лишена ошибочныхъ сужденій. Такъ, напр., здѣсь происхожденіе первоначальнаго лѣтосчисленія относится ко времени еврейскаго законодателя Моисея, на основаніи Исх. XII, 12, т. е. слѣдовательно, приблизительно къ 15—14 в. в. до Р. Хр. Но кто же не знаетъ, что правильное и довольно точное лѣтосчисленіе не только по луннымъ, но даже и по солнечнымъ годамъ было извѣстно гораздо раньше Моисея древне-месопотамскимъ народомъ и египтянамъ? Впрочемъ, мы не ставимъ въ особенную вину составителю «книжки» ошибочныхъ представленій о началѣ лѣтосчисленія, такъ какъ подобныя ошибки нерѣдко встрѣчаются

даже въ спеціальныхъ научныхъ сочиненіяхъ. Это зависитъ, кажется, вообще отъ несовершенства свѣдѣній русской исторической литературы по древней исторіи человѣческаго рода. Замѣтимъ только, что «памятная книжка» ничего не потеряла бы, еслибы въ ней совсѣмъ не было статьи «о лѣтосчисленіи».

Гораздо болѣе интересенъ и содержателенъ второй отдѣлъ «памятной книжки». Здѣсь помѣщены статьи: 1) страничка изъ исторіи Курской гимназіи (А. Гусаковского стр. 1—18), гдѣ, подъ видомъ біографіи П. А. Денисьева, излагается исторія устройства помѣщений для курской классической гимназіи и пансіона при ней въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. 2) Александръ Михайловичъ Мизгеръ (А. Танкова. Стр. 1—40). А. М. Мизгеръ былъ учителемъ Курской гимназіи по кафедрѣ естественныхъ наукъ (1859—1891 г.) и оставилъ въ ней по себѣ самыя добрыя воспоминанія. Кромѣ образцоваго исполненія своихъ прямыхъ педагогическихъ обязанностей, онъ былъ весьма усерднымъ изслѣдователемъ курской фауны и флоры. Плодомъ неутомимыхъ занятій его по изученію окружающей природы, кромѣ кандидатской диссертациі «о колорваткахъ» и переводнаго съ нѣмецкаго «Руководства къ рациональному способу герборизациі» съ дополненіями, примѣчаніями и 52 политинажами (изд. въ Харьковѣ въ 1864 г.) были: а) капитальное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «конспектъ растеній, дикорастущихъ и разводимыхъ въ курской губерніи» и б) «о курскомъ самородѣ»; оба эти сочиненія А. М. Мизгера въ свое время были отмѣчены и одобрены специалистами. 3) Курское нарѣчіе (Матеріалъ для описанія курскаго края. Стр. 1—10),—статья, принадлежащая самому составителю «памятной книжки» и въ высшей степени интересная. Въ ней, послѣ общихъ замѣчаній о курскомъ нарѣчій, представляющемъ смѣсь великорусскихъ, малорусскихъ и польско-литовскихъ словъ, перечисляются подмѣченныя наблюдательнымъ авторомъ а) выдающіяся грамматическія особенности курскаго нарѣчія сравнительно съ общимъ русскимъ языкомъ (всѣхъ особенностей указывается 14) и б) мѣстнотипическія слова, встрѣчающіяся въ курскомъ нарѣчій. 4) Описаніе Курскаго Намѣстничества, изъ древнихъ и новыхъ разныхъ о немъ извѣстій вкратцѣ собранное Сергѣемъ Ларіоновымъ, того намѣстничества верхней расправы прокуроромъ (Изд. въ Москвѣ въ 1786 г.). «Описаніе» Ларіонова издано въ «памятной книжкѣ», очевидно, потому, что въ настоящее время оно является уже библиографическою рѣдкостью. Остается пожалѣть только о томъ, что этотъ весьма инте-

ресный памятникъ изданъ Курскимъ статистическимъ Комитетомъ безъ надлежащаго критическаго предисловія, въ которомъ онъ положительно нуждается, такъ какъ заключаетъ въ себѣ ошибочныя свидѣтельства, которыя обязательно долженъ имѣть въ виду будущій историкъ Курскаго края при пользованіи настоящимъ документомъ. Уважемъ наиболѣе выдающіяся изъ замѣченныхъ нами ошибочныхъ свидѣтельствъ Ларіонова. Такъ, о Бѣлгородѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ курской губерніи, говорится: «когда начало онъ возымѣлъ точнаго показанія не имѣется, хотя онъ и упоминается построеннымъ отъ Великаго князя Владиміра въ 990 году, однакожь онъ долженъ существовать и прежде того, потому, что въ 980 году, сей же Великій князь имѣлъ въ немъ наложницъ своихъ». (Описаніе. Отд. III. Стр. 31). Здѣсь Ларіоновъ, очевидно, смѣшалъ Бѣлгородъ курскій, основаніе котораго относится ко времени царствованія Θεодора Іоанновича (въ 1593 г.), съ Бѣлогородомъ кіевскимъ (нынѣ с. Бѣлгородка, кіевского уѣзда), происхожденіе котораго, дѣйствительно, восходитъ ко временамъ Владиміра Святого. Подобнымъ же образомъ и о Суджѣ въ «Описаніи» Ларіонова говорится: «городъ сей построенъ въ 1712 году на Татарскихъ сакмахъ, кое пазваніе урочищу сему было по частымъ тамо становищамъ татаръ въ древнее нахожденіе ихъ» (Отд. XIII, стр. 60). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новою историческою ошибкою, такъ какъ документально извѣстно, что городъ Суджа существовалъ гораздо раньше 1712 года и отъ 1664 и слѣдующихъ годовъ сохранились подробныя описанія этого города и его укрѣпленій. Наконецъ, о началѣ Бѣлоградской (нынѣ курской) епархіи Ларіоновъ пишетъ: «Бѣлоградская епархія учреждена въ лѣто отъ сотворенія міра 6580, (1072 года) при державѣ Великаго князя Изяслава Ярославича, и есть старшинствомъ третья классная... По учрежденіи епархіи сей, поставленъ былъ во оную Кіевскимъ Митрополитомъ Георгіемъ первый Епископъ Нивента»... И дальше еще перечисляются слѣдующіе Бѣлгородскіе архіереи: Лука, Θεодоръ, Діонисій, Іоаннъ и Кирией (Отд. XVIII, стр. 73). Здѣсь мы, безъ всякаго сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ новымъ смѣшеніемъ Бѣлоградской (нынѣ курской) митрополіи, учрежденной Большимъ Московскимъ Соборомъ въ 1667 году, съ Бѣлгородской епархіей, существовавшей нѣкогда подъ Кіевомъ. Мы указали здѣсь кручинѣйшія ошибки въ «Описаніи» Ларіонова, хотя оно требуетъ поправокъ и въ другихъ своихъ свидѣтельствахъ

Въ концѣ второго отдѣла «Памятной книжки» содержится описаніе снимковъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ: I. Курскій мужской первоклассный Знаменскій монастырь II. Чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы курскія. III. Часовня на берегу рѣки Тускори надъ источникомъ называемымъ святымъ, изъ котораго, по преданію, преп. Θεодосій Печерскій получалъ воду при печеніи просфоръ. IV. Набережная рѣки Тускори съ юго-восточной стороны города Курска. V. Видъ дома, принадлежащаго курскому дворянству, до пожара 17 октября 1892 года. VI. Пригородная слобода Стрѣлецкая во время разлива рѣки Тускори и ручьевъ: Кура, Кривца и Ровца весною 1892 года и VII. Памятникъ И. Θ. Богдановичу на Курскомъ Всесвятскомъ кладбищѣ. — Описаніе всѣхъ поименованныхъ снимковъ, превосходно исполненныхъ въ фототипическомъ заведеніи г. Кульженка въ Кіевѣ, принадлежитъ почтенному составителю «книжки» и изложено безукоризненно.

Третій отдѣлъ «книжки» посвященъ «статистическимъ свѣдѣніямъ о курской губерніи за 1891 годъ» (стр. 1—127), а въ четвертомъ отдѣлѣ содержится адресъ-календарь (личный составъ правительственныхъ, сословныхъ, общественныхъ, благотворительныхъ и др. учрежденій курской губерніи, стр. 1—190).

Не можемъ не закончить нашей замѣтки искреннимъ пожеланіемъ Т. I. Вержбицкому полного успѣха въ его дальнѣйшемъ изученіи курскаго края.

Θ. Титовъ.

Кіевъ 1894 года 19 января.

Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви. Кіевъ. 1894 г. Стр. 56. С. Т. Голубева.

Въ небольшой книжкѣ подѣ выписаннымъ нами заглавіемъ сообщаются новыя данныя, небольшія изслѣдованія и замѣчанія историко-библіографическаго характера, имѣющія отношеніе къ исторіи западно-русской церкви, при чемъ заглавіе книжки избрано авторомъ въ подражаніе одному изъ сочиненій покойнаго знатока западно-русскаго края М. А. Максимовича («Объяснительные параграфы о Кіевѣ»).

Всѣхъ объяснительныхъ параграфовъ по исторіи западно-русской церкви проф. Голубевъ даетъ пять. Въ первомъ изъ нихъ (стр. 1—20) говорится о *времени кончины мстиславскаго епископа Юсифа Бобриковича и толкахъ въ общество по поводу ея*, дѣлаются инте-

ресных замѣчаній о времени кончины князей Константина и Василія Острожскихъ, и, наконецъ, исправляется ошибка, вкравшаяся въ чтеніе надробной надписи на памятникъ типографу Ивану Федорову, а въ особомъ примѣчаніи къ этому параграфу (стр. 20—28) исправляется ошибочное мнѣніе объ ишуменствѣ въ Кіево-Межморскомъ монастырѣ Іосифа Бобриковича, выясняются отношенія его къ кіевскому митрополиту Петру Мочиль и сообщаются документальныя данныя объ ишуменствѣ въ Межморскомъ монастырѣ Исаіи Копинскаго. Второй параграфъ (стр. 28—32) посвященъ «добавочнымъ статьямъ къ дѣяніямъ Виленскаго собора 1509—1510 и.», а въ слѣдующемъ параграфѣ (стр. 32—41) разясняются «неточности, допущенныя при изданіи сочиненій Іоанна Вишенскаго, и нѣкоторыя недоразумѣнія въ нашей литературѣ, вызванныя этими неточностями». Въ параграфѣ четвертомъ (стр. 41—48) трактуется о «волненіи въ Кіевъ по поводу слуховъ о нежелаемомъ кандидатѣ на Кіево-Печерскую архимандрію послѣ кончины Елисея Плетенецкаго» и «процессахъ съ кіево-печерскою капитулою племянниковъ архимандрита Захаріи Копыстенскаго, возникшихъ по смерти послѣдняго». Наконецъ, въ послѣднемъ параграфѣ (стр. 48—56) разясняется «библіографическое недоразумѣніе (ошибочное мнѣніе нашихъ бібліографовъ объ изданіи типографомъ Михаиломъ Слезкою «Собранія короткой науки о артикулахъ вѣры Православной Каволической христіанской»).

Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви заключаютъ въ себѣ много новыхъ и цѣнныхъ данныхъ и читаются съ большимъ интересомъ.

Кіевъ 27 января 1894 года.

Ө. Титовъ.

«Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне руской письменности. Слово Кирилла Философа». Г. М. Бараца. Одесса 1994 г.

Названное сочиненіе—трудъ извѣстнаго знатока древне-еврейской литературы, мѣстнаго ученаго юриста, помѣщено въ недавно вышедшей 3-й книжкѣ «Лѣтописей Историко-Филологическаго Общества» при Императ. Новорос. университетѣ. Сочиненіе это посвящено тому же вопросу, котораго авторъ не разъ уже касался въ статьяхъ своихъ, помѣщавшихся въ «Трудахъ Кіевской Дух. Академіи» за 1889 годъ. («Замѣтки диллетанта на соч. проф. И. Малышевскаго: «свв. Кириллъ и Меодій») и за 1891 годъ. («Кирилло-Меодіевскіе вопро-

сы»). Въ статьяхъ этихъ авторъ указываетъ на то, что при тщательномъ изслѣдованіи тѣхъ произведеній, которыя приписываются св. Константину или св. Кириллу, «необходимо признать, что между ними нѣкоторыя представляются цѣликомъ заимствованными изъ еврейской религіозной письменности и лишь мѣстами перелицеванными, такъ сказать, въ духѣ христіанскаго ученія, а другія оказываются съ значительными вставками изъ той же письменности». Чтобы выяснитъ это положеніе, которое приводитъ къ выводамъ, весьма любопытнымъ въ религіозно-церковномъ, культурномъ и историко-литературномъ отношеніяхъ, авторъ въ статьѣ своей „Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы» привелъ нѣсколько типическихъ образовъ изъ разныхъ отдѣловъ древне-русской духовной литературы, соответствующихъ главнѣйшимъ дисциплинамъ еврейской духовной словесности. Въ послѣднемъ же своемъ сочиненіи авторъ останавливается на «Словѣ Кирилла Философа», посвященномъ столь живо интересовавшему всегда вѣрующихъ людей вопросу о конечной судьбѣ людей и вселенной. «Слово о исходѣ души» или о мытарствахъ пользовалось особенною распространенностію въ древне-русской читающей массѣ и оказало носомнѣнное вліяніе на духовную народную поэзію. Съ нимъ въ связи находятся и нѣкоторыя малорусскія народные рассказы о мытарствахъ, о страшномъ судѣ и т. п. Убѣдившись, что приписываемое св. Кириллу «Слово», подобно другимъ письменнымъ памятникамъ, приписываемымъ тому же имени, имѣетъ отношеніе къ іудейскимъ традиціямъ и воззрѣніямъ, г. Бараць въ названномъ выше сочиненіи обстоятельно сооставляетъ каждое предложеніе анализируемаго имъ «Слова» съ соответственными выдержками изъ древне-еврейскихъ сочиненій. Въ заключеніе такого обстоятельнаго анализа «Слова объ исходѣ души» авторъ и приходитъ къ тому общему выводу, что оно и по содержанію, и по складу рѣчи находится въ очевидной зависимости не столько отъ византійскихъ, сколько отъ еврейскихъ источниковъ.

Эта въ высшей степени тщательная ученая работа во всякомъ случаѣ представляетъ не малый интересъ для занимающихся древне-русскою письменностію, особенно тѣмъ ея отдѣломъ, который, касаясь столь важныхъ вопросовъ, какъ конечная судьба людей, находится въ такой общей связи съ произведеніями народнаго творчества,

где и кушали. Отъ п. Михайла⁷ получилимъ писмо, въ якомъ выражаетъ, что жена моя за бѣглихъ отъ Лярского страдаетъ.

Понеделокъ. 23. Сегодня рано ездилемъ въ слободу до Галанки и съ нимъ былъ у Бидлова, который посѣтитъ сестру болную общалъ, а оттуду билъ у п. Петра Апостола и общалемъ тамъ, и просилемъ оного о попомощствованіе взглядомъ Сиваковъ, и общался. У вечеру пріездилъ Герцикъ отъ Кор. (?) о женитвѣ спрашивалъ брата. Пріехалъ Валкевичъ и посидѣвши отехалъ.

Вовтор. 24. Сегодня окончилиемъ чтеніе пророка Исаии и нѣкоторіе текста о знатнѣйшихъ вещехъ виписалемъ на словенскій языкъ.

Рождество Христово. Середа. 25. Сегодня рано былисмо у графа фелтъ-маршала князя Долгорукова и въ церквѣ Богоявленской, а общали у паней. Докторъ Бидловъ вчорайшого дня будши, у вечеру, у паней, смотрѣлъ сестри Уляни Ивановни и на болѣзнь еи, имѣющуюся у неи, а именно *fluorem muliebri, inappetentiam sitim, lipothimiam, tumore in sime*, далъ рецептъ таковой пѣлуль и тинктури: (слѣдуетъ рецептъ). Но всякое утро на тцій жолудокъ по 100 капель у винѣ венгерскомъ принимать.

Четвер. 26. Сегодня рано былисмо у Наумова, оттуду ездилем до Остермана, а не заставши его, вернулись и были у Богоявленія на службѣ, а общали у Наумова. У вечеру были у Курбатова и посидѣвши зъ нимъ и п. Лизогубомъ, отехалисмо въ свою квартиру. Да рано жъ были у князь Василя Лукича, где зъ генераломъ мазоромъ графомъ Дуклясомъ видѣлись.

Пятокъ. 27. Сегодня тожъ рано ездили до Остерманна и стрѣвщисъ съ нимъ, повернулись назадъ и заездили до Степанова, отъ которого были у паней и у Богоявленія, на службѣ, а потомъ захавши до паней, общали.

Субота. 28. Сегодня рано ездилисмо до Остерманна и заставши его въ дому, поздравляли, оттуду поехалъ я до Бидлова и оному отъ сестри далемъ 15 червоннихъ, а потомъ пріехавши до паней, тамъ и общалемъ, а по общдѣ ездилемъ зъ Александромъ до Микла-

шевского и тамъ погравши въ карты, повернулемся въ свояси, безъ уроку, а захавши до Веляминова, Степана Лукича, тамъ доволное время просидѣлемъ.

Неделя. 29. Сегодня биль у службѣ у церквѣ Алексѣя метрополита, а по службѣ былъ у п. Петра Апостола и обѣдалъ въ своей квартирѣ. У вечеру ездилемъ до Курбатова и оттоль зайшовши до Якимовича и посидѣвши мало зъ Иваномъ Юревичемъ Аврамовимъ, секретаремъ, повернулемся.

Понедѣлокъ. 30. Сегодня рано ездилемъ до п. Петра Апостола, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ приехалъ Михаль Швайковский, смоленскій шляхтичъ, которій сказивалъ, что Иванъ Лярекій, которій въ пленѣпонтѣхъ за Сиваками въ Глуховѣ на насъ доходитъ, тестъ Якову Швайковскому, отъ котораго и Сиваковъ тѣхъ имѣеть, да на тихъ же Сиваковъ тотъ же Яковъ далъ передомъ карту Дудзѣникуму, то жъ смолянину, уступая ему, до котораго мѣлъ оний писать.

Вовтор. 31. Сегодня никуда не ездилемъ для слабости родительской, чего ради призыванъ былъ докторъ Захарій Захаревичъ и велѣлъ пустить кровь зъ медіинни и пущено чимало, да въ лазпѣ милемся. У родителя Species была горячки, але кровю утопилася и прошками таковыми: (слѣдуетъ рецептъ), по одному прошку, въ чаю либо въ пивѣ ¹⁾).

~~~~~

1729 годъ. Январій мѣсяць.

Среда. 1. Сегодня рано ездилемъ до графа для поздравленія, а родитель, за своею позавчора приключившоюся болѣзнію, не могль, котораго посѣщаль лѣкаръ Захарій Захар. и другій далъ рецептъ въ аптеку на 5 прошковъ. (Слѣдуетъ рецептъ). Службы слухалемъ у Богоявленія, заездилемъ до паней, обѣдалемъ у себе, ездилемъ по обѣдѣ до Еропкинаи п. Петра, и не заставши его, съ панею его, такожъ Тернавскимъ съ товарищи посидѣлемъ, и тако въ свою квартиру приехалемъ.

¹⁾ Слѣдуетъ выписка изъ тѣхъ же авторовъ.

Четвер. 2. Сегодня тинктури, составленія доктора Бидлова принималемъ, капель 80, имѣлемъ sedes зъ 8, обѣдалемъ самъ, а у вечеру играли въ карты, до позна. А тинктура таковая: R. elix. proîr. Paracels aa Zi., essea 6 apeg. ꝑ resin. jalapp. ꝑi.

Пятокъ. 3. Опреѣленіе генеральной старшины малороссійской въ тайномъ верховномъ совѣтѣ учиненное, объявлено сіятелнимъ графомъ Гавриломъ Ивановичомъ Головкиномъ въ такой силѣ: обозний енералний—Яковъ Лизогубъ, бывшій бунчучний енералний, судѣ енералніе два, Андрей Кандиба, полковникъ, да Михайло Забѣла, бывшій суддя полковий нѣжинскій, за писара, чи во мѣсто писара енералного—Михайло Турковскій, бывшій господарь замку Гадяцкого, въ асаулахъ енералнихъ—Іванъ Мануйловичъ, бывшій сотникъ глуховскій, да Федоръ Лисенко, хоружій енералний—Якимъ Горленко, бунчучний енералний,—Іванъ Борзна, которимъ и отпускъ зъ протчимъ бывшими кандидатами, сказанъ, а Тернавскому и Корецкому повелено, по даннимъ на нихъ чолобитнимъ, на оного отъ полковника черніговского, Михаѣла Богданова, а на сего отъ полковника стародубского Пашкова, въ іностраннихъ дѣлѣ коллегіи, не ездить съ Москви до указа. У вечеру просидѣлисмо зъ Вал. и Александромъ, въ карты играючи.

Субота. 4. Сегодня былемъ въ коллегіи иностранной, а у паней обѣдалемъ. По обѣдѣ, заездилиемъ до Миклашевского и пріехалиемъ въ свою квартиру вскорѣ жъ.

Недоля. 5. Сегодня старшина новоопреѣленная приведена къ присягѣ въ церквѣ собору Архангелского, въ Кремлѣ, въ присутствіи протопопи оного собору съ братією. Слухалисмо вечернѣ у Вогоявленскомъ монастыру, где служилъ тверскій архиерей Лопатинскій, а по вечернѣ обѣдалисмо чи вечералисмо у паней.

Крещеніе. Понедelokъ. 6. Сегодня рано былисмо у графа, где и служби Божой слухалисмо, а по службѣ присмотрувались входу на Іорданъ государеву, при полку Преображенскомъ, и въ паней обѣдали, а у себе въ карты играли зъ Валкевичомъ и своими.

Вовтор. 7. Сегодня пріехалъ Романъ зъ Глухова и привезлѣ нѣкаторіе запаса. Попи Горбунъ и Рогѣнскій отехали въ доми свои,

черезъ которыхъ писалемъ до жени о присилцѣ писемъ потребныхъ, а именно писма, данного отъ горошинцевъ на футоръ Криворудскій, писма Михайла Кирилова о зборахъ, такъ же и о раздѣлцѣ зъ Лярскимъ, а до п. Михайла—о томъ же Лярскомъ и о старшинѣ новоустроенной и до родителей зъ поздравленіемъ. Обѣдалисмо зъ родителями у паней, где случился и Тернавскій, а по обѣдѣ посидѣвши долго зъ сестрою, приехали въ свою квартиру.

Среда 8. Рано ездилемъ до Дмитрія Еропкина, где у него, тако жъ и у братьевъ его Александра и Андрея, позабавившись, заехали до п. Петра Апостола, и у него тамъ обѣдалемъ.

Четвер. 9. Сегодня рано заездилемъ до Наумова и коллегіи иностранной, а оттуду заехали до паней и тамъ обѣдалемъ, по обѣдѣ у вечеру заездилемъ до Курбатова и Еропкина и посидѣвши у нихъ мало, приехали въ свою квартиру. Въ коллегіи бывши, тамъ далемъ писмо мое до п. Михайла писанное куріеру нашему, до пана гетмана отправленному, а при томъ писмѣ писалемъ до жени о присилцѣ сюда писемъ потребныхъ, а именно горошинского писма на футоръ и Михайлового о зборахъ.

Пятокъ. 10. Сегодня проданы пара коней буланыхъ за 19 р. да Сушко, снѣдокарій (sic) конь, за 16 р. Ездилемъ зъ Дмитрашкомъ въ слободу нѣмецкую до продажной библіотеки и оттуду повернувшись, заехали до Миклашевского и посидѣвши, вернулись назадъ.

Субота. 11. Сегодня обѣдалисмо у себе и у насъ Валкевичъ.

Неделя. 12. Сегодня рано родитель ездилъ до Наумова просить его о ходатайство, чтобъ ему не быть въ подскарбѣхъ енер., понеже въ тую должность его промуютъ господа министры. А потомъ у паней обѣдалисмо. У вечеру у себе игралисмо во карти, зъ проиграшомъ моимъ 8 гривенъ, а игралъ братъ, Валкевичъ и Александеръ.

Понеделокъ 13. Сегодня рано ездилемъ до доктора Бидлова просить его о сестрѣ, которую посѣтитъ общаль, а оттуду билъ въ коллегіи, куда требовано родителя отъ ассесора Семена Ивановича, зная, о преждепомянутомъ чину объявить ему. Обѣдалисмо у па-

ней. У вечеру ездилемъ до Семена Ивановича и Курбатова, где и род. засталъ, и оттуду повернулись въ свою квартиру. Докторъ Бидловъ билъ сегодня у сестри и рецептъ написалъ, о которомъ ниже.

Вовтор. 14. Сегодня рано былисмо зъ род. у графа, которій самъ род. сказиваль о томъ же, чтобъ ему битъ подскарбѣмъ, отъ чего онъ отпрашивался, и отложено тое на долгое время. Билъ я въ коллегіи, куда приехали и наши п. п. старшина за жалованнемъ, при отпуску ихъ мѣбочомъ имъ датись. Обѣдалисмо у паней зъ Жураховскимъ и Тернавскимъ, а по обѣдѣ ходилемъ въ лавки зъ Александромъ и купилемъ шапку себѣ баранковую, зъ 4-ма рогами, за 3 р. Докторъ Бидловъ на дефектъ сестри Ульяни Ивановни таковой, что она имѣеть боль въ правомъ боку зъ обструкціи печонки и селезенки и твердость и что задержалось мѣсячное теченіе Rg. Herb. Gorismarin. zii herb. veronic p. rad chin. M. incisa dent. по всякое утро, вмѣсто чая, пить обыкновенно. Rg. Extr. cathal zi, pill. Russi зѢ Resin. jalapp. 8 dulce. M. f. pilul № 30, дважды въ тижнѣ по 7, послѣ вечера.

Среда. 15. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а я ездилемъ до п. Петра Апостола, въ которого видѣлемея зъ новопріехавшими отъ пана гетмана сюда посланцами: Стефаномъ Миклашевскимъ, Григоріемъ Гамалѣю, Григор. Стороженкомъ, сотникомъ іченскимъ, и Федоромъ Омеляновичомъ, атаманомъ глуховскимъ. По обѣдѣ у вечеру ездилемъ до паней и Курбатова.

Четвер. 16. Сегодня былисмо у паней и обѣдали, а по обѣдѣ заездилемъ до Григор. Гамалѣи и Стефана Миклашевского, отъ которихъ получилиемъ писмо, одно, отъ п. Михайла, брата, зъ Глух. генвар. 3-го писанное, о Лярскомъ и понинѣ живучомъ въ Глуховѣ, о его лѣлѣ, чтобъ старатся зде зъ прошеніемъ, и отъ жени, зъ Жукуютокъ, отъ декавр. 10-го писанное.

Пятокъ. 17. Окѣчилиемъ прошлѣтній протоколь (т. е. дневникъ) вправоученіями. Продани молодіе мои конѣ 4 гнѣдіе Потомѣйну за 68 р. П. Яковъ Лизогубъ, обозній енер., позичилъ у насъ коня гнѣдого ездить. Вѣжовскому для отмѣнки далемъ 18 р. мѣднихъ на цѣлковіе, Кондзеровскому бандурку позичилемъ черезъ

Кузмича ¹⁾). Жалованне старшинъ генеральной и полковникомъ выдано зъ иностранной коллегіи, а именно: обозному генеральному на 250 р., а старшинъ енер. и полковникамъ по 200 р., бунчуковимъ товарищамъ по 60 р. и по 2 пари соболей, сотникамъ по 40 р. и по паръ соболей.

Субота. 18. Сегодня былъ въ коллегіи, а у панѣи обѣдалъ. По обѣдѣ заездили до Миклашевскимъ. 4 партіи трубачей зъ литавриками ездилы по всей Москвѣ, публѣкуючи погребеніе великой княжни у приудчій понеделникъ отправоватись имѣющее.

Неделя. 19. Сегодня по службѣ Божой, которой въ Богоявленскомъ монастыру слушалисмо, обѣдалисмо у паней зъ новопріехавшими Григоріемъ Стороженкомъ и Омеляновичемъ, атаманомъ. По обѣдѣ, не заезжая никуда, приехали въ свою квартиру и тутъ позабавилемя въ карты зъ приехавшимъ Валкевичомъ и своими домашними.

Понеделокъ. 20. Сегодня церемонія погребенія сестры императорской, великой государинѣ Наталіи Алексѣевны отправлялася. Началась около десятого часа, а окончилась зъ полдня, о которой будетъ впредъ написано, завтрийшего дня. Обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ заездили до Миклашевскихъ, отгуду до обозного енер. п. Якова Лизогуба, который тако жъ зъ Борзною, Тернавскимъ и Валкевичомъ посѣщаль насъ и протившись за нами отехалъ.

Вовтор. 21. Сегодня рано зъ Афанасіемъ, коляснимъ майстеромъ, уговоръ здѣланъ за коляску старую, чтобъ оную поновить и станки оба придѣлать и сукно перевернуть и наіотку здѣлать за 25 р., а придать вина 10 вѣдеръ, вмѣсто дара, и тогда жъ заразъ дать ему задатку полтора руб. Обозній енер. Яковъ Лизогубъ, Лисенко, Берзна, Турковский, Рацаковский простились съ нами и поехали всѣ въ дома своя зъ квартиры чили дому канцеляристи иностранной коллегіи Михаила Новоторжцова, где новорожденной дочерѣ его обозній зъ п. Петровою были воспріемниками на крестинахъ, да за ними жъ поехали Андрей Миклашевскій и Іванъ Га-

¹⁾ Слѣдуетъ выписка изъ Іоанна Златоуста.

малѣя въ Малую жь Россію. Получилемъ писмо зъ дому, одно отъ п. Михайла о моемъ для росправи зъ Лярскимъ приездѣ въ Глуховъ, да отъ жени, зъ Чернѣгова писанное, другое, о ея поведеніи, и отписалемъ черезъ п. Гамалѣю до п. Михайла на тотъ листъ зъ прошеніемъ о Лярскомъ и зъ увѣдомленіемъ о его дѣлѣ и моемъ за онымъ старателствомъ, а при листѣ и табаку аглинского картузъ послалемъ, а до жени о Лярскомъ же, чтобъ она ехала въ Глуховъ и зъ совѣтомъ п. Михайла съ нимъ раздѣлялась. Вчорайшая церемонѣя отправлялась порядкомъ таковымъ: началась около 10-го часа тутъ въ городѣ; ехали сперва три маршалки въ рядъ, за оними шли гранадѣри отъ гвардіи съ перами, въ 9 рядовъ, около сто человекъ, за ними шли служители придворніе разніе преставлшойся государинѣ, парами, а закончили знову 2 маршала, потімъ дѣякони своею компанѣю шли, которыхъ было на нѣсколко сотъ, предъ которыми пѣвчіе разніе и государевы шли спѣваючи; за ними шли попи, тожь множайшимъ числомъ, которыхъ било близъ 400, по нихъ архимандрити, архиереи 7 человекъ, за которыми несли три зъ знатныхъ персонъ кавалерію святія Екатерины, а потомъ тожь трое персонъ несли на подушкѣ золотой корону імператорскую, а потомъ проважено тѣло на золотомъ шитомъ съ многими кутасами балдахинѣ, подъ котеримъ шли 8 лошадей въ чорніе аксамитніе капи обшитихъ зъ приложенными на чолахъ и сторонахъ побочныхъ конскихъ — гербами фамилѣи імператорской, а близъ всякого коня по человекъ зъ знатныхъ ишло; такъ же и около балдахина, придерживючи зъ кутасами шнуровъ; балдахинъ укрытъ билъ внизу бѣлымъ срѣбнимъ моремъ, а наверхъ покривала стояла труна сребраная зъ тѣломъ и когда балдахинъ ровнялся зъ монастыремъ Богоявленскимъ, то зъ онога монастыря вийшелъ самъ імператорское величество къ балдахину и за онымъ пошолъ, съ должайшимъ фліоромъ; подъ руки его величество вели господинъ баронъ Остерманнъ и князь Алексѣй Григоріевичъ Долгорукій; за государемъ ишла госуварина цесаревна, подъ руки вели Иванъ Гавриловичъ Головкинъ, да князь Черкасскій; потомъ ишли дами такъ же въ трауръ убранніе и позавѣшуванніе чорними фло-

рами зъ должайшими хвостами, одна пара, заключили 3 маршалки и рота гранадѣровъ Семеновскаго полку. Полки отъ слободы до Кремля, а въ Кремлѣ до монастыря Вознесенскаго дѣвичьего стояли и когда туди принесенно тѣло, то дали все огонь бѣгучій трижды; во время же ходу съ пушекъ били помѣннато и окончилась церемонія первого часа зъ полудня.

Среда. 22. Ездилемъ рано въ слободу, где билемъ у доктора Бидлова въ нуждѣ сестры Уляны Ивановны. Купилемъ чаю средней руки за 2 р. фунтъ московскій и онимъ великой и малой жестянокъ досипалемъ. Родитель захоровалъ на кшталтъ фебри горячей, а я ездилемъ до Курбатова и посидѣвши у его вечеромъ, отехалемъ въ свою квартиру. Купилемъ 4 лимонѣй свѣжихъ по 2 а. Проданы мои конѣ буланіе пара за полъ 10 р.

Четвер. 23. Сегодня рано заездилемъ къ Наумову и въ коллегію, а оттуду къ панюй, откуда ездилемъ до Новоторжцева на обѣдъ, и тамъ зъ членами и служителями коллегіи иностранной позабавился и подпіяхомъ. Купилемъ 2 табакерки чорнихъ за 20 а. У Наумова отъ Андрея Кропотова зачумемъ о преставленіи генерала лейтенанта и кавалера св. Александра, Гаврила Семеновича Кропотова.

Пятокъ. 24. Сегодня не ездилемъ никуди, а посилалъ Камѣнскаго въ слободу нѣмецкую, который тамъ купилъ полъ-фунта чаю фу (?) за полтора руб.

Субота. 25. Сегодня слухалемъ службы Божой у Богоявленскомъ монастырѣ, а обѣдалемъ у паней; по обѣдѣ заездилемъ до п. Петра Апостола и тамъ игравши въ карты, выигралемъ болше полтора руб. а повернувшись въ свою квартиру, игралемъ тожъ въ карты зъ проиграшомъ около 40 а.

Неделя. 26. Сегодня обѣдалемъ у паней же, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова.

Понеделокъ. 27. Сегодня по службѣ Божой, которой слухалемъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, билемъ въ коллегію, а у панѣй обѣдалемъ; оттуду пріѣхавши у вечеру въ свою квартиру, игралемъ въ карты зъ домашними, такъ-же Валкевичомъ и Яковомъ Мировичемъ.

Вовторокъ. 28. Сегодня рано купилемъ соб. 18 паръ за 140 р. по 8 р., пара. Обѣдаемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра, оттуду до Григор. Гамалѣи и съ нимъ до Еропкина, Дмитрія Федоровича, и тамъ зъ генераломъ атютантомъ Федоромъ Ивановичемъ Вендикомъ играли въ карти зъ проиграномъ 3 р. моихъ.

Среда. 29. Сегодня отправилемъ писма мои въ Глуховъ, черезъ куріера гетманского, а именно: писмо до п. Михайла и до жени о Лярскомъ, а особливе до паней гетмановой въ томъ же интересѣ; да черезъ повара паней, зъ другими отпускающогося въ Глуховъ, писалемъ до жени и рибѣ послалемъ осетра, лосося и поль пуда свѣжой икри. У вечеру ездилемъ до архиерея Нового-родского и тамъ забавилемъ до полночи, зъ нимъ сидячи.

Четвер. 30. Сегодня купилемъ чаю доброго фунтъ галанскій за 6 р. Обѣдаемъ у паней, а панѣ зъ род. у Наумова. По обѣдѣ блемъ у Курбатова, а оттоль у Спасскомъ монастырѣ, где видѣлемъ діялогъ, отправлявшійся сочиненнымъ профессоромъ реторики Нероновичемъ. За вишневу взялъ Вѣжевскій 6 р. 20 а.

Пятокъ. 31. Сегодня рано блемъ у колегіи, а оттоль у паней, где и обѣдаемъ, а по обѣдѣ у вечеру поехалъ въ домъ Скридловскаго, черезъ которого писалемъ до родителки, жени и брата п. Михайла, поздравителніе писма.

Мѣсяць февруар. Субота. 1. Сегодня обѣдалисмо у паней, а по оаѣдѣ милемся у паней въ лазнѣ и кровь пускалемъ.

Неделя. 2. Сегодня рано былисмо у графа, а обѣдали у паней зъ Валкевичомъ. По обѣдѣ пріехавши до насъ, игралисмо въ карти зъ виграномъ моимъ.

Понеделокъ. 3. Сегодня рано ездилемъ до доктора Быдлова, которій на мой дефектъ не licet incontinentiam sapissimam urina, далъ рецептъ первой, очистителній отъ нѣкоторой мокроти въ тамошнихъ скважинкахъ залипшой, а именно конфетъ и прошокъ. За какіе два сіи рецепта заплатилъ въ аптецѣ Гутберта 8 гривенъ, а конфетъ есть пургуючій. У паней обѣдалисмо зъ род. и п. Петромъ гетманичомъ и панею его, Тернавскимъ и Корецкимъ, зъ котторими по обѣдѣ ездилемъ до Еропкина.

Вовтор. 4. Сегодня обѣдалисмо въ своей квартирѣ, а по обѣдѣ ездилемъ зъ Александромъ до п. Петра, оттоль заездилемъ до Степанова, и тако въ свою пріехалиъ квартиру. Вѣжевскому дадемъ на расходъ 4 р. и записалемъ.

Среда. 5. Архирей Новгородскій прислалъ ко мнѣ книжокъ 5: четыре Буддея, а пятую Петра Данила Нусцѣя, епископа Абринценского, подъ титуломъ *Demonstratio theologica*. Обѣдалисмо у паней, а я у колегію заездилемъ. Вилинскій и Петръ Мировичъ, секретарь государинѣ цесаревни, поехали въ Малую Россію. Посѣщали мене здешніе посацкіе купчины Авраамъ Дмитріевъ и Дементій Прохоровъ, которіи въ разговорѣ своемъ сказивали про состояніе Китайского государства, что будетъ тому около 200 лѣтъ, татаре азіятскіе, прозиваеміе тунгуси, завладѣли царствомъ китайскимъ, пробравшись черезъ стѣну каменную и теперъ онихъ катайцовъ въ тѣснотѣ и великомъ имѣють презрѣніи, тако, что онимъ оружія имѣтъ, на лошадяхъ ездить, кромѣ ишаковъ, не волно, а оній тунгуцкій народъ, инако називаючійся мансури, суть фізіогномією подобіе колмикамъ и гораздъ рознятся отъ катайцевъ, которіе имѣють иное тѣла расположеніе, кгрекамъ или грузинамъ подобное. Монета у нихъ малая мѣдная есть, 10 у копѣйку, а болшой нѣтъ, кромѣ штучокъ сребранихъ, у рубль и болше, и золотихъ.

Четвер. 6. Сегодня рано заездилемъ до кофейного дому, где купилемъ два календарѣ за полтину. Обѣдалемъ у паней, а по обѣдѣ пріехалиъ въ свою квартиру. У Курбатова мнѣ прилучившемуся, тамъ же пригодившійся Глазуновъ, бывшій секретарь при Савѣ Рагозѣнскомъ, у комиссѣи китайской, розговаривалъ о состояніи тамошнемъ, что пряміи китайци въ великомъ обрѣтаются утѣшеніи у манзуровъ, которіе онимъ государствомъ не въ давномъ времени завладѣли, и когда у китайца 3 сына родится, то одного зъ нимъ каструютъ, не только ядра но и самій членъ отрѣзуютъ, такъ, что маленькая толко останется свѣжника, которою приложивши рожокъ роговий, или что другое на примѣръ того здѣланное, воду зъ себе выпускають. Да въ Пекинѣ, царственномъ городѣ китайскомъ, нѣкоторое есть строеніе каменное, на прикладъ монастырей

нашихъ здѣланное, надъ воротами котораго строенія написанни болшіе лѣтери золотіе. — Домъ Божій, и когда хто либо зъ тамошнихъ, не толко мѣлкихъ, но и знатныхъ персонъ, мимоездомъ зрывается зъ оними воротами, то ради чести онихъ словъ встають съ коня albo телѣги, и нѣшо перейшовши, знову всѣдають и въ путь свой такъ едутъ. Да онъ же сказиваль, что не въ давномъ времени за житія умершого хана, котораго снѣ тецерь царствуетъ, учинилася была ссора езуитовъ зъ нѣякимь доминѣканомъ, тамъ же въ Пекинѣ резидующими, понеже доминиканъ оній описаль езуитовъ въ Римъ до папи, будто оніе езуити въ суевѣріи идолопоклонническомъ манятъ тамошнимъ китайцамъ, тимъ которіе и вѣру Христову приняли, по кеторому доношенію папа до хана въ Пекѣнъ присилаль своего пунѣбуса и когда ханъ увѣдалъ то оскарженне езуитовъ, ставшеея отъ доминѣкана передъ папою, велѣлъ оного домонѣкана битъ передъ собою и голову всадивши въ дошеу, велѣлъ его въ турму вкинуть, где оного и уморено, а езуити виправились, что они снисходя жестокосердію оного народа, невозбраняли нѣкоторихъ чинить церемонїи вѣрнимъ, особливо въ воспоминанїи свойственнихъ умершихъ ихъ, надъ которихъ могилами обикли садится свойственники живие и тамъ кушать и пить, протчіе же имѣють дощечки нѣкоторіе, на которихъ имена умершихъ порядкомъ внизъ написанни суть, при которихъ словахъ мнѣть умершимъ душамъ обрѣтагися. Да и то говорилъ, что удивительная робкость и страхъ въ китайцовъ прямыхъ имѣется по завладѣнїи манзуровъ, ибо хочай толь безчисленное множество онихъ китайцовъ противъ числа манзуровъ есть, на одного Манзура по 1000 развѣ китайцовъ стигло стати, однако жъ китайци въ превеликой отъ нихъ содержатся боязни и саміе тяжкіе подати безъ всякаго прекословія манзурамъ видають.

Пятокъ. 7. Сегодня рано ездилемъ до п. Петра просить о дѣлѣ моемъ и обѣщаль завтра Швайковского призвать къ себѣ ¹⁾).

Субота. 8. Сегодня обѣдалемъ у паней, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, и оттуду въ свою прїехалимъ квартиру.

¹⁾ Слѣдуетъ выписка изъ „философіи“.

Неделя. 9. Сегодня обѣдалисмо у паней, по обѣдѣ играемъ въ карти зъ Александромъ и другими, зъ выграшомъ моимъ; у вечеру пріехали въ свою квартиру зъ Яковомъ Мирвичемъ и тутъ заставши Валкевича, всѣ вечералисмо. Новоторжцовъ Михайло Ивановъ, канцеляристъ иностранной коллегіи, за секретара посланъ въ Глуховъ, до князя Шаховского.

Понедел. 10. Сегодня рано билемъ у Степанова и графа Головкина, отъ которыхъ слыхалъ тое, что о сестрѣ Улянѣ Ивановнѣ указъ закрѣпили въ тайномъ верховномъ совѣтѣ, чтобъ ей свободно ехать въ Малую Россію. Обѣдаемъ у паней; по обѣдѣ, у вечеру ездилемъ до архіерея новгородского, у котораго долго просидѣвши, пріехали въ свояси.

Вовтор. 11. Сегодня обѣдаемъ у паней, а по обѣдѣ позабавилемся у карти и заездилемъ до Курбатова и оттуду въ свою квартиру.

Среда. 12. Сегодня ездилемъ до Наумова и до п. Петра, обѣдаемъ у паней, а по обѣдѣ заездилемъ до нашихъ посланниковъ и тамъ игралъ въ карти зъ выграшомъ 2 р. зъ барышемъ, тамъ и вечералемъ зъ доволнимъ разговоромъ продажѣ Якова Мирвича, а куплѣ Стефана Миклашевского, 3 штановъ за 10 алтинъ.

Четвер. 13. Сегодня обѣдалисмо у паней, а у вечеру были у мене наши посланники, Валкевичъ и Иванъ Гамалѣя, и долго просидѣли въ карти играючи, тутъ же билъ и Тарновскій, а я зъ выграшомъ остался.

Пятокъ. 14. Сегодня родитель былъ у графа, у котораго о своемъ и паней опредѣленіи увѣдомился. Обѣдалисмо у паней мало, а окончили обѣдъ у Николая Ивановича Бутурлина, откуда я заездилъ до Курбатова прощаться, оттуду у паней билъ и посланниковъ нашихъ, где лики со тимпани били и я заледво увоишолъ.

Субота. 15. Сегодня обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ тамъ же забавилемся для пріехавшихъ гостей Бутурлина Николая зъ женою, и пріехали въ свою квартиру оттуду. У вечеру позно пріехалъ Казѣмиръ зъ подводами, и въ нихъ запасомъ.

Неделя. 16. Сегодня обѣдалисмо у паней, были рано у князь Дмитрія Мих. Голѣцина и у вечеру у паней были жъ, вечерали и заговѣли, где билъ Тарнавскій и Омеляновичъ, а по ихъ отходѣ Валкевичъ, зъ котормъ играли въ карти зъ проиграшомъ моей полтины. Увѣдомилисмося отъ Казѣмира и вчора поданныхъ писемъ, что родителька была барзо болна и что сотникъ лукомскій людей моихъ хуторныхъ посажалъ за приказъ и жени моей въ Глуховѣ по сейчасъ немашъ.

Постъ вел. Понеделокъ. 17. (*Слѣдуетъ выписка изъ Буддея*).

Вовтор. 18. Сегодня зачалъ я читать книгу епископа Абриценского Петра Данила Гуецѣя подъ титуломъ тимъ: Demonstratio evangelica.

Севеда. 19. Сегодня рано ездилъ въ телѣжній радъ и купилъ аглинскую коляску за 22 р. и 2 ведра вина простого. Вѣжевскому далемъ 6 р. въ расходъ и записалемъ

Четвер. 20. Сегодня ездилемъ зъ род. въ телѣжній радъ и некупивши, повернулись назадъ. Вѣжевскому далемъ 11 р., зъ котрыхъ тюкъ китаю средней руки купили за 8 р., штучка по 8 аршинъ; да Вѣжевскому жъ на кафанъ далемъ 2 р. и Роману 3 р.

Пятокъ. 21. Сегодня службы Божой у Воскресенія слухалисмо. Подводи у жителей сѣвскихъ наняти до Глухова за 5 р. Вѣжевскому обранне свое далемъ.

Субота. 22. Сегодня приобщалисмося Тайнамъ Святимъ и обѣдали у себе зъ братомъ, а родитель у паней. Барету род. купилъ на зимномъ стану за 38 р. (*Слѣдуетъ выписка изъ Данила Гуеція*).

Неделя. 23. Сегодня рано билисмо у графа, а оттоль я ездилъ до Богоявленского и по службѣ обѣдалъ у панѣи. Отецъ Исаия Заславскій, бившій Иоанъ капелянъ паней, приехалъ въ Москву, акоби до паней зъ одной горливости своей.

Понеделокъ, 24. Сегодня обѣдалисмо у паней, где Исаия въ разговорѣ объявилъ мнѣ свой интересъ: сирѣчь изверженіе себе отъ игуменства Каташинского архиереемъ чернѣговскимъ и удержаніе его имѣнія Гавриломъ, черицемъ, ради чего приѣхалъ сюда въ Москву.

Воспоминаніе прошлогодной его величества коронацѣи праздновано и иллюминацѣя была на Царициномъ лугу израдная въ присутствіи его величества, а я оную смотрѣлъ у Курбатова.

Среда. 26. Романъ и машталѣръ мой Лисій, также Желязо и другіе поехали въ Малую Россію, а черезъ Романа пошлему письма до родителки—зъ сожалѣніемъ о приключившейся ей болѣзни, до п. Михайла—зъ прилогомъ календара пѣтербургского, до Количова—комлементъ, до господара моего—о пространнѣйшемъ его ко мнѣ писанню, а до паней—о моемъ скоромъ отездѣ и всѣхъ насъ къ домови, да къ ней же пошлему лѣкарство, за 7 гривень въ аптецѣ купленное, на ея болѣзнь, и коляску аглинскую, а о прочемъ приложенъ зде реестръ. После нихъ поехалъ Степанъ молодикъ зъ выкупленнымъ канцеляристомъ Чугутовимъ, женою и дочерью его, въ Роменъ. Антонъ Антоновичъ (Гамалѣя), зъ числа давнихъ арестантовъ, умеръ зде въ Москвѣ.

Четвер. 27. Сегодня рано ездилемъ въ колегію, а оттуду у паней обѣдаемъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилемъ до (архіепископа?) Новогор., где долго просидѣлемъ.

Пятокъ. 28. Сегодня прислалъ ко мнѣ Небушъ, маіоръ гвардіи, за коляскою своею, якую я заарестовалъ за полтора руб., взятихъ Афонкою плотникомъ.

Мартъ. Субота. 1. Сегодня обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ заездилемъ до Івана Гамалѣи и оттуду пріехалемъ зъ ними до кунштовъ, чили куколь нѣякихъ, майстера, которіе онъ зъ танцами намъ представлялъ. Былемъ сегодня у Степанова зъ прошеніемъ о выдачѣ указовъ зъ тайного верховного совѣту о дѣлехъ паней. Слушало дѣло род. у графа зъ полчанами (лубенскими) бывшее.

Недѣля. 2. Сегодня обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ зъ Александромъ ездилемъ до Івана Гамалѣи и посланниковъ.

Понедѣлокъ. 3. Сегодня былемъ у Степанова и въ колегіи, а у вечеру посѣщали мене посланники, Іванъ Гамалѣя, Валкевичъ, зъ которми до 11-го часа програтисмо въ карти. Видалемъ ящикъ Небушу, а полтора руб. пропало.

Вовтор. 4. Сегодня праздновалимо у паней тезоименитство сестри Уляни Ивановни и подшіяхомъ. Купилемъ столикъ каменный за 1 р.

Середа. 5. Сегодня въ своей квартирѣ кушалимо, а у вечеру ездилемъ до Курбатова и посидѣвши, повернулемся назадъ въ свою квартиру. Сегодня род. обсилка била, куѳа гор., масла дѣжка, кури. гуси.. (?) Вѣжевскій далъ людямъ моимъ по 2 р., Алексѣю, Петру и Юску.

Четвер. 6. Сегодня рано былемъ у колегіи, у паней и дома обѣдалимо, а по обѣдѣ заездилемъ до Степанова зъ благодареніемъ и приѣхавши до Ивана Гамалѣи, игралемъ въ карты.

Пятокъ. 7. Купилемъ сіомгу копченую за 4 гривни.

Субота. 8. Сегодня обѣдалимо у паней, а по обѣдѣ у вечеру ездилемъ до п. Петра, где фабулу слушалъ о Турандоктѣ и Каляфу. Василій Жуковскій, сотниченко глинскій, отъ своихъ подданныхъ волошиновскихъ забить, пробить, проколоть и носъ ему отрѣзанъ.

Неделя. 9. Сегодня праздновалимо два рожденія: сестри Уляни и дочери ея, и самой паней—завтрешнее тезоименитство; оттуду заездилемъ до Еропкина и приѣхалемъ въ свою квартиру.

Понедѣлокъ. 10. Сегодня ездилемъ въ колегію рано, а оттуду приѣхавши, обѣдалимо въ своей квартирѣ, а у вечеру билемъ у Степанова и Курбатова.

Вовтор. 11. Укази зъ тайного верховного совѣта о сестрѣ и панюй прислани въ іностранную колегію. Семень, слуга братовъ, приѣхалъ зъ Ромна зъ извѣстіемъ о болѣзни головной матки нашей.

Середа. 12. Сбгодня Вѣжевскому далемъ 6 р. и записалемъ. Былемъ въ колегіи іностр.

Четвер. 13. Сегодня былемъ же въ колегіи и видѣлемъ укази о паней и сестрѣ, состоявшіеся въ тайномъ верховномъ совѣтѣ. О паней таковъ: по титлѣ, сего февр. 10-го дня, пожаловали мы гетманшу Скоропадскую за вѣрную службу мужа ея гетмана Скоропадского, указали—по доношенію и миѣнію іностранной колегіи, дать ей для препнтанія по смерти еи во владѣніе изъ отписныхъ, вновь пожалованныхъ мужу ея, бывшему гетману Скоропадскому

деревень кромѣ тѣхъ, которіе надлежатъ на булаву, отъ трехъ до четырехсотъ дворовъ, а по смерти ея тѣ деревни взять возвратно на насъ, и о томъ въ посланной грамотѣ къ гетману написать именно, и повелѣваемъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ учинить о томъ по сему нашему указу. 1729 году, февр. 28-го, въ тайномъ верховномъ нашемъ совѣтѣ. О сестрѣ Улянѣ Ивановнѣ по титулу: Сего февр. 5-го дня, указали мы по челобиттю бывшей гетманши Скоропадской, дочь ея Уляну, которая была за бывшимъ нежинскимъ полковникомъ Петромъ Толстимъ и нинѣ по указу живетъ въ деревнѣ, изъ деревни отпустить къ помянутой матери ея и нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ о томъ вѣдать, а въ сенатѣ о томъ же нашъ указъ посланъ февр. 20-го дня 1729 г.“

Пятокъ. 14. Сегодня рано ездилемъ до доктора Бидлова и давши ему 15 ефимковъ, объявилъ ему о болѣзни матери и прислалъ рецепта.

Субота. 15. Сегодня обѣдаемъ у паней, а по обѣдѣ билъ у Курбатова. Посланные наши отправились уже въ дѣлехъ своихъ, да не ехали, бо не били у графа. Далъ рецептъ докторъ Бидловъ на epilepsію болѣзнь матери, въ которомъ 14 лѣкарствъ, и за оніе дано 14 р. безъ 5 а. Сихъ лѣкарствъ таковымъ порядкомъ употреблять: по 1-му, спѣритусомъ теплимъ виски мазать и платкомъ обмоченимъ въ оный обвязать, да спину вповоду терти крѣпко, по утру и у вечеру, и шю. По 2-му, прошки проносіе принимать по одному черезъ тиждень въ чаю, и тогда другихъ лѣкарствъ не принимать жаднихъ. По 3-му, порошокъ, всякій папѣркъ оного на всякій день въ полдня часъ спустя по обѣдѣ и у вечеру, якъ спать ложится, въ чаю албо пивѣ, смѣшавъ, принимать. По 4-му, тинктури ежеденно рано по 100 капель, съ виномъ венгерскимъ, принимать. По 5-му, зъ травъ шапеу здѣлать и тую денно и ношно носить. Отъ корѣнныя, водокъ крепкихъ, ренского вина и сировизнѣ беречься. NB. Прежде употребленія лѣкарства, зъ ноги пустить кровь до полфунта и 4 неделѣ спустивши, въ другій разъ, такую жъ мѣрою пустить изъ другой ноги, съ такого жъ мѣста, жилную. Зъ тимъ лѣкарствомъ посланъ Семень слуга брата

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLV, 1894 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

	СТР.
I. ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ФЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО. Н. Шугурова. (Окончаніе).	1—25
II. АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО. (Окончаніе). 26—48	514—534
III. ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ ЛѢТЪ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. В. Пискорскаго	49—60
IV. КАКОЙ ЮБИЛЕЙ ИМѢЕТЪ ПРАВО ПРАЗДНОВАТЬ г. ПЕРЕЯСЛАВЪ ПОЛТАВСКОЙ Г.? А. С.	61—73
V. ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО. (Продолженіе). 74—90, 214—235	414—438
VI. УТОПЛЕННИЦА. Ф. Кудринскаго. 91—127.	236—257
VII. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕ- ТИКИ. (Продолженіе). 128—145	496—513
VIII. АНТОНЪ ТАНСКІЙ, ПОЛКОВНИКЪ КІЕВСКІЙ. (1712— 1734 г.) (Къ портрету его тещи).	146—151
IX. РЪЧЬ ИВАНА МЕЛЕШКА, КАКЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПА- МЯТНИКЪ. Н. Ф. Сумцова.	195—213
X. ПО ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЗАПОРОЖСКОЙ СЪЧИ ВЪ ПЕРВЫЯ ВРЕМЕНА ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. Съ картой. Л. Падалки. 258—276	439—461
XI. ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО. 277—307	462—495
XII. СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ НА КНЯЖЕЙ ГОРѢ ВЪ 1893 Г. Ник. Бѣляшевскаго	308—317

- XIII. «ПОНОКЪ». Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ. **Боръ Познанскаго. (Продолженіе)** . . . . .
- XIV. ГРЕЧЕСКІЕ ЕПИСКОПЫ-САМОЗВАНЦЫ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII в. **А. Голомбiовскаго.** . . . . . 332—341
- XV. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ПО I. РОЛЛЕ. **А. Ефименко.** . . . . . 387—413
- XVI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо А. С. Анненкова кiевскому генераль-губернатору Д. Г. Бибикову. Сообщилъ **О. Л.** б) Къ исторiи торговли въ Малороссiи XVIII в. **И. Лучицкаго.** в) Письмо жены гадяцкаго полковника Григорiя Грабянки Евдокии Ивановны къ брату своему Ивану Забѣлѣ. **А. Л.** г) Варианты сказки о невѣрной женѣ. **В. Ястребова.** д) Къ биографiи А. А. Котляревскаго. **Е. Пѣтухова.** е) Справка о практическихъ занятiяхъ студентовъ по предмету росiйской словесности въ первые годы жизни Университета св. Владимiра. **В. Науменка.** ж) Дорогой хлѣбъ. Сообщилъ **В. Милорадовичъ.** з) Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ. **Л. С.** и) Къ биографiи А. В. Марковича. Изъ воспоминанiй **М. К. Чалаго.** i) Къ исторiи обитателей Паисiя Велячковскаго. **П.** к) Письма А. А. Краевскаго къ Г. Ѳ. Квиткѣ. Сообщ. **Вс. С—ий.** л) Мѣры противъ умевъшенiя сборовъ въ кiевскихъ казенныхъ кабакахъ (1775 г.). **А. А.** м) Изъ прошлаго Кiево-Межигорскаго монастыря. **А. А.** н) Историческiя мелочи. **А. Л.** о) Историческiя мелочи. **А. Л.** п) Леопардовская коллекцiя въ кiевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. р) Универсаль гетмана Скоропадскаго о вечерницахъ, кулачныхъ бояхъ, собирахъхъ подъ Ивана Купала и проч. 1719 года. Сообщ. **Ѳ. Николайчинъ.** с) Про вовкулакiвъ. 152—175, 342—360 . . . . . 535—545
- XVII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Генеральное слѣдствiе о маѣностяхъ Кiевскаго полка 1729—1730 годовъ. Сообщилъ **Н. П. Василенко.** б) Генеральное слѣдствiе о маѣностяхъ Гадяцкаго полка 1729—1730 годовъ. **В. М.** в) Theodorus Wierzbowski. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. **А. Сто-**

- г) **Городъ Качибей** или **Гаджибей**, предшествен-
города Одессы. **А. Маркевича. В. Я. д)** Южная Русь
при **Екатеринѣ II. Проф. А. И. Маркевича. В. Я. е)** Николаевскій
календарь и справочная книга на 1894 г. Изд. **И. А. Фе-**
фербойма. В. Я. ж) Этнографическое Обзорѣніе. Изданіе Этногр.
Отд. Импер. Общества Любит. Естествозн., Антропол. и Эт-
ногр., состоящаго при Московскомъ университетѣ. 1893 г.
№№ 3 и 4 (Кн. XVIII и XIX). В. Я. з) Крестьянское
хозяйство въ кievской губерніи. (По поводу брошюры **И. М.**
Ревы «Кievскій крестьянинъ и его хозяйство»). **Л. С. Л. и)**
Е. Рѣдинъ. Харьковъ—какъ центръ художественнаго обра-
зованія юга Россіи. **Н. Ш—ва. і)** Археологическія извѣстія и
замѣтки, издаваемые Имп. Моск. Археологич. Общ. **Б. к)**
Dr. Fr. Pastrnek. Bibliographische Uebersicht über
die Slavische Philologie 1876—1891. **А. Степовича. л)**
С. Блекловъ. «За фактами и цифрами. Заняскі земскаго
статистика». **Л. С. Л. м)** **П. Тутковскій.** Юго-западный
край. Популярныя естественно-историческіе и географическіе
очерки **А. н)** Матеріалы по археологій Россіи, издаваемые
Императорскою Археологическою Комиссіею № 12. Древности
Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Изслѣдованіе **А. А.**
Бертъе-Делагардъ. Съ 7 таблицами и 2 политипажками. Спб.
1893.—№ 14. Древности Сѣверо-Западнаго края. Т. I, вып.
2. Люцинскій могильникъ. Съ XV таблицами рисунковъ и
36 политипажками. **В. Ястребова. о)** Отчетъ Императорской
Археологической Комиссіи за 1891 годъ. Съ 200 политипа-
жей. **В. Я. п)** Памятная книжка Курской губерніи на
1893 годъ. Изданіе Курскаго Статистическаго комитета. Со-
ставлена Секретаремъ Комитета **Т. I. Вержбицкимъ.** Цѣна 1
р. 30 коп. **Ө. Титова. р)** Объяснительныя параграфы по
исторіи западно-русской церкви. **Ө. Титова. с)** «Слѣды
іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности. Слово
Кирилла Философа». **Г. М. Бараца. А А. 176—194,**
361—386 . . . . .

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Янъ Марковича (241—288).	
2) Прошеніе Сотниковъ Черниговскаго полка о козачьихъ обѣдахъ, поданное имп. Ели- заветѣ въ 1744 г.	1—20
3) Портретъ жены Палѣя.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—2

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религиозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границу изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Дозволено Цензурою Кіевъ 3 Іюля 1894 г.
